

О.И.КАШИЦА

детский ФОЛЬКЛОР

песни
потешки
дразнилки
сказки
игры

ПРИБОЙ ~ 1928

О. И. КАПИЦА

ОБЩЕСТВЕННАЯ

У 571
244
251 250

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

ПЕСНИ, ПОТЕШКИ, ДРАЗНИЛКИ, СКАЗКИ, ИГРЫ

ИЗУЧЕНИЕ. СОБИРАНИЕ.
ОБЗОР МАТЕРИАЛА

24450-4

„ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД
1928

В. И. Капица

Обложка работы
Е. Г. ДОРФМАН

21920-63

Ленинградский Областлит № 11317.
14¹/₄ л. Тираж 3000. (Х. 50. 26106/Пр.)

ОТ АВТОРА.

Детский фольклор, русский и народов, населяющих СССР, мало изучен, не проделана первая стадия работы, необходимая для этого; не приведен в известность и не систематизирован весь обширный, накопившийся за многие годы материал в специальных изданиях.

В течение нескольких лет мы делаем эту работу и располагаем в настоящее время собранием около 8 000 песен, игр и других видов детского фольклора. Кроме материала, извлеченного из этнографических журналов и специальных изданий, в наших руках много записей, сделанных на местах нами и разными лицами, преимущественно нашими учениками-студентами и студентками Педагогического института имени А. И. Герцена. Этот материал, который пока нам нет возможности напечатать, лег в основу нашей работы.

Главное содержание предлагаемой книги составляет обзор литературы и материалов, но попутно мы даем некоторые обобщения и выводы, на которые наталкивались, систематизируя и изучая детский фольклор. Изучение детского фольклора и быта должно занять место не только в этнографии, но и для педолога и педагога-практика это область громадного значения. Детский фольклор один из путей, который подводит нас к познанию ребенка, преимущественно крестьянской среды, его творчества, быта, интересов, запросов.

Многое из детского фольклора отжило и не отвечает современным педагогическим и социальным устремлениям, но в большей своей части он долго будет неиссякаемым

источником для детской книжки и для работы с детьми в разных направлениях.

Книжка наша может быть полезна и всем изучающим детскую литературу, так как с детского фольклора, по нашему глубокому убеждению, должно начинаться ее изучение.

Как первая работа, обнимающая детский фольклор в его целом, она может быть представит интерес, но в ней по той же причине могут быть пробелы, а возможно и ошибки.

Приносим глубокую признательность Павлу Константиновичу Симони за его советы и указания литературы, значительно облегчившие нашу работу.

О. К.

6 ноября 1926 г.
Ленинград

ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СОСТАВ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

ДЕТСКИЙ фольклор — это термин, который вошел в употребление в последние годы и применяется для обозначения всех произведений устной народной словесности, предназначенных для детей.

Носителями детского фольклора являются дети и взрослые — матери, бабушки, няни и все те лица, на попечении которых находятся дети или которые, в силу тех или иных обстоятельств, близки к детям.

Таким образом под детским фольклором мы понимаем как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество.

Выделяя детский фольклор в самостоятельную область, мы должны иметь в виду два фактора: детский быт и детскую психику. Вне реальных условий обстановки, в которой живут носители детского фольклора, и вне причин создания этого быта нельзя подходить к его изучению. Детский быт только отчасти отражает жизнь взрослых, но многие его стороны вырабатываются независимо от взрослых и обусловлены всей совокупностью особенностей детского возраста.

Детские познавательные способности, интересы, восприятие художественных образов не те, что у взрослых, и это кладет своеобразный отпечаток на те произведения словесного творчества, которые живут среди детей. Изучать детский фольклор необходимо на фоне жизнен-

ной обстановки в связи с бытом, учитывая в то же время все особенности душевной жизни ребенка.

И. В. Шейн дал первую сводку детского фольклора; в своем собрании народных песен (I)¹ он везде приводит краткие сведения относительно условий и обстановки, при которых поется или сказывается тот или другой вид фольклора. Позднейшие собиратели расширяют эти сведения. Так Е. И. Резанова (IX, 272), приводя заклинание детьми весны и куликов, воспроизводит всю картину этого обряда. Современный исследователь детского фольклора Г. С. Виноградов идет дальше: на основании длительных наблюдений, произведенных в нескольких деревнях Иркутской губернии, он составляет „Детский народный календарь“ (V), в котором на фоне детского быта приводит песни, игры, прибаутки, загадки и другие виды детского фольклора на целый год в сезонной последовательности. Детская народная поэзия прошла длинный путь, пока вылилась в те формы, которые нам известны и закреплены в записях; из тех многочисленных песен и прибауток, которые слышали дети от взрослых, запоминалось и передавалось из поколения в поколение только то, что отвечало органическим запросам детей. Получился естественный отбор — выжило то, что по форме и содержанию приспособлено к пониманию, интересам и вкусам малолеток. Вот почему традиционные народные детские песни и другие произведения дают совершенные по форме образцы и часто пленяют нас красотой своих образов.

Форма детского фольклора находится в тесной связи с детской психикой. Ритм и метрика, повторения, кумулятивность, звукоподражания, аллитерации, ассонансы и другие приемы творчества диктуются детскими вкусами

¹ Римская цифра указывает номер, под которым помещено в списке (в конце книги) название сочинения, арабская цифра указывает страницу, арабская цифра с № указывает номер песни, под которым она помещена в цитированной книге.

и восприятием. То же можно сказать о содержании и образах детского фольклора, и если в них, по выражению К. И. Чуковского, много „лепых нелепиц“ (VIII), то это потому, что ребенок воспринимает их иначе, чем мы, взрослые.

Характер детского творчества, круг восприятия и интересов в зависимости от возраста изменяется. В детском фольклоре мы можем выделить те произведения, которые предназначаются для детей в первые годы их жизни, когда они находятся на попечении взрослых, и те произведения, которые входят в репертуар детей постарше, когда они самостоятельны и развлекают сами себя. К первой группе относятся колыбельные песни, потешки и пестушки, прибаутки, элементарные игры с пальцами и другие забавы в этом роде. Это творчество взрослых, специально для детей назначенное. Едва ли можно сомневаться в том, что „Ладушки“, „Сорока“, песенка „Били бом, загорелся кошкин дом“ — создавались для детей; об этом говорит содержание и форма этих песенок.

Вторая группа обширнее и разнообразнее по составу; в нее входит много песен, заимствованных детьми у взрослых. Заимствованные у взрослых песни подвергаются изменениям и как бы претворяются в детском понимании, другие же переходят без всяких изменений.

Песен измененных значительно больше. „Детские песни собственно не детские, а веселые песни взрослых, доставшиеся в наследство детям.“ Это творчество хороводов, посиделок и святочных игр, — говорит В. П. Хрущов (X); сопоставляя детскую песню „Тень, тень, потетень“ с хороводными, сопровождающимися завиванием плетня, он указывает на те изменения, которым она подверглась в детской передаче.

Проследить путь, пройденный песней взрослых, оформившейся в детскую, и выяснить те изменения, которым она подверглась, в большинстве случаев трудно. Про-

пуски, замена одних слов другими, новые комбинации — обо всем этом можно только догадываться, так как многие песни из репертуара взрослых исчезли и восстановить их невозможно.

Песен, которые вошли в детский репертуар без изменений, значительно меньше. Это песни, потерявшие интерес для взрослых и спустившиеся к детям. К ним относятся сатирические, скоморошные песни, — смысл их утратился и забылся взрослыми, сатира не понятна более, но благодаря своей привлекательной форме и содержанию, которое детьми воспринимается непосредственно, песни эти нравятся им. „Как у бабушки козел“, „Сватовство совы“, „Смерть комара“, „Война грибов“ — все эти песни относятся к этой категории.

Обрядовые песни в тех местах, где взрослое население перестает их петь, также снижаются к детям; обычный колядования во многих местах исчез среди взрослого населения, но сохранился среди детей, они поют колядки и другие праздничные песни. Переход этот совершился на памяти последних поколений, о чем свидетельствуют записи собирателей.

То же происходит и со многими играми, от взрослых они переходят к детям, а в некоторых местностях одновременно играют в них и дети и взрослые. В записях Е. И. Резановой (IX) мы находим одну и ту же игру, записанную в исполнении детей и взрослых. Г. С. Виногоградов (VI, 42) сообщает, что народная драма „Царь Максимилиан“ в Тулунском уезде Иркутской губернии не разыгрывается больше взрослыми, а сделалась сезонной игрой школьников. То же произошло с другой народной пьесой „Лодкой“ в Вологодской и Новгородской губерниях, она также разыгрывается детьми.

Сказки о животных перестали интересовать взрослых и перешли в „ребячьи“ сказки, т. е. те, которые рассказываются детям.

Многие произведения детского фольклора перешли к детям так давно, что память об этом утратилась, относительно других этот переход совершился во времена недавние, наконец, и на наших глазах совершается процесс снижения фольклора взрослых в детскую среду.

Этот процесс усвоения детьми того, чем перестает интересоваться старшее поколение, не дает возможности обособить детский фольклор от фольклора взрослых и провести между ними точную границу. Постольку, поскольку не закончился этот переход, многие произведения устно-народного творчества придется относить с одинаковым правом и к фольклору взрослых, и к фольклору детскому.

Иначе и не может быть: устная народная поэзия в народном быту постоянно изменяется в силу внешних и внутренних причин и снижается от взрослых к детям.

Там, где народная словесность исчезла из быта и перешла в книгу, как это мы видим в большинстве западно-европейских стран, можно обособить детский фольклор от фольклора взрослых. Столь распространенные в Англии *Nursery Rhymes* прошли те же стадии развития, которые проходят наши детские песни и в значительной части произошли также из песен взрослых.

Мы останавливаемся на факте снижения фольклора взрослых к детям потому, что с ним связан вопрос об отнесении некоторых произведений к детскому фольклору.

Шейн в первом своем сборнике (II) песни о животных и насекомых поместил в отдел детских песен, но в „Великоруссе“ (II) он перенес их в отдел скоморошных и сатирических, мотивируя это тем, что по таким песням нельзя изучать „быт и психическую жизнь крестьянских детей“. Он указывает, однако, что песни эти потеряли интерес для людей старших поколений, но что благодаря форме и содержанию они явились удобным, желанным и приятным средством забавлять и занимать малюток.

Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса и считаем правильнее отнести эти песни к фольклору детскому. Ведь дети воспринимают только то, что отвечает по форме и содержанию их запросам и интересам, и, если эти песни прижились в детской среде и развлекали детей нескольких поколений, тем самым мы имеем все основания отнести их к детскому фольклору.

Там, где фольклор живет в народе полной жизнью, перед нами часто будет возникать тот же вопрос, но смущаться этим нельзя — это неизбежное следствие процесса перехода произведений народной поэзии от взрослых к детям.

Дети на ряду со своим, свойственным их интересам и возрасту, репертуаром перенимают и запоминают от взрослых песни любовного содержания, злободневные частушки и многие другие, часто непристойного содержания песни. Это явление неизбежно среди детей всех социальных слоев. Песни такого рода постоянно встречаются в записях; интересны они как отражение среды в детской жизни, но при изучении детского фольклора значение их второстепенное.

Детский фольклор живет в среде крестьянской, там он тесно связан с бытом. Из крестьянской среды он широко распространился в среду детей всех других социальных слоев.

Все внимание собирателей сосредоточено на деревне; но интересной задачей было бы проследить, в какой мере фольклор воспринимается городскими детьми, что ими усваивается преимущественно и какие изменения претерпевает он в их среде.

ГЛАВА II.

СОБИРАНИЕ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

СОБИРАНИЕ детского фольклора началось позднее, чем собирание других видов народной поэзии. Первые собиратели мало им интересовались, не придавая этой отрасли фольклора значения. Условия жизни и быта помещиков ставили их в тесную связь с крестьянской средой; дети помещиков и дворян находились на попечении мамушек, нянек и дворовых людей, знакомивших своих питомцев с народными сказками-прибаутками.

Фонвизин в своей автобиографии вспоминает о том, как любил слушать песни и сказки одного из дворовых. О привычке слушать сказки упоминается в сатирических журналах XVIII века. В журнале „Смесь“ (1769 г.) говорится: „Многие отцы и матери, когда дети по ночам не спят, приказывают им сказки сказывать“. Детство П. В. Киреевского (XXXIII), выросшего в помещичьей деревенской обстановке, насыщено было народной поэзией, о чем свидетельствуют его биографы. Детская народная песня жила в быту, и не было надобности записывать то, что даже не осознавалось как народная поэзия. Дальнейшее воспитание на иностранных языках, презрение к народному творчеству отдаляло подрастающее поколение от народной поэзии, но для избранных натур воспринятая в первом детстве народная поэзия пробуждала в дальнейшем интерес к ней. Классическим примером заложенной в детстве любви к народному творчеству является Пушкин, всецело обязанный этим

Арине Родионовне. Это не единственный пример: биографии, автобиографии и мемуары разных лиц дают нам образы нянюшек-крестьянок, о сказках и песнях которых питомцы их с трогательной благодарностью вспоминают всю жизнь.

Е. А. Авдеева в своих воспоминаниях приводит колыбельные песни и прибаутки, слышанные ею в детстве. „В старину, — говорит она, — нянюшки, или где их не было, мать или бабушка, укладывая ребенка, пели, или, лучше сказать, приговаривали разные рассказы и припевы. Конечно, в них нет ничего остроумного или поэтического, они изображают простой старинный быт и какие-то особенные понятия о воспеваемых предметах. В них, как в русских песнях и сказках, всего чаще встречается вольная бессмыслица, потому что этого нельзя назвать ни лукавым простодушием, ни юмором. Теперь редко где в отдаленных от столицы и больших городов местах можно услышать такие припевы“ (XI).

Прежде всего обратили на себя внимание колыбельные песни. Сахаров в своих сборниках (XII) приводит 4 колыбельных песни, но 3 из них исторического содержания — воспоминания о татарах; среди игр с припевами и словесными приговорами он выделяет и несколько детских.

В сборниках песен, записанных Киреевским, мы находим 6 колыбельных песен, сообщенных ему В. Пасеком, из них одна финская, переданная в русском стихотворном переводе (XIII). Упомянем еще о книге Терещенко „Быт русского народа“ (XIV), в ней помещено несколько распространенных потешек („Ладушки“, „Сороки“), колыбельных песен и игр; к русским песням приведены параллели на малорусском и польском языках.

Вот все наиболее существенное, что дали нам записи 20-х и 40-х годов по детскому фольклору. 50-е и 60-е годы, отмеченные в России общим подъемом интереса к

педагогическим вопросам и к народной школе, дали значительно больше записей. Народная поэзия обратила на себя внимание, как материал большой художественной и педагогической ценности.

На страницах наиболее распространенных детских журналов „Подснежник“, „Звездочка“ и „Лучи“ начинают появляться народные сказки, былины, песни, игры, загадки и пословицы. К ним даются пояснения. Так, сказкам „Три зятя“ и „Кот и петух“ предпосланы следующие строки: „Предлагаемые русские сказки — сказки народные, народ сложил их. Они живут и передаются от отца к детям. Помещая время от времени в нашем журнале эти сказки без всяких прикрас и прибавлений, мы заботились единственно о чистоте языка“ (XV).

В другом журнале помещены две песни калик-перехожих, записанных в Орловской губернии; песням также предшествуют сведения о них, и автор сокрушается о том, что „воспитание, какое по большей части дается нам, к сожалению, отделяет нас от нашего доброго народа“ (XVI). По этим выпискам мы видим, что вместе с идеей народности начинает получать признание народная поэзия и ее педагогическая ценность.

Педагогический журнал „Учитель“ на своих страницах высказывает пожелание, „чтобы наши собиратели народных сказок, легенд и загадок в то же время обращали внимание на детские игры с их припевами, этим они оказали бы величайшую услугу делу воспитания“; в той же статье редакция обращается к своим подписчикам с просьбой „всем, кому дорого дело первого воспитания, записывать все песни и припевы, которые случится услышать от нянек“ (XXXI, 467). Читатели откликнулись на призыв, материалу прислано было много, в каждом номере журнала ему уделялось место.

В 1867 г. появилось „Родное слово“ К. Д. Ушинского, книга, составившая эру в нашей учебной литературе — одна из самых талантливых русских книг для

детей, давшая направление всем последующим книгам для классного чтения. Ушинский первый ввел в учебную книгу фольклор. В „Родном слове“ помещено много сказок, песен, загадок, прибауток, скороговорок и пословиц. В методическом руководстве к „Родному слову“ Ушинский выдвигает педагогическое и художественное значение народной поэзии и особенно много места уделяет сказке. „Я решительно ставлю народную сказку выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой“, говорит он (XVII). После Ушинского до последнего времени фольклору всегда уделялось место в классных книгах для чтения.

В первый период своей педагогической деятельности в Ясной Поляне Л. Н. Толстой уделяет большое внимание фольклору. „Единственные книги, понятные для народа... это сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок“ (XVIII). Далее он указывает на особый интерес у детей к такого рода произведениям. В журнале „Ясная поляна“ помещались народные сказки, анекдоты, загадки и пословицы.

Признание педагогической и художественной ценности фольклора послужило поводом к появлению сборников фольклора для детей.

В 1844 г. появились „Русские сказки, рассказанные для детей нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой“, записанные и изданные К. Авдеевой. Это были первые народные сказки, не искаженные сентиментально-слащавой переработкой в духе детской литературы эпохи, а сохранившие в передаче много подлинно-народного.

„Детские песни“ П. А. Бессонова, появившиеся в 1868 г., были выдающимся явлением не только в области детской литературы, но и в области фольклора. Бессонов дает разнообразные, с большим художественным вкусом подобранные колыбельные песни, потешки, прибаутки, песни о животных, колядки, сказки, игры и загадки. Сборник имеет вид небольшой книжечки интимного характера;

на обложке изображена крестьянка у колыбели; книга иллюстрирована несколькими рисунками на отдельных листах, печать крупная. Песни и игры сопровождаются объяснениями простым языком в народном духе. В приложении даны ноты к нескольким песням. Рисунки сделаны по наброскам академика Коренева, а ноты с голоса Бессонова записывал В. Кашперев, а просматривал А. Н. Серов, редактировал сборник к печати В. Ф. Одоевский. Сборник представляет собою первый выпуск и назначается для младшего возраста. Второй и третий выпуски, предназначенные для старшего возраста, за недостатком средств, не увидели свет. „Песни, вошедшие в сборник, — говорит Бессонов, — с раннего детства знал я сам и распевал с голоса и слов дорогой моей кормилицы, а потом долголетней моей няни Василисы Зиновьевны; выросши я проверял заученные с образцами на стороне, у других, признал же подлинным лишь те, кои явно — по всем отличиям — вышли из самого народа“. Книга встретила очень сочувственный прием: „Крестьянам она нравилась. Интеллигентные семьи изумлялись проникшей к ним „новости“ и „странному“ восторгу детей“ (XX, 25). Также сочувственно встретила книгу и критика. М. Де-Пуле дает „Детским песням“ педагогическую оценку и поднимает в связи с этим назревший в то время вопрос „о простоте и народности в деле начального воспитания“ (XXI). В 1883 г. должно было появиться 2-е издание „Детских песен“, был подписан договор с издателем, но по неизвестным причинам книга не была напечатана. В настоящее время „Детские песни“ Бессонова представляют большую библиографическую редкость, их можно найти только в больших книгохранилищах и у некоторых библиофилов.

„Детские песни“ Бессонова до сих пор остаются лучшей книгой в своей области; этнографическое ее значение несколько умаляется тем, что в ней нет никаких данных о месте записей, и той, правда небольшой, лите-

детей, давшая направление всем последующим книгам для классного чтения. Ушинский первый ввел в учебную книгу фольклор, в „Родном слове“ помещено много сказок, песен, загадок, прибауток, скороговорок и пословиц. В методическом руководстве к „Родному слову“ Ушинский выдвигает педагогическое и художественное значение народной поэзии и особенно много места уделяет сказке. „Я решительно ставлю народную сказку выше всех рассказов, написанных нарочно для детей образованной литературой“, говорит он (XVII). После Ушинского до последнего времени фольклору всегда уделялось место в классных книгах для чтения.

В первый период своей педагогической деятельности в Ясной Поляне Л. Н. Толстой уделяет большое внимание фольклору. „Единственные книги, понятные для народа... это сказки, пословицы, сборники песен, легенд, стихов, загадок“ (XVIII). Далее он указывает на особый интерес у детей к такого рода произведениям. В журнале „Ясная поляна“ помещались народные сказки, анекдоты, загадки и пословицы.

Признание педагогической и художественной ценности фольклора послужило поводом к появлению сборников фольклора для детей.

В 1844 г. появились „Русские сказки, рассказанные для детей нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевой“, записанные и изданные К. Авдеевой. Это были первые народные сказки, не искаженные сентиментально-слащавой переработкой в духе детской литературы эпохи, а сохранившие в передаче много подлинно-народного.

„Детские песни“ П. А. Бессонова, появившиеся в 1868 г., были выдающимся явлением не только в области детской литературы, но и в области фольклора. Бессонов дает разнообразные, с большим художественным вкусом подобранные колыбельные песни, потешки, прибаутки, песни о животных, колядки, сказки, игры и загадки. Сборник имеет вид небольшой книжечки интимного характера;

на обложке изображена крестьянка у колыбели; книга иллюстрирована несколькими рисунками на отдельных листах, печать крупная. Песни и игры сопровождаются объяснениями простым языком в народном духе. В приложении даны ноты к нескольким песням. Рисунки сделаны по наброскам академика Коренева, а ноты с голоса Бессонова записывал В. Кашперев, а просматривал А. Н. Серов, редактировал сборник к печати В. Ф. Одоевский. Сборник представляет собою первый выпуск и назначается для младшего возраста. Второй и третий выпуски, предназначенные для старшего возраста, за недостатком средств, не увидели свет. „Песни, вошедшие в сборник, — говорит Бессонов, — с раннего детства знал я сам и распевал с голоса и слов дорогой моей кормилицы, а потом долголетней моей няни Василисы Зиновьевны; выросши я проверял заученные с образцами на стороне, у других, признал же подлинным лишь те, кои явно — по всем отличиям — вышли из самого народа“. Книга встретила очень сочувственный прием: „Крестьянкам она нравилась. Интеллигентные семьи изумлялись проникшей к ним „новости“ и „странному“ восторгу детей“ (XX, 25). Также сочувственно встретила книгу и критика. М. Де-Пуле дает „Детским песням“ педагогическую оценку и поднимает в связи с этим назревший в то время вопрос „о простоте и народности в деле начального воспитания“ (XXI). В 1883 г. должно было появиться 2-е издание „Детских песен“, был подписан договор с издателем, но по неизвестным причинам книга не была напечатана. В настоящее время „Детские песни“ Бессонова представляют большую библиографическую редкость, их можно найти только в больших книгохранилищах и у некоторых библиофилов.

„Детские песни“ Бессонова до сих пор остаются лучшей книгой в своей области; этнографическое ее значение несколько умаляется тем, что в ней нет никаких данных о месте записей, и той, правда небольшой, лите-

сиротский институт, он давал для институтского хора свои нотные записи колыбельных и детских песен.

Записывание песен, по мнению Шейна, должно всегда происходить в жизненной обстановке, в связи с бытом. Этого он держался и при записывании детских песен. Многие записаны им непосредственно от крестьянских детей во время его учительства в Яснополянской школе. Каждому виду детского фольклора в сборниках предшествуют краткие сведения об условиях их бытования.

Песни, собранные Шейном, печатались сначала в „Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете“ (с 1859 года), затем они вышли отдельным сборником в 1870 г. под заглавием „Русские народные песни“, а в 1892 г. вышел том I в двух выпусках „Великорусс в своих песнях“ в издании Академии наук. Смерть Шейна прервала его работы, и II том его песен до сих пор не напечатан.

Оба сборника начинаются детскими песнями. В „Русск. нар. песн.“ помещено 122 детских песни и 3 игры, в „Великорусс“ 267 песен и 18 игр, из них 98 из первого сборника. Исключены колыбельные песни исторического содержания, другие же заменены более характерными вариантами.

В „Великорусс“ детские песни распределены по видам, а в предисловии около страницы посвящено детскому фольклору. Большинство песен печаталось впервые. Шейном записано 100 песен, Потаниным — 31, остальные разными лицами, среди которых встречаем имена Афанасьева, Иваницкого, Худякова, Островского, Паульсона. Только 17 песен взято из печатных источников: 11 — из „Владимирских губернских ведомостей“, 3 — из журнала „Учитель“ и 3 — из воспоминаний Авдеевой.

Шейн первый внес некоторую систему в группировку детского фольклора. Все песни он разделил на два больших отдела. В первом — песни для детей в том возрасте, когда они находятся на попечении взрослых, — сюда он

относит колыбельные и небольшие песенки и прибаутки, которыми забавляют детей взрослые в первые годы их жизни; во втором — песни, „которыми дети, вышедшие из младенческого возраста, уже начинают сами себя забавлять и тешить“. Он выделяет песни, связанные с явлениями природы, „прибаутки, которыми шаловливые ребята потешаются друг над дружкой и над взрослыми“, счет, грибные песенки, игры с песенными приговорами.

Большие песни о животных („Сова“, „Козел“ и друг.) в первом своем сборнике он поместил в детский отдел, а в „Великорусс“ отнес их к отделу сатирических и скоморошных. О мотивах такого перемещения мы говорили выше.

Нам остается сказать несколько слов о сборнике, предназначенном для детей, составленном А. Е. Грузинским по материалам, предоставленным ему Шейном. В него вошло 57 песен, 7 игр, докучные сказки и загадки. Большинство песен те же, что и в больших сборниках Шейна, но есть несколько, появившихся в печати впервые. Вид сборника очень скромный, плохие рисунки (III). Шейн, как нам известно от лица, слышавшего это непосредственно от самого Шейна, сборником этим был неудовлетворен.

В критических отзывах, посвященных собраниям песен Шейна, всегда отмечается отдел детских песен и указывается на его значительность.

Шейн дал первую и до сих пор, к сожалению, единственную сводку детского фольклора. После появления „Великорусса“ прошло почти 30 лет, и записей по детскому фольклору в печати накопилось большое количество, но весь этот обширный материал разбросан большей частью в специальных изданиях, мало доступных рядовому читателю. Детский фольклор можно найти в журналах „Живая старина“, „Этнографическое обозрение“, в „Губернских ведомостях“, в „Известиях Географического общества“, в „Трудах Этнографического

отдела Известий Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии", в "Памятных книжках земств", в "Трудах губернских архивных комиссий" и т. д.

В местных сборниках фольклора можно найти и детский фольклор, так, например, большое место отводит ему Добровольский в своем "Смоленском сборнике" (XXXII); в других сборниках этого не делается, детский фольклор теряется в общем материале.

Издано несколько местных сборников детского фольклора, составленных из материалов, раньше печатавшихся в специальных изданиях. Сборник Можаровского (XXIII) дает разнообразный и большой материал по детскому фольклору Казанской губернии, большая часть песен и игр воспроизведены автором по воспоминаниям детства, проведенного в селе Бежбатмане, остальной получен от разных лиц, преимущественно народных учителей Казанской губернии. Материал разделен на две группы по возрасту: до 6 лет, а затем с 6 лет, возраст, с которого крестьянский ребенок перебирается на улицу. Кроме песен колыбельных, потешек, дразнилок и песен, обычно помещаемых в сборниках, Можаровский приводит детские остроты, шутки и подражания животным.

Каждый отдел сопровождается объяснениями, но в них нет бытовых данных, а только педагогическая оценка, иногда поражающая своей наивностью. Некоторые песни подвергались литературной обработке. Материал предвзвешенно печатался в "Казанских губернских ведомостях" за 1868 г. и в "Трудах Московского общества естествознания" за 1877 г.

В сборнике Кудрявцева мы находим песни и игры Нижегородской губернии (XXIV). Приведено 42 игры, распределенные на уличные, комнатные и школьные. Песни разделены на речитативы, простые комического свойства (дразнилки), имеющие отношение к природе, сказочного характера и песни воспитательного характера,

в эту последнюю группу вошли колыбельные и потешки. Классификация песен случайная, не выделены считалки, колядки, вместе с песнями попадают и заговоры ("Бабушка Соломонида Христа повивала"). Среди народных песен попадают и школьные. В предисловии к сборнику говорится о педагогическом значении народных песен с точки зрения Фребеля, бытовой стороны автор совершенно не касается.

Обширный и хорошо систематизированный материал, собранный в Купянском уезде Харьковской губернии, дает П. В. Иванов (XIV) — большинство песен малорусские, великорусских немного.

Укажем еще некоторые сборники, посвященные отдельным видам фольклора. К. Швидченко в "Святочной хрестоматии" (XXVI) приводит 27 колядок русских, малорусских, разных славянских и других европейских народов, текст колядок сопровождается нотами. В хрестоматии помещено много этнографических статей о праздновании Рождества у разных народов.

Книга д-ра Покровского о детских играх (XXVII) пользуется вполне заслуженной популярностью. Это единственная в своем роде работа по обилию материала и всесторонней его проработке. Автор книги — детский врач — подходит к изучению игр с исторической, этнографической, но больше всего с педагогической точки зрения. Для книги был использован материал, присланный в ответ на разосланную программу из разных местностей России. Более двух тысяч лиц отзывались на обращение Покровского. Сгруппировав, сличив и сверив полученные им описания и сведения между собой, Покровский положил их в основу своего труда. Игр других народов он касается только для параллелей. Порядок, принятый в книге для описания игр, следующий: сначала излагаются приемы, которые существуют у детей для наказания за нарушение правил в той или иной игре, затем способы жеребьевки, потом следует описание игр,

разбитых на группы, в зависимости от умственного и физического напряжения, которого они требуют. В особый отдел выделены игры символические и хороводные.

За последние три года интересный материал дал Г. С. Виноградов преимущественно по сибирскому детскому фольклору в „Народном детском каландре“ (V) и в материалах, приложенных к „Детской сатирической лирике“ (VI).

Кроме материалов по русскому детскому фольклору, в русской этнографической литературе есть небольшой материал по детскому фольклору населяющих Россию народов, так Диваев в разных изданиях печатал киргизские колыбельные песни, проф. Жуковскому принадлежит интересная статья о персидских колыбельных песнях (XXXIV) с многочисленными образцами песен.

Не мало материала можно найти по детскому фольклору народов, населяющих Кавказ, в „Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа“.

Из нашего обзора материалов по детскому фольклору видно, что он достаточно обширен, но, как мы увидим из следующей главы, изучен мало.

ГЛАВА III.

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

ИЗУЧЕНИЕ детского фольклора только начинается. Оно находится в первой своей стадии — идет накопление материала, и, как мы это видели, материал этот достаточно обширен. Вторая стадия работы — свodka и систематизация материала — еще не сделана: ничего подобного собранию Соболевского по детскому фольклору мы не имеем, а потому и неудивительно, что и трудов, охватывающих детский фольклор в целом, нет. То немногое, что сделано в этой области, представляет небольшие исследования, посвященные отдельным вопросам и видам детского фольклора. Другим препятствием для изучения является недостаточная разработка этнографии детства. „Вести изучение произведений устного творчества, оторвав его от бытовой основы, от этнографической основы, не только не целесообразно, но фактически невозможно“ (XXXV, 66). Кроме того, педагогический интерес к детскому фольклору заставлял подходить к нему односторонне, интересовало только пригодное для закрепления в детской книге и игре, исключалось же многое значительное в этнографическом отношении.

В критических статьях и рецензиях можно встретить отрывочные замечания и попытки объяснить те или иные стороны детского фольклора. Обратили на себя внимание в первую очередь встречающиеся в детских песнях и играх культурные пережитки и исторические воспоминания. О них говорит Бессонов, Шейн, о них, полемизируя с Костомаровым, говорит и Буслаев

(XXXVI, 692). И. А. Хрущов в своей рецензии на собрание детских песен Каванской губернии делает попытку объяснения происхождения некоторых детских песен (X). Все это не специальные исследования, а только попутные замечания.

Исследователей, так же как и собирателей, в первую очередь привлекала колыбельная песня. А. Ветухов посвящает ей большую статью. Он пользуется печатными материалами, появившимися до 1882 г. по великорусскому, малорусскому, белорусскому фольклору, а также персидскими колыбельными песнями, записанными В. Жуковским. Объяснив происхождение колыбельной песни, автор делает обзор мотивов ее. Все песни он разделяет на две группы — отражающие мир ребенка и мир матери. К первой группе он причисляет песни о коте и прочих животных, о предметах неодушевленных (колыбель) и отвлеченных (Сон и Дрема). Песни второй группы с лирическим элементом рисуют идеалы и мечты матери о будущем ребенке и личные ее переживания. Особую группу составляют колыбельные песни исторического содержания. Автор выявляет также отражение в колыбельной песне национальных бытовых черт. В заключение дается характер стиха колыбельных песен как особого жанра.

В труде академика Е. Ф. Карского „Белоруссы“ (XXXVIII) несколько страниц посвящено детским песням колыбельным, обрядовым и другим. В обзоре колыбельных песен автор следует Ветухову, иллюстрируя изложение белорусскими песнями.

В статье Харувиной, посвященной участию детей в религиозно-обрядовой жизни в древности, у некультурных и культурных народов современности, мы находим интересный материал об обрядовых песнях в детском обиходе (XXXIX).

Статья К. И. Чуковского (VIII) посвящена тому виду фольклора, который называется „небылицами“ и

„перевертышами“; хотя она и написана с целью выявить педагогическое значение этого жанра для детей, но интересна и для изучающих детский фольклор.

В педагогических журналах можно найти статьи о значении пословиц, загадок для целей воспитания, но статьи эти прямого отношения к изучению детского фольклора не имеют, а потому останавливаться на них мы не будем.

Интерес к изучению ребенка не только со стороны педагогов, но и со стороны представителей других научных областей характеризует наше время: лингвистика, психология, антропология и этнография посвящают ему свои исследования. Этот интерес начинает отражаться и на детском фольклоре, на него обратили внимание, его начинают изучать.

Ему отводится место в программах для собирания фольклора; так в „Сборнике программ школьных наблюдений“ проф. Богораз-Тан дает программу по этнографии и включает в нее детский фольклор и быт (XI). Б. и Ю. Соколовы в своем руководстве для собирания произведений устной словесности отводят несколько страниц детскому фольклору и выдвигают вопросы, на которые рекомендуют обратить внимание при собирании материала: возраст детей, отношение между возрастными группами детей в деревне, отношение взрослых к усвоению детьми развлечений и песен, участие девочек и мальчиков в развлечениях и т. д. Выделяя виды детского фольклора, авторы дают характеристику их, отмечая те стороны, которые представляют для собирателя особый интерес (XXXV, 134).

В книгах, посвященных краеведению, отводится также место и детскому фольклору, указывается на желательность участия детей в записях игр и песен. Так Е. А. Звегинцев в своей книге о родиноведении в школе говорит об участии детей в записывании игр. „Вы их можете изучить с детьми и через детей“ (XLI, 51).

А. И. Никифоров в книге, посвященной постановке изучения этнографии в школе, вводит в программы отдельные стороны детского фольклора и быта и в заключение дает небольшую программу, специально посвященную детскому фольклору (СХVIII).

С 1924 г. начали печататься статьи и материалы по детскому фольклору Г. С. Виноградова. Это первый опыт углубленной разработки вопросов этой области на этнографической основе.

В своей книжке „Детский фольклор и быт“ Г. С. Виноградов намечает широкую программу наблюдений. Это в сущности не программа, а небольшое исследование, так как автор не только ставит вопросы, но также освещает их и иллюстрирует примерами. Автор охватывает все стороны детского быта и главные виды детского фольклора. Он касается детского народного календаря, зачатков искусства у детей, общественного и правового быта, игр и игрушек; в детском фольклоре автор выделяет следующие виды: календарный фольклор, песенки без назначения и не прикрепленные к какой-нибудь дате, потешки, заклинания, стишки-небывальщины, дразнилки и поддевки, считалки, скороговорки, загадки, прозвища, прибаутки и остроты, сказки, колыбельные песни, заговоры, детский лубок. Особенное внимание уделяет играм и дает детально и разносторонне разработанную программу собирания их. Автор выдвигает прикладное значение изучения детского фольклора — для педагога и, в частности, для преподавателя-словесника. В заключение автор подчеркивает всю необходимость изучения живой детской жизни: „Надо войти в круг детских интересов, стремлений, тревог, чтобы полно воспринять „живую зелень“ дерева детской жизни“. Такими словами заканчивается книжка, без которой всякому, работающему в том или ином направлении по детскому фольклору, невозможно будет обойтись (IV).

Другая работа Г. С. Виноградова посвящена тому виду детского фольклора, который он назвал детской сатирической лирикой. К ней он относит дразнилки, издевки и поддевки. Автор знакомит с происхождением этого жанра, устанавливает и характеризует разновидности его и дает формальный разбор. К статье приложен материал из разных местностей Сибири (VI).

В своих набросках и очерках по вопросам народной педагогики автор отводит много места и тому фольклору, который создан взрослыми для детей и „вызван к жизни педагогическими надобностями“ (VII, 15). К ним он причисляет колыбельные, потешки, приговорки, забавы, небылицы и т. п. произведения и иллюстрирует примерами применение их взрослыми в общении с детьми. Уделяет внимание автор и „часу рассказывания“, который является методом, „прекрасно разработанным и непрерывно используемым до наших дней в народной педагогике и совсем недавно перенесенным в педагогику научную“ (VII, 21). Как иллюстрацию к сказанному дается превосходная картина из записей автора — рассказывание сказки детям 60-летним стариком. В заключение говорится о влиянии приемов народной педагогики на тех, кто в детстве находился на попечении крестьянок-нянек и кто сохранил благодарное воспоминание о сказках, песнях и забавах детства.

Мы упоминали уже о „Народном детском календаре“, как интересном опыте воспроизведения детского фольклора в сезонной последовательности на бытовом фоне. Вопросы прикладного значения детского фольклора, как материала в курсе словесности, на котором школьники лучше всего могут изучить элементы устно-народного творчества, Г. С. Виноградов разрабатывает в статье „Детский фольклор в курсе словесности“ (СХIX). Автор критически относится к современной постановке изучения народной словесности в школе, считая, что материал, предлагаемый детям, не соответствует особенностям

и запросам детского возраста. Отвечает этим запросам детский фольклор; выделив различные группы и виды детского фольклора, автор дает ряд методических указаний и намечает основные вопросы, на которых следует остановиться.

Г. С. Виноградов является не только исследователем-теоретиком, но большим знатоком детского быта, что придает особую цену его работам.

Г. С. Виноградов положил основание научной разработке вопросов детского фольклора; нужно надеяться, что он даст разработку и других вопросов этой области. Мы не сомневаемся, что его труды побудят и других исследователей обратить внимание на так долго пренебрегаемый детский фольклор.

В западно-европейских странах, особенно в Германии и Англии, по детскому фольклору проделана уже большая работа. В Германии детские народные песни переходят в книгу во 2-й половине XVIII века, в настоящее время имеется большое количество сборников материалов как местных, так и общегерманских, в 1897 г. появился труд Франца Бёме — систематизированная сводка детского германского фольклора; книга содержит более 2000 произведений, с присоединением записей мелодий. Это вполне научно составленный сборник. Обзор материалов и трудов по германскому детскому фольклору мы находим в книге Вергана (XLII), к книге приложена библиография по детскому фольклору не только германскому, но и других стран. К сожалению, библиография доведена только до 1909 г.

В Англии сборники детских народных песен (Nursery Rhymes) появляются еще раньше — в середине XVIII века; изучение детского фольклора началось недавно; особое внимание уделено сравнительному изучению детского фольклора, этому вопросу посвящены книги Лины Экенштейн (LXIX) и Генри Бетта (CXXI).

ГЛАВА IV.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

КЛАССИФИКАЦИЯ детского фольклора представляет много трудностей. Во-первых, потому, что в быту детская песня, так же как и песня взрослых, часто меняет свое назначение и может быть таким образом отнесена одновременно к разным группам. Известная детская песня, записанная во многих вариантах:

„Где кова была?“
Я коней стерегла.
„Где кони?“
Миколай увел.
„Где Миколай?“
В клетку сидит.
„Где клетка?“
Водой сплело и т. д.

поется как колядка, как колыбельная (XLVIII) и поется также в игре (XII).

Другая песенка:

„Куколка, куколка!
Что нечор не была?“
— Я боялась тиуна... и т. д. (I, 227)

у Штейна помещена в считалках (8 вариантов), у Бессонова (XIX) она отнесена к песням, которые девочки распевуют, играя в куклы, в других местностях она поется как колыбельная, она же поется при игре (I, 801). Среди колыбельных встречаются заговоры от болезней (I, № 2), считалки, дразнилки и т. д.

Вместе с классификацией встает вопрос о терминологии, которая еще не установлена, но которую необходимо выработать. Некоторые собиратели разные виды детского фольклора объединяют под названием колыбельных песен, другие же пользуются местными названиями, сообщенными теми лицами, от которых сделаны записи. Так, например, колыбельные песни называются „байками“, считалки — „пересчетками“, „конаньем“ и т. д. Очень неопределенное содержание вкладывается в термины „прибаутки“, „приказки“, „приговоры“. Как правило, при записывании необходимо указывать местное название данного вида детского фольклора, если оно существует; для исследований и печатных собраний материалов необходима устойчивая однообразная терминология.

Классификация детского фольклора может быть сделана в разных разрезах: по возрастам, по сезонам, по местностям записей, по назначению данного произведения и т. д., в зависимости от тех целей, которые преследует исследователь.

При распределении детского фольклора по возрастам намечаются две группы. Первая — творчество взрослых для того возраста, когда дети находятся на их попечении, т. е. с рождения лет до 5-6; другая группа — произведения, которые бытуют среди детей, когда они уже самостоятельно развлекают себя. Данных для более детального выделения возрастных групп у нас очень мало. „Интерес к произведениям словесного творчества утрачивается рано: участие в детских забавах и, в частности, в исполнении детских песенок двенадцати-тринадцатилетних ребят расценивается в деревне как явление не совсем привычное“ (VI, 42).

Г. С. Виноградов считает неправильным относить первую группу к детскому фольклору, он обособляет ее как творчество взрослых для детей — это создание женщины-матери и пестуны. „Оттого, что их исполняют и дети, произведения этой группы не делаются детским

фольклором, подобно тому как исполнение детьми солдатских песен не дает права на включение солдатской песни в детский фольклор, пока эти песни не выпадут из фольклора взрослых и не станут достоянием только детей“ (VII, 29).

Мы не склонны выделять произведения первой группы из детского фольклора, за исключением колыбельных песен лирического содержания. Удерживается, переходит из поколения в поколение только то, что воспринято детьми, что отвечает их запросам и интересам и тем самым становится детским фольклором. Провести грани между пестушками и потешками для маленьких и песнями, входящими в репертуар детей, самостоятельно забавляющихся, почти невозможно.

Для наших целей распределение детского фольклора по назначению является наиболее удобным.

В первую очередь мы выделяем колыбельные песни, т. е. песни, назначение которых успокоить и усыпить ребенка.

Далее следуют произведения творчества взрослых для детей при пестовании ребенка: песенки, сопровождающие разные моменты жизни ребенка, их мы называем пестушками; песенки, сопровождающие разные несложные забавы детей этого возраста — подбрасывание, качание на коленях, игры с пальцами и руками — мы называем потешками, и, наконец, есть песенки, не соединенные ни с какими действиями, а забавляющие детей своим ритмом и мелодией, а для более старшего возраста и своим содержанием. Разграничить песенки с прибаутками довольно трудно, но все же прибаутка имеет свой оттенок, центр интереса в ней не в содержании, а в форме — это большей частью коротенькая песенка с забавным подбором слов, имеющим целью развеселить слушателя.

Перейдем ко второй группе детского фольклора. Непрестанное общение с природой и животными, в котором

живет крестьянский ребенок, обуславливает особые виды песенок: обращения к дождю, солнцу, радуге, к весне, к птицам, животным; с обрядами и праздниками, приуроченными к определенным дням, связанными обрядовые песни: колядки, щедровки, ращейки и др. Это творчество, связанное с календарем, можно объединить в отдел календарного детского фольклора.

Детский юмор выражается в разных остротах и шутках, выливающих в форму рифмованных ответов на вопросы и в юмористических коротеньких песенках; направленные на определенных лиц, они превращаются в дразнилки.

Разновидностью дразнилки, по терминологии Г. С. Виноградова, являются поддевки.

Встречаются песни, которые не имеют определенного назначения и не связаны с определенными датами, а поются для забавы, развлечения, для удовлетворения эстетических потребностей.

Бытуют в детской среде разные виды загадок, задач и вопросов, требующих для разрешения сообразительности.

Скороговорки и разного рода замечания, основанные на каламбуре, представляют собою как бы звуковые игры.

Взрослые передают детям и некоторые заговоры или предупредительного характера, или направленные против каких-нибудь невзгод детской жизни.

Значительное место в детском фольклоре занимают сказки, среди них выделяются ребячьи сказки, т. е. такие, которые назначаются для рассказывания детям.

Обширный отдел считалок, называемых также жеребьевыми прибаутками, применяется при установлении очереди и распределении ролей при играх.

Детские игры, занимающие такое видное место в жизни детей, в значительной своей части соединены

со словесными приговорами, содержат элементы всех видов детского фольклора и представляют зачатки драмы.

Мы наметили основные виды детского фольклора, исходя из материала. Каждая из этих групп объединяет разновидности, которые будут нами отмечены в обзорах отдельных видов детского фольклора. Может быть, теперь еще несвоевременно устанавливать окончательную и более детальную классификацию; нужно наметить разрезы, в которых она должна быть сделана, и основные виды. Новый материал, новые записи и наблюдения могут выдвинуть новые виды и разновидности и новые точки зрения для группировки его. Важно только, чтобы классификация исходила из материала, а не из теоретической схемы.

Переходим к обзору отдельных видов детского фольклора.

ГЛАВА V.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ.¹

ЕДВА ли есть отдел детского фольклора, по которому мы располагали бы таким же обилием записей, как колыбельные песни. Колыбельная песня бытует в каждой семье, где есть дети в младенческом возрасте. Назначение ее усыпить ребенка, в первый год жизни которого сон занимает такое большое место.

Ритм и простая несложная мелодия, негромкое пение действуют успокаивающим образом на ребенка; он в таком возрасте, когда слова колыбельной ему еще не понятны. Это обстоятельство заставляет некоторых исследователей относить колыбельные песни к фольклору взрослых; мы полагаем, что это правильно только отчасти: во-первых, в крестьянском быту обязанности няни исполняют очень часто дети, следовательно и они так же являются носителями этого вида фольклора; во-вторых, большинство колыбельных рисуют мир ребенка с его обстановкой, радостями и горестями, и поэтому с того возраста, когда дети начинают понимать слова, колыбельные песни становятся их достоянием.

Колыбельная песнь, „зарождающаяся из самых простых прозаических причитаний, в которых выливается осаждающая женщину дума, переходит затем в полупрозаические, полустихотворные рифмованные двухстишия и,

¹ В северных губерниях колыбельные песни называются байки от байкать, убаюкивать. По-французски колыбельная песня — berceuse, по-немецки — Wiegelied, по-английски — cradle song lullaby, по-персидски — лоло.

наконец, приближается к образцам литературных книжных форм настолько, что некоторые из них, без всякой поправки, могут быть вдвинуты в рамки условного музыкально-стихотворного ритма“ (XXXIV).

Сидя у колыбели ребенка, или укачивая его на руках, отдаваясь течению своих мыслей, мать часто импровизирует песню, говорит в ней о радостях и горестях своей жизни, а иногда просто о своих хозяйственных заботах, обо всем, что занимает ее в данное время. Мать, которую беспокойный ребенок отвлек от работы, поет:

Спи, поспи,
А мы потеряли денек,
А не прями простыньки,
Не мотали мотки,
Не ткали поставки. (XLIII)

Среди этих колыбельных импровизаций попадаются высоко художественные образы:

Спи-тко, Манюшка, здорово,
А ставай весело.
Ужо ты спи камушком,
Вставай перышком. (L)

Записей колыбельных импровизаций немного, да это и понятно: только живя близко к крестьянской семье, можно их услышать. Импровизация у колыбели ребенка — явление обычное. Исследователь семейного быта закавказских татар говорит: „Каждая мать у колыбели своего ребенка сочиняет песни, сообразуясь с условиями своей жизни или с душевным своим настроением в данную минуту“, и рассказывает о том, как он услышал песню, которую пела крестьянка-татарка, сидя под тенью гигантского орешника, укачивая своего ребенка. „В песне выражалась жалоба на горькую судьбу; но жалоба эта была облечена в поэтическую форму и яркими живыми красками изображала безотрадную долю“. На просьбу повторить песню женщина отказалась то сделать. „Разве можно запомнить то, что говоришь ребенку, или то, что взбредет

в голову", — сказала она. Женщина эта очевидно импровизировала свои песни" (XLIV).

Но гораздо чаще поют детям колыбельные песни традиционные, передающиеся из поколения в поколение.

Колыбельные песни дают богатый бытовой материал. Воспроизводя самые разнообразные и тонкие душевные настроения, рисуя черты бытового уклада, они носят отпечаток национального характера их творцов. Колыбельные песни великорусски, украинки, белорусски и женщины восточной — отличаются во многом. Восточная женщина, долгое время поработенная и униженная в своей семейной обстановке, поет разные песни дочери и сыну. Мальчик является „опорой семьи“ „надеждой матери“, „гордостью отца“, а девочка родилась „на горе отцу, на позор семьи“ (XLIV).

Среди колыбельных песен, бытующих в крестьянской среде и отражающих крестьянскую среду, попадаетея не мало и таких, в которых упоминается о другом быте и называются такие предметы, которые в крестьянской обстановке не могло быть. Поется о „нянюшках и мамушках“, которые качают дитя, а „сенные девушки прилюлюкивают“ о том, что ребенок, когда вырастет, будет

Нянюшкам и мамушкам
Обновочки дарить,
Сенным девушкам
По платьицу,
Старым старушкам
Подзатыльники...

о поваре, который „пеночку слизал и на кота сказал“, о двух лакеях, которые гонят кота, забравшегося в погреб „по сметанку и творог“. Упоминается терем, золотое монисто у маменьки, соболи и куницы у папеньки, камка, парча, алый бархат; у колыбели ребенка „крюки золотые, ремни бархатные, колечки витые“. Песни эти, вероятно, зародились в другой социальной среде и оттуда перешли

в крестьянскую; явление — которое имело место и в отношении других видов фольклора.

Творцами и носителями колыбельных песен являются женщины-матери, бабушки, няньки-пестуны. Среди них выделяются творческие личности, они дают высоко художественные обработки известных сюжетов колыбельной песни. „Не всякая байкать умеет, — говорят пудожанки, — у другой-то и ребят не бывало в заводе, а лучше сбайкает чем иная“ (XLIII). Сравнение вариантов говорит нам об этом. В северных губерниях записано несколько песен, в которых призываются соболи, куницы и другие звери северных лесов усыпить ребенка:

Соболи, куницы
В головах стоят,
Соболи убавят,
Куны доусыпят. (XXIX)

Этот элементарный мотив разворачивается в художественную песню, записанную в Вологодской губернии:

Ой, лю-лю, мое дитятко,
Спи-тко, усни, дитя материно,
Все ласточки спят,
И касатки спят,
Куницы спят,
И лисицы спят.
Нашему Ванюше
Спать велят.
Для чего, зачем
Ванюше не спать?
Ласточки спят
Все по гнездышкам,
Касаточки спят
Все по кусточкам,
Лисицы спят
Все по подкусточкам,
Куницы спят
Все по норочкам,
Соколы спят
Все по гнездышкам,

Соболи спят,
Где им вздумалось,
Маленькие детки
В колыбелях спят.
Спи-тко, Ванюша,
Спи-тко, дитятко родное! (XLV)

По содержанию колыбельные песни распадутся на две группы. Первая рисует мир матери, ее настроения и переживания, это лирика материнства, и, конечно, эти песни к детскому фольклору отнести нельзя, они представляют для нас интерес как поэзия, создавшаяся около ребенка. Вторая группа рисует мир ребенка, это песни близкие детским интересам.

Украинка поет в колыбельной песне о своей печальной старости и неблагодарном сыне:

Мати сына колыкала,
Ни дня ни ночи не досыпала.
Тай думала, добрый будет,
А вин удався п'явчичка.
Де горляку чує, там и почує,
А де мед, вино, там и дпоє.
Иде до дому выкрикає
Свою пеньку выгонає. (XXV)

У молодой матери бывают и другие настроения; ей хочется пойти погулять с казаками, и она спрашивает своего ребенка скорее уснуть, ребенок просит мать не уходить и спрашивает, кто же будет укачивать его; на это мать отвечает:

Поставлю тя на ликонце,
Буде ветер повеєати
Буди тебе колыхати,
Пойдет дощик — скупает тя,
Будет сонце — согреєт тя,
Будут пташки прилетати
Будут тебе щєбетати. (XLVI)

Еще интереснее по ситуации шведская колыбельная песнь. Вероломная жена позабыла предупредить своего любовника. Он показывается у окна, когда муж ее дома.

Жена, укачивая ребенка, дает знать любовнику, чтобы он пришел завтра, когда муж уедет на мельницу. Муж спрашивает жену, с кем она говорит. „Кто баюкает детей, должен иметь много голосов“, — отвечает она. Песня, таким образом, развивается в трех направлениях: мать обращается к ребенку, говорит с любовником и отвечает мужу (XLVII).

В великорусских колыбельных песнях с такими мотивами личной жизни не приходилось встречаться.

Во все времена, у всех народов и на всех ступенях культурного развития старшее поколение стремится, чтобы новое, идущее ему на смену, осуществляло его жизненные идеалы. Историческая эпоха, социальная среда, уровень культуры отражается на мечтах матери о будущем ребенке. Они сводятся иногда к пожеланию богатства, здоровья, которое составляет основу счастья, и только при более высоком духовном развитии идеалы эти не личного, а общественного характера:

Станець в Питер ходить,
Серебро, золото носить. (XXIX)

Будешь, счастливый, талантливый,
Будешь в волоте ходить,
Золотые кольца носить,
Камку волочить. (XLI)

Спи в камке,
Пробудись в тафте,
В алем бархате. (XLV)

Рядом с пожеланием богатства и обеспеченной жизни мы видим и идеалы настоящей трудовой крестьянской жизни:

На работу пойдешь,
Себе хлеба понесешь,
Будешь работу работать,
Будешь время коротать. (L)

Работа эта обычная, крестьянская:

Вырастешь большой,
Недосуг будет спать,
Надо работу работать,
Орать, боронить,
Огород городить,
В лес по ягоды бродить,
По коровушку ходить. (I)

В нашем собрании песни, рисующие идеалы трудовой крестьянской жизни, записаны преимущественно в губерниях северных — Архангельской, Олонецкой, Вологодской — тех губерниях, где крепостного права не было. В этих же северных песнях мы мало встречаем „мамушек, нянюшек и сених девушек“. Мечта крестьянки-матери ближе к действительности:

Надо пестунья толкова
И старушка стогодова.
Кабы бабушка родна,
Была б пестунья плотна. (XLIII)

В нашей крестьянской среде, веками остававшейся неграмотной, мечты о школе и обучении попадают редко, и если мы встречаем пожелания:

Станешь в школу ходить,
Станешь в книжки учить,
Выучился в книжке,
Станет батюшка женить, (XLV)

то можно предположить, что такая песенка сложилась не в крестьянской среде, тем более что запись ее относится к 1857 г., т. е. эпохе крепостничества, когда школ для крестьянских детей почти что не было, а в среде помещиц.

Мать в своей песне, не намечая какого-нибудь определенного пожелания, просто хочет, чтобы он был счастлив во всех отношениях.

Персиянка поет своему сыну: „Да будет душа твоя без горя“ и через каждые две строчки повторяет со

страстным материнским чувством: „Ты не умрешь! Ты увидишь новую весну!“ (XXXIV).

Мать-румынка желает своему сыну, чтоб он был „красив как солнце, чтоб девушки любили тебя, чтоб цветы росли по дорожке твоей жизни“ (II).

Мать часто предвидит неизбежные страдания своего ребенка в будущем. В те времена, когда солдатчина была тяжелой неволей, она скорбит о своем сыне, которого заберут в солдаты:

Укрывала мать молодца
От ветра, от солнышка.
Да не укрывала от чужой
Да от сторонушки
От солдат, от некрутиков. (XXV)

Галичанка предвидит, что сын ей может сказать:

Пойду на войну поевать,
Чужу кровцу проливати.

Она отвечает ему:

Чужа кровца не водица,
Проливати не годится. (XLVI)

Колыбельная песнь отражает и другое настроение матери. Раздраженная криком беспокойного ребенка, мать сулит ему колотушки:

Баю-баюшки, баю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Будет лучше Ваня спать.

В тяжелых условиях крестьянской жизни, когда женщина обременена заботами и работой, нередко грудной ребенок дает мало радости, особенно если дети часты и их много, как это бывает нередко в крестьянских семьях.

Спи, дитя мое мило,
Будет к осени друго,
К именинам третьё,

жалуется крестьянка и продолжает:

Седни Ванюшка помрет,
Завтра похороны,
Будем Ваню хоронить,
В большой колокол звонить. (LIII)

Картинно изображаются похороны ребенка в следующей песне:

Бай, бай да люли,
Хоть сегодня умри.
Сколочу тебе гробок
Из дубовых досок.
Завтра мороз,
Снесут на погост.
Бабушка-старушка,
Отрежь полотенце
Накрыть младенца.
Мы поплачем, повоем,
В могилу зароем. (XIX)

Нужно отметить еще колыбельные песни, в которых отразилось религиозное настроение матери: на ребенка призывается благословение бога, ангелов и святых, а пожелание смерти облекается в иную форму, спрашивается: „Нет ли местечка в раю?“ (для ребенка).

Переходим ко второй группе колыбельных. В них в центре внимания ребенок и весь окружающий его мир, по форме и по содержанию эти песни примыкают к детскому фольклору.

Существа наиболее близкие ребенку — люди и животные, предметы, окружающие его, работа, радость и горести крестьянской жизни в пределах детских интересов, все это нашло отражение в колыбельной песне. Первое место нужно отвести песням, где действуют животные.

В русских колыбельных самым популярным животным является кот, а из птиц — голуби, так же как в немецких чаще всего говорится об овечках и гусях. Кот неотъемлемая принадлежность крестьянской избы, первый объект наблюдения ребенка, своими движениями, игривостью,

мягкой шерстью привлекает его внимание, а мирное мурлыканье кота действует успокаивающе и навевает сон. В некоторых местностях Украины, „когда первый раз ребенка кладут в колыбель, то прежде кладут туда кота, чтобы ребенок лучше спал“ (XLV).

В великорусском, белорусском и украинском детском фольклоре очень большое количество песен о коте. „Спевать кота“ — у белоруссов и украинцев значит убаюкивать ребенка пением. В великорусском фольклоре в записях, сделанных в средних и южных губерниях, песен о коте значительно больше, чем в записях в северных губерниях. Образ кота-баюна, увековеченный Пушкиным, встречается и в народных сказках.

Кот в песнях рисуется со всеми присущими ему внешними признаками, повадками и привычками:

Котик, коток,
Серый хвосток,
Шейка твоя белогористая.

А в украинской песне:

Коту сирый,
Коту билий
Коту волохатый.

Кот — помощник матери, его зовут ночевать, ребенка качать и за это обещают всякие награды: „кувшин молока, конец пирога“, „папы в лапы“, „склянку вина“, „редьки хвост в великий пост“, „сошьем тебе чоботы по самым животы“, „хвостик вызолочу, лапки высеребрю“ и т. д. Иногда эти награды бывают юмористические — „кочергой по плечу, помелом по хвосту“. Кота уговаривают не ходить к чужим детям:

Не качай ты, коток,
Чужих деточек
Малолеточек.

В украинских песнях кота прельщают тем, что

У нас хата тепленька,
Дитина маленька.

Кот не всегда соглашается:

Кот котонаич,
Поди к нам иочевать
Да Ванюшу качать.
Кот осердился,
На печку спать ложился,
Овучи в голову клал
И Ванюшу не качал. (LVI)

Кот занят своими делами — теми, которыми полагаются коту:

Сирый кит
На колодку сик,
Виймав мышку,
Пустив у колыску,
Мышка буде грати,
Ваия буде спати. (XXV)

Но чаще кот очеловечивается, и занятия у него крестьянские:

Копка лыки дерет,
Коту лапти плетет.

В украинской колыбельной коту поручают разную домашнюю работу:

Вымети сени,
Вымый ложки,
Погулай тропки.

Другой образ кота — это проказника и вора. Проказы кота в пределах детских шалостей, — эти песенки, преимущественно украинские, сопровождаются иногда нравочениями:

Не лизь на колодку,
Бо разобьешь головку.

Кот не послушался, пошел по водицу,

Тай упал в крынцию.

Еще больше песенок о вороватом коте:

Повадился коток
По сметану, по творог.
Как увидели кота
Два лакея из окна,
Они хлопнули окном,
Побежали за котом. (I)

В украинской песне кота поучают:

Не вчись, коте, красти,
А вчись робити.

Указывается, какую работу ему следует делать:

Хлиби молотити,
Хвостиком змитати,
Лапками згрибати,
Хлиба заробляти,
Дитей годувати.

Не всегда коту достается справедливо, бывает и так, что

Повар пеночки слизал,
На меня, кота, сказал.

Распространенный сюжет колыбельной песни — параллель между колыбелью и вещами ребенка и кота, причем все у ребенка оказывается лучше, чем у кота:

У котика, у кота
Колыбель хороша,
У моего Сашеньки
Лучше его.
У кота, кота
Перинушка мягка,
У моего Сашеньки
Мягче его.
У кота, кота
Подушечка бела,
У моего Сашеньки
Соболиное лежит. (I)

Иногда эта параллель идет дальше: у кота мачеха лиха:

У нашего у дятляки
Матушка добра,
Она титески дала
И пожаловала:
Милое пососи,
И подольше поспи. (XLV)

Другие животные фигурируют реже, иногда вместо кота встречается зайчик, а в колыбельных северных губерний встречаем соболей, куниц, лисиц. Из птиц первое место в колыбельных занимают голуби, или гуляньки, как их называют на детском языке. Образ кроткого, нежного голубя с его воркованьем естественно должен был играть роль в колыбельной песне. Варианты колыбельных о голубях мало отличаются друг от друга: прилетают голуби на колыбель ребенка и думают, чем бы его накормить, напоить, утешить и порадовать. Песни эти проникнуты какой-то особенной нежностью, заботливостью и интимностью. Обилие уменьшительных слов, повторение буквы „л“ в словах дают впечатление воркования:

Люли, люли, люлиньки,
Сели гули на люлиньку
Стали гули ворковать,
Чем Ванюшу нам питать?
Чайком, молочком, сахарком,
Залетели в уголок,
Зажигали огонек,
Стали кашку варить,
Стали Ваню кормить. (LV)

Значительно реже говорится о других птицах — курах, воронах, грачах:

Ай качи, качи, качи,
Прилетели к нам грачи.
Они сели на ворота
Ворота-то — скрып, скрып,
А Коленька спит-спит. (I)

Следующую группу по содержанию образуют колыбельные, отражающие обстановку, быт, радости крестьянской жизни, в которой принимают участие и дети.

Распространена во всех губерниях великорусская песня о мужике (хозяине, барине, Федоре и т. д.), у которого полна хата ребят. Варируется начало и конец, но в общем текст песни устойчив:

Баю-баюшки, баю.
Живет мужик на краю.
Он не беден, не богат,
Полна горница ребят.
Все по лавочкам сидят,
Кашку масляну едят.

Конец в двух вариантах, в одном перечисляются ребята:

Первый Гришка,
Второй Мишка,
Третий Ванюшка сынок,
Сынок милый паренек.

Другой конец:

Кашка масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Нос трясется,
Сердце радуется.

Колыбельные, в которых говорится о работе членов семьи, встречаются в фольклоре разных народов:

Баю, баиньки-баю
Отец пошел за рыбою,
А матушка дрова рубить,
А бабушка уху варить. (I)

Аналогичную песню мы находим и среди английских Nurcery Rhymes:

Father's gone a hunting,
Mother's gone a milking
Sister's gone a silking.

(Отец пошел на охоту, мать корову доить, сестра шелк ткать.)

Покупки на ярмарке или в городе, это радостное событие в крестьянской семье — нашло также отражение в колыбельной:

Байки, побайки,
Куплю матери китайки,
Отцу кумачу,
Братцу бархатцу,
Сестре ленточку,
Дедку сапоги,
Бабке коты,
Да ей к обеду ходить. (LV)

И ребенку достается своя доля из этих покупок:

Купим сыну валенки,
Наденем на ноженьки,
Пустим по дороженьке.

Достанется ребенку и гостинцы:

Под подушкой калачи,
В руках пряники,
В щечках яблочки.

Пугать шаловливого, непослушного ребенка — это прием мало, может быть, педагогический, но у всех народов издавна вошедший в обычай. Пугают ребенка в русском крестьянском быту и „серым волком,“ и „букой“ и другими страшными для ребенка существами:

Придет серенький волчок,
Схватит Катю за бочок,
Утащит ее в лесок,
Закопает во песок
Станут Катеньку искать
По болотам, по мохам,
Все по ракитовым кустам. (LVII)

Приводим для параллели моравско-силезскую колыбельную:

Баю, дитятко,
Качаю тебя,
Чтоб ты спало,
Не плакало

И матушке
Покой дало.
Бросим тебя в пруд,
В Дунай реку,
Хватай его водяной. (LVIII)

Если ребенок послушен, обещают „буку“ прогнать:
Поди, бука, под сарай,
Мого Ваню не путай.

Приводим записанную в Тверской губ., в Весьегонском уезде, в 1927 г. бытовую картинку укачивания ребенка. Мать уговаривает ребенка спать: „Спи, сынок, спи, пестышек. Спи, а то бука придет“. Ребенок плачет. „Писанный ты мой, спи. И кошка спит, и Жучка спит, и мама спит, и сыночку спать хочется-хочется“. Ребенок плачет. „Сыночек, бука идет. Вон, вон, слушай!“ Мать грубым голосом:

Я на липовой ноге,
На березовой клюке.

„Слышь, бука идет — спи, спи!“ Опять грубым голосом:

Я на липовой ноге,
На березовой клюке.
И земля-то спит,
И вода-то спит!

Ребенок что-то испуганно спрашивает. Мать: „Спи, спи. А то вон она, букарка-то, идет. Закрой глазки, спи!“ Ребенок пытается разговаривать. Мать опять грубым голосом:

Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна баба не спит
Да наш Ванюшка,
И та бабочка не спит,
Мою персть прядет,
Мое мясо варит.

„Спи, вон, вон бука-то за тобой идет. Не дадим тебе, бука, Вани“. Вани спит. „Иди, бука, прочь. Ванюшка спит“ (CXXII).

Детский фольклор.

В великорусских, украинских и белорусских колыбельных песнях есть свое олицетворение, не встречающееся в других видах фольклора — Сон, Дрема и Угомон являются живыми существами; они приходят к колыбели младенца и усыпляют его:

Сон идет по сеним,
Дрема по терему.
Сон говорит:
„Усыплю, да усыплю“.
Дрема говорит:
„Удремлю, да удремлю“. (LX)

Сон ищет люльку ребенка и выпрашивает у Дремы:

Где найти нам люлечку,
Где найдем,
Тут и спать уложим. (XI)

Иногда Сон и Дрема не находят младенца, и их за это упрекают:

Глупый Сон, Сон!
Неразумная Дрема!
Мимо ты ходишь,
Колыбели не находишь. (I)

Их призывают, просят притти к ребенку:

Сон да Дрема,
Приди к Ване в голова,
Сон да Дрема,
Накатись на глаза.

Мы исчерпали главные темы колыбельных, но кроме этих песен, записанных во многих вариантах, в колыбельных находят отражение и отдельные эпизоды детской жизни с ее радостями и горестями. В. Харузина указывает на них: „Пошла Маша в лесок, повстречался дурочок, опрокинул бурачок“, и Маша плачет над рассыпанными ягодами (XLIII).

Первые собиратели колыбельных песен заинтересовались прежде всего песнями исторического содержания, в которых сохранилось воспоминание о татар-

ском иге. Эти песни записаны большею частью в 50 — 60 гг.; наиболее позднюю запись мы нашли в материалах 1875 г. (LIX); в позднейших записях песен этого содержания не встречается.

В нашем материале попадаются среди колыбельных и песни книжного происхождения. Так, в Вологодской губернии записана от неграмотной крестьянки колыбельная песня Майкова: „В няньки я тебе взяла месяц, солнце и орла“ (LXXX). Встречаются также песни позднейшего происхождения, вероятно сочиненные каким-нибудь грамотеем:

Спи, пока забот не знаешь,
Когда будешь ты большой —
Все узнаешь ты тогда.
Нынче господу молись,
Уму-разуму учись.
В церковь божью ходи,
И со всеми мир ведай,
Почитай отца и мать,
Ближних бойся осуждать. (XLIX)

Из нашего обзора видно, что колыбельные песни — это особый жанр детского фольклора. Содержание их — образы и настроения — находится в полном соответствии с их назначением и с той обстановкой, при которой они поются; рядом с этими традиционными колыбельными поются и другие песни, которым придается характер колыбельных благодаря мелодии и припеву „баю-баюшки“ или „люли, лю-ли-лю“. Так, в Архангельской губ. записана как колыбельная известная загадка на колокол.

Утешу царя в Москве,
Короля в Литве.
Старца в келье,
Младенца в люльке,
Красну девицу в терему. (XXIX)

Мы не останавливаемся на художественной и музыкальной стороне колыбельных песен, они давно уже оценены по достоинству, и многих поэтов и композиторов

вдохновляла поэзия „фольклора материнства“, как назвал этот жанр Г. С. Виноградов (VII).

Колыбельная песня имеет все данные для выделения ее в особый жанр фольклора, нет никаких оснований смешивать ее с другими видами детского фольклора, как это часто делают некоторые собиратели и исследователи.

ГЛАВА VI

ПЕСТУШКИ, ПОТЕШКИ, ПЕСЕНКИ И ПРИБАУТКИ

ВО ВТОРОМ периоде младенческой жизни ребенка колыбельная песня меняет свое назначение — она служит для развлечения ребенка, и вместе с ней в репертуаре пестуний, няnek, матерей и бабушек появляются всевозможные пестушки, потешки, песенки и прибаутки для развлечения и забавы ребенка. Этот вид детского фольклора мы находим у всех народов, и ниже, на примерах, мы увидим, как много в них общего. Эта „поэзия пестования“, как ее называет Г. С. Виноградов, чистое творчество взрослого для детей. Если в колыбельной песне мы находим много мотивов, далеких ребенку, а в детском фольклоре старших возрастов много заимствований и претворений в детском понимании поэзии взрослых, то здесь в центре творчества ребенок со всеми его ярко выявленными интересами, вкусами и запросами; вот почему этот вид поэзии заслуживает особого внимания для исследователя. Как и в колыбельной, на ребенка производит впечатление ритм и форма песенки, но назначение их не успокоить и усыпить, но создать ребенку радостные бодрые эмоции. И нужно признать, что народное творчество блестяще разрешило проблему формы поэзии для маленьких детей.

Прежде, чем перейти к обзору произведений данного отдела, нам нужно выяснить то содержание, которое мы вкладываем в термины „пестушки“ и „потешки“. Пестуя ребенка, взрослые сопровождают песенками и прибаут-

ками разные моменты его детской жизни и движения, которые ребенок производит сам, или же которые производятся взрослыми. „Эти движения, — говорит д-р Покровский, — имеют некоторый воспитательный смысл как в физическом, так и в духовном отношении для приучения детей к необходимому движению, ловкости, сметливости“ (XXVI, 95). Сопровождаются песенками первые шаги ребенка, хождение, беганье, потягивание ручек и другие движения; вот все эти песенки и прибаутки мы объединяем под названием *пестушек*.¹

Песенки и прибаутки, связанные с игрой с пальцами, руками или какими-либо другими частями тела и назначение которых забавить, потешить ребенка, — мы называем *потешками*. Третью группу составляют песенки и прибаутки, не сопровождаемые никакими движениями и забавляющие ребенка своим содержанием, ритмом, мелодией. Сюда же относятся маленькие, очень элементарно построенные сказочки, доступные детям в этом возрасте.

Перейдем к обзору каждой из этих групп в отдельности.

Пестушки сопровождают разные моменты жизни ребенка, как мы уже сказали. Проснувшийся ребенок потягивается и расправляет свое тельце, его поглаживают и говорят:

Потягуношки, прастуношки,
 Поперек толстунюшки,
 А в ножки ходунюшки,
 А в ручки фатунюшки,
 А в роток говорок,
 А в головку разумок. (I, № 33)

¹ Пестовать — нянчить, носить на руках, воспитать, растить, холить, ходить за кем. Пестушка (арх.) — потешки или игрушки (Толк. словарь Даля). Мы не можем согласиться с д-ром Покровским, который производит слово пестушка „от пестя, которым толкут что-нибудь в ступе, вскидывая вверх и опуская в ступу“ (XXVII, 97).

Вся пестушка состоит из уменьшительных слов, причем уменьшительный суффикс применяется даже к глагольным формам.

Некоторые пестушки сопровождаются движением рук. Разводят медленно ручки и в такт говорят:

Луиь плышет, луиь плышет,
 машут кистями рук ребенка и скороговоркой произносят:
 Сова летит, сова летит.

Движениями детских ручек изображают растягивание и складывание холста и говорят:

Тяни холсты,
 Потягивай,
 В коробочку
 Покладывай. (II)

Переваливая головку ребенка с ладони на ладонь, приговаривают:

Валай, валай коровай,
 Пришел к бабе пономарь.
 Дай, баба, теста,
 Нет в печи места. (LXI)

Те же движения на Украине сопровождаются следующей песенкой:

Печу, печу хлебчик
 Большому большенький,
 Меньшему — меньшенький,
 Пусть тико в печь. (XXV)

Ребенок начинает становиться на ножки:

Дыбки, дыбок
 Скоро Сашеньке — годок! (I)

А когда дитя начинает ходить и делает первые неуверенные шаги, то поется следующая песенка:

„Ножки, ножки,
 Куда вы бежите?“
 — В лесок на мошок
 Избушку мшишь,
 Чтоб не холодно жить. (I, № 52)

Ребенок начинает бегать, делают вид, что догоняют его и приговаривают:

Я точку, молочу
На чужом гумне.
Ко мне курочка пришла,
Куропаточка пришла.
Я девушку нагону,
Я красоту нагону,
За себя ее возьму. (XXIV)

А когда ребенка заставляют танцевать, взяв его за обе ручки, ему припевают:

Ай, деточка, попляши,
Твои ножки хороши,
Нос сучком,
Голова крючком,
Спинка ящичком. (LXIII)

Особенно много песенок, сопровождающих любимую забаву маленьких детей: подбрасывание на руках и качание на коленях. У немцев эти песенки носят название *Knireiterlied*, т. е. песенка всадника на коленях. Песенки эти отличаются большой динамичностью стиха и ритма, в соответствии с сопровождающими их движениями. Они начинаются звукоподражаниями „Скок, поскок“, „Чижи, чижи, чикалочки“, „Тюшки, тютюшки“ и т. п., в некоторых местностях последнее из этих звукоподражаний дало название этому виду песенок „тютюшки“, а отсюда глагол „тютюшкать“, т. е. подбрасывать ребенка.

В Тобольской губернии, сажая ребенка на колени и подбрасывая его, сказывают „Петровну“:

Бабушка Петровна,
Поехала по бревна,
Вскачь погонила,
Бревно уронила,
Ногу изломала,
Как старику показать.
Шубной рукав принимать. (LXIII)

Вот еще одна из наиболее распространенных песенок этого типа:

Тюшки, тютюшки,
Овсяные лепешки,
Пшеничный пирожок,
На опарушке мешок,
Высококонько взомел. (XXIV)

При последних словах ребенка высоко поднимают. Приводим для параллели немецкую:

Hopp, hopp, hopp, Reiterlein,
Wenn die Kinder klein sein,
Reiten sie auf Stoklein;
Wenn sie grösser werden,
Reiten sie auf Pferden;
Wenn sie grösser wachsen,
Reiten sie nach Sachsen.

(Гоп, гоп, гоп, всадничек, когда дети малы, они ездят на палочке; когда подрастают, они ездят на лошади, а когда станут большими, отправляются в Саксонию.) (XLII)

Английская песенка:

This ist the way the ladies ride
Prim, prim, prim,
This ist the way the gentelman ride
Trim, trim, trim,
Presently come the countrifolks.
Hobledy gee, hobledy gee.

(Так едет леди — прим, прим, прим, так едет джентльмен — трим, трим, трим, а так идет крестьянин — гобледи джи, гобледи джи.) (LVI)

Переходим теперь к потешкам, т. е. песенкам, сопровождаемым разными элементарными играми с пальцами, руками и другими движениями. В деревенском быту, где нет почти игрушек для маленьких детей, пальцы и руки заменяют их и своими движениями изображают самые разнообразные предметы и действия. Игры с руками и пальцами для маленьких детей распространены у всех европейских и азиатских народов, их мы находим также у африканских чернокожих.

Самой популярной игрой такого рода у великоруссов, украинцев и белоруссов являются „ладушки“ — песенка сопровождается хлопанием в ладоши и под конец подыманием рук на головку ребенка, изображающим полет птиц. Текст этой песенки-игры, повсеместно распространенный, устойчив, и только конец имеется в нескольких вариантах. Приводим два варианта: великорусский и украинский.

Ладушки, ладушки,
Где были? У бабушки.
Что ели? Кашку.
Что пили? Бряжку.
Бабушка добренька,
Попили, послали
Шу-у-у! полетели
На головку сели! (I, № 42)

Украинский вариант:

Ладушки, ладуси,
А де були! У бабуси.
А що ели? Кашку.
А що пили? Бряжку.
А що на закуску?
Гречану галушку. (LXIV)

Различаются в песне угощения, предлагаемые ребенку: то это „пироги мяконьки, блины масляные, сыром смазанные“, то „накормили киселем“, то „оладки, пышки с семечком“. Окончание песенки бывает и иное, и бабушка не всегда оказывается добренька:

ИЛИ
Что били? Спичку. Чем били? Венчиком,
Кашку ели с семечком, погнали нас венчиком,
Били лавенькой. Сек, сек, сек; Проводили голичком.

У турок есть такая же забава для маленьких, сопровождающаяся хлопанием в ладоши:

Ладушки, ладушки обеими ручками,
Ты прошла через сад раз,
Что ж ты не сорвала розанчик.

Не менее, если не более популярна потешка „Сорока“, в нашем собрании имеется 50 вариантов, записанных почти во всех губерниях СССР, среди них и украинские и белорусские. Это уже настоящая игра со всеми элементами драматического произведения.

„Сорока“ разбивается на следующие моменты. Изображается варка каши, взрослый, помуслив палец, вертит им на ладони ребенка, изображая помешивание каши; каша сварена, следует раздача детям, которых изображают пальчики ребенка. Касаясь каждого пальца, взрослый говорит: „Этому дала“, а в некоторых вариантах называется посуда, в которой дается каша: „Этому на ложке, этому в чашке, этому в поварешке“ и т. д. Все детки-пальцы получают кашку, исключая меньшого — мизинчика; в одних вариантах следует нравоучение; оно может быть сформулировано в современном духе: „кто не работает, тот не ест“; в потешке это выражается следующим образом: „за водицей не ходил, дров не рубил, каши не варил“. Следующий акт игры — обделенный мизинчик идет искать работу, действие переходит на всю руку, он „толчет, мелет, по воду ходит“ и т. д., рука как бы изображает дорогу, по которой идет мизинчик, щекоцут на сгибе кисти, локоть и под мышкой, говорится, что мизинчик находит здесь „пень, колоду, криницу и теплую водицу“. Кончается игра щекотанием ребенка под мышкой, вызывающим смех. Приводим один из наиболее типичных вариантов:

Сорока-ворона
Кашку варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Кашки не едали.
Все своим деткам
Отдала.
Этому дала (перебираются все пальцы),
Этому не дала (трогают мизинец).

Зачем дрова не пилил,
Воду не носил.
Попел сам искать,
Здесь водица холоденькая,
Здесь тепленькал,
Здесь горяченькая,
Здесь кипяток, кипяток. (I, 48)

Приведем еще одну потешку с пальцами, записанную в Новгородской губернии М. М. Серовой. Перебираю по очереди пальчики ребенка на руке и говорят:

Большаку дрова рубить (большой палец),
А тебе воды носить (указательный)
А тебе пѣча топить (безымянный)
А малышке песни петь (мизинец),
Песни петь да плясать
Родных братьев потешать. } 2 раза

Приводим немецкую сказочку пальцев:

Das ist der Daumen,
Der schüttelt die Pflaumen,
Der liest sie auf,
Der trägt sie heim,
Und der klein Spitzbub isst sie all'allein!

(Вот большой палец, он трясет сливы, этот их подбирает, этот несет их домой, а маленький жулик всё подбедает!) (XLIII)

У киргизов, кроме обычных названий, каждый палец, за исключением большого, имеет особое название для забавы ребенка: указательный называется: баллалы-уйрек (утка с утками), средний — ортан терек (тополь), безымянный — гилдыр чумек (струящийся кран), мизинец — кикчентай [бубек (пальчик-мизинчик)]. Киргизская игра с пальцами состоит в следующем: взяв ручку ребенка и перебирая пальцы, говорят: большой палец: „Займемся воровством скота“; указательный: „А как с богом быть?“; безымянный: „А что ж бог сделает?“; мизинец: „Давай сюда, зарежем“. Потом берут другую руку ребенка, пересчитывают пальцы, каждый раз закан-

чивая счет, и быстро приговаривают: „берлон, герлон, отзыз, катыз“ (LXV).

Очень сходная с этой киргизской потешкой забава с пальцами африканских детей. Перебирая пальцы, начиная с мизинца, говорят: „Пойдем!“—Куда?—„Красты!“—А если нас поймают?—Кончается игра тем, что большой палец говорит: „Меня при этом не было“ (LXVI).

В других потешках объектом игры являются не пальцы, а нос или спинка ребенка. Все потешки в диалогической форме:

Берут нос ребенка и говорят:

„Чей нос?“
— Савин.
„Где был?“
— Славил.
„Что выславил?“
— Консечку.
„Что купил?“
— Калачик.
„С кем съел?“
— Один.

или:

— Съел с тобой. (LXII)

В случае первого ответа теребят ребенка за нос, как бы в наказание за то, что он поступил не по-товарищески и не поделился с другими.

Другая потешка сопровождается похлопыванием ребенка по спинке между лопаток.

„Что в горбу?“
— Денежка.
„Кто наклап?“
— Дедушка.
„Чем он клап?“
— Коншичком.
„Каким?“
— Позолоченным. (LXI)

Обе эти потешки употребляются и детьми старшими в их самостоятельной игре. Мы привели наиболее рас-

пространенные пестушки и потешки, перейдем теперь к песенкам и прибауткам.

Не всегда легко провести грань между песенками, которые поются маленькими, и теми, которые бытуют среди детей старшего возраста; в нашем обзоре мы остановимся на тех, которые своим размером, построением и содержанием отвечают восприятию и интересам детей этого возраста и входят по преимуществу в репертуар пестуний, бабушек и матерей.

Иногда это просто ласкательная песенка, выражающая нежное любовное отношение к малышу.

Ах ты моя деточка,
Золотая цветочка (цветочек),
Виноградная веточка,
Сладкая конфеточка. (IX)

или:

Миленький дружок,
Ты пшеничный промок,
Ты лавровый цветок
Да малиновый душок. (XI)

В песенке ребенка пугают, чтобы предупредить от грозящей ему отовсюду опасности:

Не ходи ты на лужок,
Там сер волчок.
Он барашка съел,
И тебя он съест,
Либо птичка уклюнет,
Либо деренцо падет,
И тебя зашибет. (XIX)

Шаловливых непослушных пугают то букой, то медведем, то чем-либо другим страшным.

Чоконьки-бляконьки (барашки)
По полю ходили,
Огород городили.
Злой медведь,
Не бери больших,
Бери маленьких,
Косолапеньких. (I)

, Очень распространена песенка о козе рогатой, которую изображают рукой, подогнув три пальца: средний, безымянный и большой, и образуя указательным и мизинцем как бы рога, которыми бодают ребенка, приговаривая:

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая,
Ногами топ-топ!
Глазками хлоп-хлоп!
Кто кашки не ест,
Кто молока не пьет,
Того забодает, забодает. (I)

Расплакавшегося ребенка успокаивают песенкой:

Не плачь, не плачь,
Куплю калач.
Не вой, не вой,
Куплю другой.
Не реви, не реви,
Куплю сухари. (XXIV)

В песенках для маленьких играют роль близкие и знакомые им животные: кошка, курочка, мышка, барашек и другие. Очень распространена повсеместно песенка:

Тили-бом, тили-бом,
Загорелся кошкин дом.
Бежит курочка с ведром —
Заливать кошкин дом.

Приведем немецкую песенку такого же рода:

Da kommt die Maus
Da kommt die Maus
Klingelingeling
Ist der Herr zu Haus?

(Идет мышка, идет мышка. Клингелингелинг! Дома ли хозяин?)

При пении этой песенки перебирают двумя пальцами ребенка снизу вверх и щекочут по подбородочку (LXVII).

Нужно еще сказать о маленьких сказочках в стихах, специально рассказываемых детям этого возраста. „Близ-

кий и количественно ограниченный круг действующих лиц, простота фабулы, примитивность построения, незамысловатость словаря, четкость синтаксиса — так характеризует эти сказочки Г. С. Виноградов (VII, 18).

В северных губерниях — Вологодской, Олонецкой, Архангельской — записаны в нескольких вариантах следующие песенки-сказочки:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец.
Живет старик да бабушка,
Паренек да девушка,
Коровушка с телянчиком,
Лошадь с жеребеночком
Да семь овечушек. (XIII)

Но самая популярная — это о курочке-рябе; приведем записанный нами в Новгородской губернии вариант:

Была себе курочка рябенька,
Снесла яичко беленько,
Дедушка бил, бил — не разбил,
Бабушка била, била — не разбила,
Только мышка-покатаюшка
Ударил хвостиком и разбила.
Дед плачет, баба плачет,
Курочка кудкудахчет,
А мышка-покатаюшка
Шмыг в норку и — ушла, ушла, ушла.

Среди английских Nursery Rhymes встречается следующая песенка о старухе, которая жила в башмаке:

There was an old Woman, who lived in a shoe,
She had so many children — she didn't know what to do,
She gave them some broth without any bread,
Then whipped them all round and sent them to bed.

(Была старушка, она жила в башмаке. У нее было столько детей, она не знала, что с ними делать. Она кормила их супом без хлеба, секла и отправляла спать.) (XLVI)

В Тотемском уезде Вологодской губернии, в деревне, далекой от города и железной дороги, записана от неграмотной крестьянки следующая песенка:

Жила-была бабушка в старом башмаке,
У нее было деток как песку в реке,
Она про их щи варила,
Кашкой масляной кормила,
А чтоб не смели баловать —
Она их отправляла рано спать. (LV)

Это единственная запись этой песни, которая нам встретилась. Какими путями она попала в Вологодскую губернию и переработана в народном стиле — остается загадкой.

Мы мало знаем фольклор пестования в его живом бытовом окружении. Мы знаем тексты, записанные от носительниц его, но не знаем ни способов ни условий применения его в живом, непосредственном общении с ребенком. Потешка, пестушка, песенка сопровождается приговорами, движениями и другими приемами, выработанными опытом постоянного общения с малолетками. Тут индивидуальное творчество переплетается с мотивами традиционной поэзии и выявляется творческая личность носителей этой поэзии. Мы располагаем немногими записями, дающими представление о характере и способе выполнения „фольклора пестования“. Мы привели одну из них в главе о колыбельных, приведем еще одну, записанную в январе 1928 г. в Тверской губ., Ржевском уезде. Старушка-бабушка берет своего внука, мальчугана нескольких месяцев, на руки, ставит ножками к себе между колен и приговаривает:

Ладушки, ладушки,
Курочки рябушки,
Ладушки, ладушки
Курочки кладушки.
(Ребенок хлопает ручками.)
Петушок с хвостом,
Повоюшь с пестом,
Погоний, не стой!
(Ребенок подпрыгивает.)
Шипь, шипь, полетели
(поднимает ручки вверх),

Напугать Санюшку хотели;
 Сели на лоб
 Крылышками хлоп, хлоп!
 (Бабушка ударяет слегка по лобику ребенка.)
 А Санюша их хап, хап!
 И поймал.

(Ребенок хватает бабушкины руки.)

На вопрос: „Где ты взяла эту песенку?“ последовал ответ: „Чего с ними не наговоришь!“ Очевидно, в этой песенке есть доля импровизации на основе общеизвестных „Ладушек“.

Расширить наблюдения и записи над фольклором пестования в его бытовой обстановке является насущной задачей для изучения этой группы детского фольклора, представляющей большой и этнографический и художественный интерес.

ГЛАВА VII.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРИРОДЕ И ЖИВОТНЫМ. ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ. ДЕТСКИЙ НАРОД- НЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

МЫ переходим к детскому фольклору, который бытует среди детей того возраста, когда они становятся самостоятельными, забавляются сами и перенимают песни, игры и другие забавы у взрослых и у своих товарищей-однолеток.

С возрастом изменяются у детей и запросы к поэзии, виды ее становятся разнообразнее, сложнее — простенькие наивные потешки уже не удовлетворяют. Большая часть песенок, бытующая среди детей этого возраста, имеет определенное назначение, или же прикреплена к определенным дням и случаям, но много и таких песен в репертуаре детей, которые, не имея никакого назначения, дают исполнителям их и слушателям только эстетическое удовлетворение.

В первую очередь мы дадим обзор детского фольклора, связанного с природой, животными и обрядами. Естественно, что в крестьянской среде, живущей главным образом интересами сельского хозяйства, они занимают большое место. Многие из обрядовой поэзии идет из глубокой древности, от языческой аграрной религии, когда песня была неотъемлемой принадлежностью религиозного обряда. Религия анимизма частью утратилась, частью подверглась влиянию христианства и других исторических факторов; обряд и сопровождающая его поэзия остались, но забылся их первоначальный смысл; иногда

поэзия отрывалась от обряда и шла путем занимательности и фантазии. Все больше и больше забываемая взрослыми, поэзия эта дегенерировала, спустилась к детям и продолжает жить среди них, как песенка и игра. На ряду с этим продолжают жить обряды, в которых дети принимают участие вместе со взрослыми. Это обряды, связанные с изгнанием вредных животных, а также обрядовые обходы села или деревни. Все они имеют целью повысить производительность сил природы: рост злаков, обилие плодов, размножение скота и т. д.

В жизни малокультурных народов обрядовое участие детей сохранилось в чистом виде, у западно-европейских и у русских крестьян культурная почва, на которой обряд сохранился, вековое влияние церкви и ее учение, условия государственной жизни изменяли часто в корне и форму и сущность обряда. „Европейский обряд служит нередко лишь слабым отголоском аналогичного обряда у народов малокультурных. Он нередко соблюдается только по пиететическому отношению ко всему старинному, исконному; к нему относятся с полuverой, или же он перешел в забаву, или находится на границе этого перехода. Наконец, сопровождающие его действия иногда получают уже чисто символический смысл“ (XXIX, 27).

Начнем наш обзор с повсеместно распространенных и очень популярных среди детей деревни обращений к солнцу, дождю, радуге. К дождю обращаются тогда, когда он необходим для произрастания растений и злаков, его просят „припустить“, „поливать весь день“, „лить пуше“, просят „дождю в толстую вождю“, обещают ему награду „горшок гуши“ или „кусоч пирога“:

Дождь, дождь,
Поливай весь день
На наш ячмень,
На бабью рожь.
На мужичий овес,
На девичью гречу,
На мальчие просо. (I)

Если дождь залядил, его просят перестать.

Дождик, дождик, перестань —
Я поеду на Иордань,
Богу молиться,
Христу поклониться,
Я у бога сирота,
Отворяю ворота
Ключиком - замочком,
Шелковым платочиком. (LXVIII)

Текст песни мало варьируется, изменяется только место поездки: чаще всего встречается „Иордань“, а затем „Рязань“, „Черностань“, „Верестань“, „Августань“ и т. д.

Затем следуют обращения к радуге и к солнцу с просьбой о хорошей погоде:

Радуга - дуга,
Не давай дождя,
Давай солнышко,
Колоколышко. (I)

Обращение к солнышку:

Солнышко-ведрышко,
Выгляни в окошечко,
Твои детки плачут,
Пить, есть хотят. (XXIII)

Все эти песенки представляют собою заклинания дождя и солнца, дегенерировавшие в веселую детскую песенку. „Осветить вопрос происхождения этих песенок могут наблюдения над жизнью малокультурных народов, если бы только удалось установить серьезную веру в особое отношение детей к силам природы“, — говорит В. Н. Харузина и приводит примеры из разных источников. Так, в восточной Африке во время веяния зерна — работы, производимой женской частью населения — если нет необходимого ветра, девочки призывают его со свистом и следующими словами: „Ветер, я схвачу твоего ребенка и положу его к себе на колени“. Дети другого африканского народа при приближении дождя радостно кричат: „Манко“

стане (название божества), принеси нам дождя" (XXIX, 31). Обращаясь к месяцу, дети одного из африканских народов говорят, что он убывает, а они растут (LXVI).

Перейдем теперь к обращениям к разным животным и птицам. Многие из них, имеются данные предполагать это, представляют собою также дегенерировавшие заклинания. Самое распространенное из них обращение к улитке, оно имеется у всех почти европейских народов:

Улитка, улитка,
Высуни рога:
Дам тебе пирога.

Другой вариант, записанный в Тверской губернии, Весьегонском уезде, в 1927 г.:

Слизень - близень (улитка),
Выпусти рога,
Дам пирога и кувшин молока.
Как не выкажешь рога,
Пестом зашибу,
В острог посажу. (СХХII)

Песенка поется до тех пор, пока улитка не высунется из своей раковины. Приведем тексты такого же обращения к улитке у других европейских народов. Немецкая:

Schneckhaus, schneckhaus,
Stecke deine Hörner aus,
Und wenn du sie nicht stecken willst
Werf ich dich in Graben
Fressen dich die Raben.

(Улитка, улитка, высунь рога, если ты не высунешь, я брошу тебя в яму, тебя съедят вороны.) (LXVII, 40)

В Савойе записан следующий вариант обращения к улитке:

Escargo-virago,
Montre tes cornes
Avant que je te tue. (XXIX)

(Эскарго-вираго, высунь рога, прежде чем я тебя убью.)

Английское обращение к улитке:

Snail, snail come out of your hole,
Or else I'll beat you as black as a coal.
Snail, snail put out your horns
Here comes a thief to pull down your walls. (LVII)

(Улитка, улитка, выходи из своей раковины, или буду бить тебя; ты станешь черной как уголь. Улитка, улитка, высунь рога, идет вор, он разрушит твои стены.)

Обращения к некоторым насекомым и птицам связаны с повериями. Обращаясь к божьей коровке, говорят:

Божья коровушка,
Завтра будет ведро аль невястье. (V и LXI)

Если жучок полетит — будет хорошая погода, если нет — дождь.

Проходя мимо ульев, в Харьковской губернии обращаются к пчелам:

Пчелы гудут,
В поле идут.
С поля идут.
Медок несут. (XXV)

Аналогичные формы обращения к животным мы находим и у некультурных народов. Дети в Южной Африке, играя с животными, обращаются к ним с формулами, вызывающими будто бы определенный результат. Девочки баронга, во время ловли морских крабов, поют: „Эй вы с одной клешней! Поднимите ее вверх и опустите ее!“ Крабы будто бы появляются на зов.

Заметив греющуюся на дереве большую ящерицу „Galagata“, молодежь становится возле и начинает петь, ударяя в ладоши: „Большая ящерица, закинь, закинь назад голову“, и ящерица будто бы вытягивает шею и качает головой все время, пока бьют в ладоши (XXXIX).

Обращения к птицам в фольклоре разных народов также имеют очень много общего.

В Архангельской губернии обращаются к чайке:

Чайца, чайца,
Поддай свои яйца,
На тебе голыш,
Куда хошь полетишь.

Там же при полете гагар поют:

Гagara, гagara,
Обернись назад —
Твои дети горят,
На Мати горах (у Холмогор),
Смолу жгут. (XXIX)

В таком же роде обращение к ястребу, когда его отгоняют от цыплят:

Ястреб, ястреб ящичком,
Твои дети горят —
Тебя кричат,
Не таскай цыплят. (V)

Такого же содержания английская и немецкая песенки, относящиеся к птицам. Английская:

Lady bird, lady bird, fly away home
Your house is on fire, your children will burn.

(Птица, птица, лети назад домой. Твой дом в огне, твои дети горят.)

Немецкая песенка:

Rab, Rab, dein Haus brennt an,
Deine Kinder schreien alle z'sammen
Dein Weib sitzt auf'm Herd
Und schreit wie'n alter Bär.

(Ворон, яворн, твой дом горит, твои дети все вместе кричат, твоя жена в стае поет как медведь.) (XLII)

В Харьковской губернии, увидев коршуна или ястреба, дети кричат:

Гай! гай, на чужой край
Там на четверо хватай,
А моих не замай. (XXV)

Меньше попадает обращений к домашним животным. Приводим песенки, связанные с пасением скота. Так, в Смоленской губернии говорят:

Попали коровушки около дубравушки,
Овечки около речки,
Свиночки около нивочки,
А конички около горычки. (XXII)

В Ярославской губернии обращаются к корове:

Коровушка, буренушка,
Поддай молочка,
Покорми пастушка. (LXX)

В Казанской губернии, когда дети встречают теленка, говорят:

„Телешь, телешь,
Куда бредешь?“
— В лес волков есть.
„Смотри, телешь,
Тебя допреж“. (XXII)

Разные звуки, издаваемые животными, и пение птиц, различное в разные времена года, дали повод к звукоподражательным приговорам. Клички и названия некоторых животных представляют имена звукоподражательные и состоят в связи со звуками, которые они издают. Вспомним хотя бы кукушку.

В Смоленской губернии дети, сложив губы трубкой как бы для свиста, протяжно, на низких нотах, поют глухим голосом, подражая птице витютню:

На дубе сижу витютень!
Девка идет,
Ведро несет,
На дубе сижу витютень. (XXXII)

Когда вороны и воробьи клюют что-нибудь вместе, то дети говорят, что одна ворона кричит: „Харч, харч!“ Другая: „Творог! Творог!“ Воробьи спрашивают: „Что по чем? Что по чем?“ Вороны отвечают вместе: „Так клюй! Так клюй!“ (XXIII).

А вот подражание домашним птицам. Курица кудахчет:

Куд-кудах, куд-кудах.
Снесла яйцо в кулак.

Петушиный разговор: „Били, били!“ — Кого? кого? — „Тебя, тебя!“ Петух зовет кур: „Ух, ух! Сюда, сюда! Нашол, нашол!“ (XXXII).

Приведем для параллели звукоподражательную немецкую песенку.

Разговор ведется между уткой, собакой, кошкой и петухом:

Die Enten sprechen: Soldaten kommen! Soldaten kommen!

Der Haushund spricht: Wo? Wo? Wo? Wo?

Die Katze spricht: Von Bernau! Von Bernau.

Der Hahn auf dem Mauer: sie sind schon da.

(Утка говорит: „Солдаты идут“. Собака: „Откуда?“ Кошка: „Из Бернау“. Петух: „Они уже здесь“.) (LXVII)

Хождение за грибами сопровождается иногда словесными приговорами, своего рода заговорами. Так, в Ярославской губернии, когда дети идут за грибами, они просят:

Никола, Никола,
Наполни лукошко,
Стогом верхом,
Перевертышком. (LXXI)

В Смоленской губернии, отправляясь за грибами, дети подбрасывают лукошко, загадывая об удачном или неудачном сборе: „Дай, бог, полна и ровна, чтобы верх набрать“. Когда лукошко станет на доньшко — это к прибыли: „А, наберу“. Если же опрокинется кверху дном — дурная примета: „Ах, оборотилось лукошко: ничего не наберу, а в доньшке ничего не будет“. В поисках за грибами приговаривают прибаутки и поют песенки:

Грибы на грибы,
А мой поверху.

или:

Жили-были мужики,
Брали грибы рыжики. (XXXII)

Летнее купанье в реке вызывает также приговорки. Перед нырянием в Смоленской губернии дети говорят: „Кума, голуба, прости меня!“ (XXXII).

В Архангельской губернии, купаясь, дети говорят:

Тройца велела,
Богородица велела,
Трижды окунуться —
Нырком пройти
И из-под воды вон уйти. (XXIX)

Если во время купанья в Ярославской губернии кому-нибудь из детей попадет в ухо вода, то, заложив пальцем ухо и наклонившись вбок, дети, прыгая на одной ноге, приговаривают:

Оля, Оля,
Вылей воду на дубовую колоду,
Чашки помыть —
Лошадей напоить. (LXX)

На Мурмане в этом же случае дети говорят:

Кошка-мышка,
Выливай-ка
Из единого порогу
Из ушей, чтобы не было мышей. (LXXII)

Перейдем теперь к песням, приуроченным к известным дням и праздникам и соединенным с какими-нибудь обрядами. Особенно распространены обходы детей и их одариванье. „Эти обходы в большинстве случаев так же, как и многое другое, представляют собою дегенерировавший обряд. Обычай, пользовавшийся ранее глубокой верой, постепенно упал в своем значении и стал достоянием детей. Что обряды, совершаемые взрослыми, игры взрослых и песни переходят в детскую сферу и долго живут еще в играх детей — факт общезвестный. Мы не можем отрицать, что то же самое произошло с обходами. Но нужно заметить, что у некоторых народов эти обходы сохранили значение обрядов, которые имеют

однообразные цели. Благопожелания, произносимые в стихах и песнях, имеют силу привлечь в дом благополучие, здоровье, урожай и другие блага" (XXXIX).

Начнем с весенних праздников. Закливание весны песнями и обрядами издавна исполнялось у европейских народов детьми и молодежью, но теперь эти песни поются без понимания их обрядового значения, для забавы. Обычай печь жаворонков и других птиц 9 марта распространен повсеместно. В Курской губернии пекут в этот день „куликов“ — ржаные лепешки с загнутыми крыльями и шарообразной головой, посреди которой идет гребень. Прежде чем есть, дети закликают их. Вот как описывается обряд этот по наблюдениям в одной из сельских школ: „В нынешнем (1904) году на большой перемене дети вынесли из класса несколько парт, поставили их в ряд перед окнами школы и, посадив своих „куликов“ рядышком на верху парт, начали закликать:

Кулик-саморот
Полетел в огород,
Сломал палку,
Убил галку.
Галка плачет —
Кулик скачет.

Потом дети начали закликать весну:

Весна красна! На чем пришла?
На сошечке, на бороночке
На овсяном снопочку,
На ржаном колосочку." (IX)

В Греции 1 марта дети обходят дома с деревянной ласточкой в руках, возвещая весну, произнося благопожелания и выпрашивая дары. Литературный перевод такой песенки дает Майков:

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и задела:

Как февраль ни злился,
Как ты март не хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик —
Все весною пахнет. ¹ (XLII)

В Костромской губернии на 4-й неделе великого поста (крестопоклонной) бабы пекут кресты, а дети обходят избы и поют:

Половина поста преломилась,
Вторая за овин скоронилась,
Третья треснет.
Поддай нам крестик —
Не режь, не ломай.
Лучше весь подавай. (LXVIII)

Пасхальных песен в нашем собрании очень мало, и они не характерны.

Приведем песню, которую дети распевали в Костромской губернии в день выгона скота в егорьев день (23 апреля старого стиля).

Батюшка Егорий,
Спаси нашу скотинку
И в поле и за полем,
И в лесу и за лесом,
Волку да медведю
Пень да колода.
Ворожу, вороне
Камешек дресвяный!
Батюшка Егорий, во свечку,
А нам молодцам по яичку. (LXXIII)

С этой песенкой дети ходят по избам.

Во Владимирской губернии в 1853 г. был записан обычай, называемый „колоском“, совершаемый в троицын день, когда начинает колоситься озимая рожь. Идут по полю и поют:

¹ Песенка эта впервые была напечатана в детском журнале „Подснежник“ за 1853 г.

Пошел колос на ниву,
 На белую пшеницу.
 Уродился на лето
 Рожь с дикушей (гречихой),
 Со пшеницею.

Главная роль в этом обряде выпадает девочке, которую несут на руках по озимому полю: она срывает горсть ржи и бросает ее около церкви (I).

Песен семицких, спожиночных и других, связанных с летними праздниками, записанных от детей, очень мало. В заключение нашего обзора весенних и летних обрядовых песен укажем как на пережиток старины детскую игру „Кострому“. В нашем собрании 20 вариантов этой игры записаны во Владимирской, Костромской, Тульской и других губерниях. Обряд похорон „Костромы“, долго сохранявшийся среди взрослого крестьянского населения, — отзвук языческого обряда. „Кострома“ — соломенная кукла — олицетворяла собой природу, замирающую зимой и воскресающую весной. Обряд исчез среди взрослых и перешел к детям как игра, обрядовое происхождение которой совершенно забыто. Игра сводится к следующему. Кто-нибудь из детей изображает „Кострому“, другой „няньку“ или мать ее, дети приходят и спрашивают о здоровье „Костромы“, им отвечают, что она заболела, на следующие вопросы отвечают, что ей все хуже и хуже и, наконец, что она умерла; после этого „Кострому“ хоронят — дети относят ее куда-нибудь в сторону и кладут, но „Кострома“ вскакивает и ловит участников игры.

Материалов по зимним праздникам — преимущественно святкам и новому году очень много. Оба эти праздника сопровождаются обходом детей и пением „колядок“ и „щедровок“, первые поются на Рождество, вторые — на новый год. В этнографических трудах постоянно встречаются указания на то, что этот обычай в Великороссии исчез почти повсеместно среди взрослого

населения и перешел к детям. Так, во Владимирской губернии, в Шуйском уезде, в записях колядок, сделанных в 1883 г., указывается на то, что с колядкой ходят только дети, а 7 лет тому назад ходили и взрослые, а в Вязниковском уезде этот обычай вывелся уже 30 лет тому назад (XLIX). Колядки и щедровки особенно распространены на Украине. Им посвящены несколько специальных исследований, мы же остановимся на них постольку, поскольку они имеются в записях, сделанных от детей. Содержание их разнообразно, часто это обычные песни, но начало и конец этих песен специально колядного содержания. Начинается колядка следующим обращением: „Коляда, коляда, приходила коляда накануне Рождества“: „Коледа, маледа, где была?“, „Коледа, маледа, подавай пирога“ и т. д. Очень распространена колядка в форме песни из вопросов и ответов, песня эта поется и как простая песня.

— Коляда, коляда,
 Вскочил козел
 На боярский двор.
 „По что вскочил?“
 — Бруска просить.
 „На что бруска просить?“
 — Косу точить.
 „На что косу точить?“
 — Сено косить.
 „На что сено косить?“
 — Коня кормить.
 „На что коня кормить?“
 — Дрова возить?
 „На что дрова возить?“
 — Избу топить.
 „На что избу топить?“
 — Маленьким ребятишкам козульки¹ печь.
 (LXXV)

¹ Козульки — обрядовые печенье, пряники.

Колядки, так же как и щедровки, заканчиваются обычно просьбой к хозяевам подать что-нибудь славельщикам:

Подавайте пирога,
Аль оладышков,
Аль блинчиков,
Подавайте пирога,
Али денежку.

Иногда вся песенка состоит из просьбы подать что-нибудь.

Как подходит коледа
Под святые ворота,
Подай тетушка,
Подай матушка,
Блин да лепешку,
Свиную ножку. (LXXV)

Если хозяева окажутся скупыми и не подадут ничего славельщикам, то им сулят всякие неприятности:

Как не дашь пирожка,
Уведем корову за рога
И за задним воротом
Привяжем к столбу,
Ушибем метлой. (LXXIV)

Скупым желают:

Ни кола, ни двора,
Ни много живота.

Обращаются с просьбой долго не держать славельщиков на морозе:

Прикажете, не держите,
Наших ножек не знобите.

Обращение с просьбой подать что-нибудь, угрозы и насмешки над скупыми мы находим в песнях при обходе детей в праздники почти у всех народов. Так, в Голландии в день св. Мартина дети ходят в деревнях по дворам с зажженными свечами и поют:

Здесь живет богатый человек—
Он много даст.
Если он много даст,
То счастливо проживет.
Счастливо умрет
И наследует царство небесное.

Если детям ничего не подают, то прибавляют:

Мешок с отрубями,
Мешок с порохом
Здесь на вывеске стоит скупой черт.

(LXXVI)

Утром в первый день Рождества в некоторых местностях мальчики ходят „Христа славить“, при этом поют или говорят тропари и кондаки празднику и поют особые праздничные песни, известные под названием „рацей“, „рацеек“; содержание их связано с праздником. Происхождение их, как это показывает название (Ratjo) и язык, книжно-школьное, но в устной традиции они приобрели черты народной поэзии. Рацей записано немного, они все больше и больше исчезают. Заканчиваются рацейки также просьбой одарить славельщиков:

От востока с мудрецами
Путешествует звезда,
С драгоценными дарами
Одарить пришла Христа.
Мы пришли Христа прославить,
А вас с праздником поздравить,
Вам для потешки,
А нам на орешки. (XLIX)

В рацее, записанной в Архангельской губернии, так рисуется избивание младенцев Иродом:

Во всем мире
Младенцев побили.
Били, секли, ругали,
Маткам ручки заломили,
Волосы дерут и т. д. (XXIX)

Содержание рацей, мало понятное крестьянским детям, искажается и часто представляет собою полную бессмыслицу.

Новогодние обходы детей совершаются в одних местах в новый год в „Васильев вечер“, в других в день нового года. При этом поют щедровки, по содержанию они сходны с колядками, но сопровождаются припевом „овсень“ или „таусень“. В них входит прославление хозяев. Во многих местах новогодние поздравления сопровождаются пожеланиями хорошего урожая, осыпанием хозяев овсом, рожью, гречихой.

Вот описание этого обычая в Курской губернии, Суджском уезде: 7 января утром мальчики ходят „засевать“. По-двое, по-трое, а иногда в одиночку заходят в каждую избу. Войдя в хату, дети разбрасывают по полу зерна ржи, овса, проса и другие злаки и говорят:

Ходит Илья на Василья,
Носит трубу жестяную,
А другую просяную.
Зароди, боже, жита-пшеницу
Всюкую пашинцу¹
В доме — добро,
В поле — зерно,
В доме — пирожиство,
В поле — колосисто.
Васильева мать
Пошла щедровать;
Заросилася, замочилася,
На престоле стояла,
Златой крест держала.
А вы, люди, знайте:
Богу свечку ставьте,
А нам грошик дайте.
Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой!
С новым годом!
С новым счастьем!
С новым здоровьем!

¹ Пашинца — всякие хлебные растения.

Хозяева дают детям лепешку, пирога, кусок сала или копеечку (IX).

Приводим еще характерное новогоднее пожелание в Тульской губернии, распеваемое детьми:

Сею-вою, посеваю,
С новым годом поздравляю,
Со скотом, с животом,
С пшеничкою, с овсецом.
Ты, хозяин-мужичок,
Полезай в сундучок.
Доставай пяточок —
Нам на орешки,
Вам на потешки.
Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой.

Эта песнь сопровождается также разбрасыванием зерен.

Масленица в некоторых местностях сопровождается также обрядами и песнями, исполняемыми детьми. Во Владимирской губернии дети устраивают сжигание масленицы — соломенной куклы на костре, выпрашивая для этого предварительно по дворам солому и дрова. При этом поется следующая песенка:

Масленица-обманщица
Мимо красного села
Обманула — провела,
В закоулок завела.
Дома редьки хвост
На великий пост.

Когда костры догорят, дети ходят под окнами избы и поют:

Тинь-тинькь,
Подай блинцъ,
Последний кусок
Мочальный усок. (XLIX)

Обходы детей с песнями и одаривание их, приуроченные к определенным праздничным дням, распространено во всех странах как некультурных, так и культурных.

Песни и устное словесное творчество, связанное с временами года и праздниками, составляют, по терминологии Г. С. Виноградова, „календарный фольклор“, — более чем какой-либо другой вид он должен изучаться на бытовом фоне. Наблюдения над жизнью крестьянских детей в течение целого года — их интересы, занятия, забавы и игры и связанное с ними словесное творчество — помогут установить тот или иной взгляд на детскую жизнь данной местности. Значение такого стройного изучения детского быта очень велико и для этнографии детства и для детского календарного фольклора. Интересный опыт в этом направлении сделан Г. С. Виноградовым в его „Детском народном календаре“ (V). Составленный на основании материалов, собранных в Тулунском уезде Иркутской губернии, приведенный в стройный вид, он дает картину детского быта этой местности, а на фоне этого быта выступают песни, прибаутки, загадки, игры детей, песни. Это единственная в своем роде работа представляет большой интерес для занимающихся детским фольклором, и может послужить образцом для собирания и составления подобных календарей для различных местностей и народов, населяющих СССР.

ГЛАВА VIII.

ПЕСНИ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ, потешки, дразнилки, считалки, песни, связанные с праздниками, имеют определенное назначение, но в репертуаре детей много песен и без всякого назначения; они исполняются детьми только для удовлетворения их эстетических запросов, нравятся слова, ритм, напев. Этот отдел детского фольклора очень пестрый, разнообразный по своему составу и трудно поддается систематизации. Мы выделим наиболее характерные группы песен, имеющиеся в нашем материале во многих вариантах. Большинство песен заимствованы детьми у взрослых и переработаны ими соответственно их эстетическим вкусам и интересам, некоторые части выпадают, включаются отрывки из других песен и образуется песня в иных комбинациях. Другие же представляют собою отрывки песен взрослых, и, наконец, третья группа — это песни целиком, без изменения перешедшие от взрослых к детям.

Остановимся сначала на первой группе. Какой путь прошли песни взрослых, пока оформились в детскую песню, проследить трудно, тем более, что многое из репертуара взрослых выпало, и оригинала детских песен мы не знаем. Несомненно, дети заимствуют то, что находит отклик в их психике. В книге Шабад „Живое детское слово“ (LXXVII) собраны материалы творчества детей 4 - 5 лет, и среди них находим отдел „песен отраженных“, т. е. таких, в которых можно проследить происхождение их: одни песни представляют соеди-

нение нескольких песен, другие воспроизводят песню более точно, вставляя две-три строки из другой песни или своего сочинения. Творчество детей 4-5 лет очень примитивно, но благодаря этому процесс усвоения песни взрослых яснее и обнаженнее. У детей старшего возраста процесс этот выявляется сложнее и разнообразнее, но по существу он тот же. Детские народные песни часто представляются взрослым бессмысленным набором слов, тогда как для детей они наполнены богатым содержанием и порождают у них „ряды страстных ассоциаций“ (VI, 42). И. В. Хрущов пытается проследить эволюцию детской народной песни. „Песни, так называемые, — говорит он, — собственно не детские, а веселые песни взрослых, доставшиеся в наследство детям. Это творчество хороводов, посиделок, святочных игр“. Он берет распространенную детскую песню, начинавшуюся со слов: „Тень, тень, потетень, выше города плетень“, и показывают ее первоисточники. Хоровод имел повсюду название „плетня“. „Заплести плетень“ значило: завести хоровод. В Московской губернии плетень с соответствующей пляской поется:

Заплетися плетень, заплетися,
Ты завейся, трава шелковая.

В Олонецкой губернии московский плетень *andante* переходит в оживленное *allegro*, и танцующие поют:

Завивай мой, завивай,
Хорошенький завивай.

За этим припевом идет набор слов, по беглому ходу шуточных фраз напоминающих детские песни. В них постоянно встречается слово „плетень“. В Курской губернии под этот припев в хороводах, во время самой пляски, запевадой и двумя, а иногда и тремя лицами, находящимися в кругу, изображаются различные положения, различные сценки домашнего быта. Человек тут

является во всех возрастах. Вот детская песня, взятая из „Плетня“:

На полочке рукавички,
На приступке калачи
Как огонь горячи.
Подошел мальчик,
Обжег пальчик.
Побег на базар,
Всеми миру рассказал.

И в других детских песнях мы видим ряд житейских сцен, взятых из „Завивай“ или „Плетня“. Так, татары украли шапочки у артели мастеров-швейцов (портных); они „кроят шапочки, шьют рубашечки“. Тут и шутовское изображение крестин ребенка, которого повезли в Москву:

Ребенка крестить,
Поросенка молить.

Такая же юмористическая сценка женитьбы:

Поеду жениться
На сивке, на бурке,
На вещи каурке.
Сенька-везенька,
Вези меня на палке,
А сам пешком
Перевертышком.

Вторую фигуру хороводного танца „Плетня“ составляет расплетение „плетня“. Когда несколько пар кончают свои песни, наступает разрушение „плетня“. В Москве он тихо расплетается, в Олонецкой губернии развивается, т. е. разрушается обратным бегом. В старину он „развивался“ лицами, не участвовавшими в хороводе, отдельной партией. На это есть намек во многих детских песнях. В особенности распространена во многих вариантах песня о разрушении „плетня“ чужими ребятами, с которыми завязывалась занимательная борьба (X). Мы остановились на этой попытке И. Хрущова объяснить

происхождение детских песен, так как пока это единственная в этом направлении.

Перейдем к обзору отдельных групп песен. В первую очередь отметим песни из вопросов и ответов, причем ответ, оканчивающий строку, дает повод к новому вопросу в следующей строке, образуя таким образом как бы непрерывную цепь. В одних песнях вопрос начинается со слова „где?“, в других „на что?“. Обе песни с устойчивым текстом, меняется только конец и начало. Мы указывали уже на то, что такая песня поется как колыдка, и приводили текст одной из них, приведем и другой вариант“:

„Где коза была?“
— Я коней стерегла.
„Что выстерегла?“
— Коня в седле,
В золотой узде.
„Где твой конь?“
— Миколай увел.
„Где Миколай?“
— В клету сидит.
„Где клету?“
— Водой снесло.
„Где вода?“
— Быки выпили.
„Где быки?“
— За бугор ушли.
„Где бугор?“
— Черви выточили.
„Где черви?“
— Гуси выклевали.
„Где гуси?“
— В тростник ушли.
„Где тростник?“
— Девки выжали.
„Где девки?“
— Замуж повышли.
„Где мужья?“
— На войне стоят. (I, 48)

Песенки в форме вопросов и ответов, близкие по содержанию с русскими, встречаются у многих народов — форма эта, повидимому, очень близка детям. Приведем для параллели зырянскую песенку:

„Милый голубок, куда ты ходил?“
— К дяде в погреб.
„Зачем туда?“
— За маслом и за хлебом.
„Где хлеб?“
— Черная собака съела.
„Где собака?“
— Запуталась в изгороди.
„Где изгородь?“
— Сгорела огнем.
„Где огонь?“
— Потушен водой.
„Где вода?“
— Выпита быком.
„Где бык?“
— Его умертвил топор.
„Где топор?“
— Его затупил брусок.
„Где брусок?“
— В крапиву упал.
„Где крапива?“
— Сто жеребцов вытоптали.
„Где жеребцы?“
— Их увели в большую тундру.
„Где тундра?“
— Ее выклевала сорока-ворона. (LXXVIII)

Аналогичная по форме песенка имеется и у африканских детей:

— Кто мне бросит козьего помета?
„Зачем тебе козьего помета?“
— Я брошу его к небу.
„Зачем ты бросишь к небу?“
— Пусть небо напшет на меня дождем.
„Зачем тебе дождь?“
— Чтоб росла выжженная трава.
„Зачем тебе трава?“
— Чтоб поела моя старая корова... и т. д. (LXVI)

Песни „Туру, туру пастушок“ „Ай дуду, дуду, сидит ворон на дубу“ и „Ай чучу, чучу, чучу, я горох молочу“, „Тень, тень, потетень“ записаны в самом большом количестве вариантов. Все они, как и многие другие детские песни, характеризуются отсутствием единого содержания — отдельные эпизоды, отдельные образы, не осмысленные единым тематическим стержнем. Если мы сравним их с песнями взрослых, где тема в большинстве случаев ясно выявлена, то для нас становится понятным мнение многих исследователей о бессмысленности детских народных песен. Остановимся на первой из вышеуказанных песен; в нашем собрании 35 вариантов, последняя запись сделана в 1927 г. в Вологодской губернии (Л). Это указывает на то, что она и поныне держится в детском репертуаре.

Начинается песня во всех вариантах одинаково, с подражания пастушескому рожку и диалогом с пастушком. Пастушка спрашивают: „Далеко ли отошел?“ или „Куда стадо гонишь?“ — Пастушок отвечает: „От моря до моря (или от поля до моря), до Киева города“. Киев почти во всех вариантах и только в двух „Царев город“ и „Москва“. Далее предлагается вопрос: „Что царь делает?“ следует ответ:

Туру ногу пишет,
На девицу дышет.

Первая строка непонятна и требует объяснения. Тур, турок по словарю Даля и словарю областного архангельского наречия (Л, № 91) обозначает печной столб, основание которого — нога — расписывалась пестрыми красками. В вологодском варианте эти строки иные: „Турьим рогом пишет“; изменение произошло, вероятно, вследствие непонимания значения слова. Далее, обращение к девице с просьбой сходить „по водицу“, девица отвечала, что боится волков, ее успокаивают тем что „волк на работе, а коза на болоте“; в других ва-

риантах непосредственно после строк „на девицу дышет“ говорится о жене царя, Марье, которая породила ему сына. „Как ему имя?“ следует ответ: „Царя Константина“. В другой группе вариантов, после ответа пастушка о поездке в Киев, он говорит, что там его родина:

На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит,
Сова-то мне тепа,
Воробушки — братцы.

Вся песня слагается из следующих эпизодов, соединенных в вариантах в разных комбинациях: Диалог с пастушком, побывавшем в Киеве. Царь расписывает туру ногу и дышит на девицу. Девицу посылают за водицей, она боится, ее успокаивают. Жена царя родит ему сына Константина. Родня пастушка.

Песенка очень характерна для этой группы детских песенок. Яркие, очевидно что-то говорящие детям образы, отсутствие цельности содержания и трудно уловимая связь между частями. Кроме того, песня содержит какие-то обрывки исторических воспоминаний. Приведем два варианта:

„Туру, туру, пастушок,
Калиновый битожок,
Далеко ли отошел?“
— От моря до моря
До Киева города.
„Что царь делает?“
— Туру ногу пишет
На серебре-стуле,
На золоте-блюде,
Стул подломился,
Царь покатиля.
Жена его Марья
По сеним ходила,
Сына уродила.
„Как ему имя?“
— Царя Константина.

„Туру, туру, пастушок.
 Калиновый батожок,
 Куда стадо гонишь?“
 — От моря до моря,
 На родине дуб стоит.
 На дубу сова сидит.
 Сова — моя теща,
 Воробушки-братцы,
 Пособите драться.
 Васька, Васюшка
 На бумаге пишет,
 На девушку дышет.
 „Девуца, девуца,
 Сходи по водицу“.
 — Я волка боюсь.
 „Волк на работе,
 Коза на болоте,
 Платье полощет“. (XXIII)

Также пестро содержание песенки „Ай дуду, дуду, дуду, сидит мужик (барин, ворон, чорт, Фома и т. д.) на дубу“; по одним вариантам он теряет дугу, ищет и не находит, заходит к куме (Акулине, боярыне-сударыне); кончается песня:

Сударушка родила
 Сына Максима
 В четыре аршина,
 Отрежьте полотенца
 Покроить младенца.

В других вариантах говорится о мышках (мышках и кошках, мушках), которые разодрались в яме:

Идет дым столбом
 Кошка с мышкой подралась,
 В одной яме собрались.

И, наконец, третий вариант дает образ ворона — прототипа кота-баюна. Вот один из вариантов Курской губернии, стройно разработанный:

Ой люди, та-ра-ра!
 На горе стоит гора,

А на той горе лужок,
 А на том лужку дубок,
 А на том дубку сидит
 Ворон в красных сапогах,
 Во зелененьких сергах.
 Черный ворон на дубу
 Играет во трубу.
 Труба точеная —
 Поволоченная.
 Он утром в трубу трубит,
 А вечером сказки говорит.
 Сбегаются зверки
 Воропа послушать,
 Прянички покушать. (LXXIX)

Картины и образы, яркие, конкретные, сменяют один другого в детских песнях этого типа: мальчик по бережку скачет, рыбку ловит и родных кормит, ребята на чужом току горох молотят и цепи ломают; бабы делают сарафан и ссорятся; бабы пекут калачи, а приехавшие чернецы отнимают их; разбойнички нападают на галку, снимают с нее синь-кафтан, садят репку, а воры ее таскают и т. д.

Среди этой пестроты содержания выделяются некоторые темы: так, многочисленны привившиеся в детском фольклоре песни об еде. Частью это прибаутки, частью отрывки юмористических песен, попадают и большие песни, целиком взятые у взрослых. Тут и кисель, и щи, и каша, и оладьи, и ватрушки, и пироги, и другие кушанья крестьянского обихода.

Вот прибаутки:

Где блины — тут и мы,
 Где оладьи — тут и ладно. (XXIII)

Ай люди, люди
 Кабы шей павалей,
 Мы бы выхлебали.
 Кабы каши комок,
 Я бы в чашке растолок. (I)

Подсмеиваются над обедалами и опивалами:

Ай сем пересем,
На лопате испечен,
Мужик песню спел,
На капустник сел,
Съел три короба блинов,
Три костра пирогов,
Овин киселя,
А и кадку щей,
Полну печь калачей. (XIX)

Много юмористических песенок о неудачной стряпне:

Ти-та-та, ти-та-та,
Пожалуйте решета,
Мучки насейте,
Пирожки затейте.
Пирожки-то на дрожжах
Не удержишь на вожжах.
Положили гущи —
Они еще пуще,
Поставили на чело —
Не осталось ничего.

Торговка продает ситный, мальчик спрашивает: „Что, тетушка, везешь?“ Торговка отвечает:

Я не камушек везу,
Не кирпич продаю.
Везу ситничек
Полуситничек.

Попадают песни и о хозяйках-неряхах:

На воле хлеба валяла,
Помоями поливала
Кочергой гребла.

Крестьянский быт и крестьянская работа нашли широкое отражение и в детской песенке:

Дедушка Кутыр
Жеребеночка купил,
Привязал к кусту
За ременную узду.

У крестьян ушли лошади:

А крестьяне их поймали
И покрепче привязали.

Якимку посылают за мякинкой, чтобы кормить скотинку. Подсмеиваются над неудачно купленной коровой:

Корова-то с кошку,
Надоила с ложку.

Приведем еще песенку о кузнеце:

Идет кузнец из кузницы
Несет кузнец два молота.
Тук, тук, тук,
Да ударил разом вдруг. (LXXX)

Среди песенок попадают как в русском детском фольклоре, так и в фольклоре других народов песенки, основанные на числах, это своего рода мнемонический прием для ознакомления с числами, такого же рода песенки и на дни недели. Прием этот давно употребляется в педагогике для лучшего запоминания слов, правил и т. д. Песни с числами большею частью употребляются как считалки, а потому мы остановимся на них в главе о считалках. Приведем примеры песенки с перечислением дней недели — на каждый день указана работа.

В понедельник — на могильник.
Во вторник — на кокорник.
В среду — на переды.
В четверг — на коты.
В пятницу — на мельницу.
В субботу — на работу.
В воскресенье — на веселье.

Среди Nursery Rhymes есть песенка такого содержания для заучивания дней недели:

How many days my baby to play?
(Сколько дней в неделе моя детка играет.)

Затем следует перечисление дней недели (LVI).

Встречаются также песенки школьного происхождения — рифмованная азбука, в них старинные названия букв: аз, буки, веда и т. д.

В европейском детском фольклоре количество таких песенок значительно больше. Приведем примеры:

Аз, буки — башки.
Веда — таракашки.
Глаголь — кочерыжки
Побег по дорожке,
Ер, еры — упал с горы.
Ер, ять — не кому поднять.
Ерь, юсь — сам поднимусь.
Буки, бабаки
Съели собаки.
Буква ижица —
К концу близится. (XXIII)

Вот школьная украинская юмористическая песенка

Аз, буки, глаголь,
Веде чорт Василия
И дубинку песе
За чупрынку трясе. (LIV)

Есть в детском репертуаре песенки, которые исполняются особым образом. Их разделяют на части, и исполнители поют их одновременно. Так, в Казанской губернии исполняется прибаутка:

В Кавани на базаре
Сани, дровни
Дешевы, дешевы.

Один мальчик поет первый стих дискантом, второй поет следующий стих „сани дешевы“ тенором, третий „дешевы, дешевы“ басом. Таким же образом поется песенка:

Сам дуду, дуду,
Сам игумен идет.
Свою братью ведет
Через тын — монастырь,
Блины мазаные. (XXIII)

Под некоторые песенки дети приплясывают. Вот, например, песенка:

Ай виаль, виаль, виаль
А вили, вили, вили,
Кабы шей налили.
Догадались, нахлебались
Да и спать легали. (XIX)

В Иркутской губернии, в Балаганском уезде, в селе Распутине, дети собираются на берегу Ангары, девочки и мальчики вместе берутся за руки и поют:

Бада, бада, бадажок,
На китайску сторону.
Там Марья снетра
Породила сына.
По воду ходила
Под кус хорошила.
Куста плачет
Коледа скачет,
Пень говорит,
Нам плясать не велит. (LXXXII)

В Белоруссии записаны плясовые детские песни, пляска очень однообразная: сплетаются руками, кружатся, притапывая ногами и поют разные песенки, от которых получили название и пляски: „Цыркун“, „Медзведик“, „Вярыбий“. Вот песенка последней пляски:

Вярыбей, вярыбей,
Не клюй моих каняпель,
Ни моих, ни своих,
Ни суседа мойго.
Я тому вярыбою
Кнем ножку перебыю.
Вярыбейка скача
Дай на ножки плача. (LXXXIII)

Вместе с традиционными песнями детского фольклора в записях встречаются и песни, перенятые детьми у взрослых; песни эти являются как бы случайными, они большей частью скоро забываются; записи

таких песен единичные, без вариантов. Содержание их не детское и часто чуждо детским интересам. Так, в одной из деревень Архангельской губернии, где распространено пьянство, от детей 7-8 лет записана песня.

Четвертная — мать родная,
Полуштоф — отец родной,
Половиночка — сестрица,
Проводи меня домой. (LXXXIV)

В современном деревенском быту, по наблюдениям собирателей фольклора (XXXV), дети часто поют крайние единичные песни, более испорченные дети подчеркивают щекотливые места, другие же совершенно не углубляются в их смысл, повторяют слышанное. Легко запоминаются детьми и злободневные частушки, так широко распространенные в современной деревне и так много дающие для понимания среды и быта. Приводим несколько частушек, записанных от детей в Вологодской губернии, в Вельском уезде, в 1925 г.:

Комсомольца полюбила
Сразу изменилась.
Все иконы приколола,
Богу не молилась.

Я девчонка комсомола
Ленту алую ношу,
Пионера не жалею
Комсомольцем дорожу.

Как у нашего попа
Да искривлена душа.
Коммунисты хороши —
У них вовсе нет души.

Перейдем теперь к особому жанру детского фольклора — небыличным песням и большим песням, воспринятым детьми без изменений от взрослых.

ГЛАВА IX.

НЕБЫЛИЧНЫЕ. ПЕРЕВЕРТЫШИ. БОЛЬШИЕ ПЕСНИ.

НЕБЫЛИЦЫ, или небывальщины, и перевертыши — особый жанр фольклора, широко распространенный у всех народов. Сущность небыличных песен сводится к тому, что неотъемлемые функции и свойства одного предмета приписываются другому. Небывальщинами и небылицами называют их и сами исполнители:

Появольте, братцы, небылицу спети,
Небылицу, да небывальщину.

Другая песня начинается:

Старину спую, небывалую, да не слыханую.

Термин перевертыш введен впервые К. И. Чуковским и соответствует английскому термину для такого рода стихов — „Topsy — turvy rhymes“ — „стишки на выворот, стишки перевертыши“, близко к этому и немецкое название „Verkehrte Welt“ — „перевернутый свет“.

В небылицах животные являются одетыми как люди: „коза в сарафане“, „курочка в сапожках“, „утка в юбке“ и т. д. Животные делают то, что и люди: „курочка избу метет, вымела избушку, положила голичек под порожичек“, „кот на печи сухари толчет, кошка ширинку шьет“ и т. д. Одним животным приписываются свойства других: „по поднебесью медведь летит, ушками, лапками помахивает, серым хвостиком поправливает“, „собачка бычка родила, поросенок яичко снес“. Люди работают и действуют

в несоответствующей обстановке: „мужики на улице заезки (заколы для рыбной ловли) бьют, они рыб ловят“. Люди ездят на животных, совершенно не подходящих для этого: „Фома едет на курице, Тимошка на кошке“; „мужик комарами пахал, дубинкою погонял“. Это действительно свет, в котором нарушены все законы жизни.

В детском фольклоре особенно много необычных, где действуют животные, переодетые в человеческую одежду и делающие то, что делают люди, в этом — элементарная форма внешнего комизма, которая так любима детьми. В народной сказке животные также являются очеловеченными, но это антропоморфизм другого рода, — в большинстве случаев животные остаются в сказке самими собой, с присущими им природными свойствами: лиса лукава, воровата и изворотлива; медведь неповоротлив, недогадлив, и очеловечиванье помогает только выявить природные черты их. Не то в необычных — там подчеркиваются несвойственные животному обстановка и действия и этим создается впечатление комического.

Защитником необычного жанра для детей является К. Чуковский. Вгляды свои он развил в статье „Лепые нелепицы“. Указав на широкое распространение необычных в фольклоре русском и английском, Чуковский стремится доказать и его педагогическую ценность. Нарушение правильной координации вещей вызывает в детях смех, и, чем больше это нарушение, тем ощущение смешного сильнее. Всякое отступление от нормы сильнее укрепляет ребенка в норме, и он еще выше оценивает свою ориентацию в мире. Но для того, чтобы нарушение нормального порядка вещей вызывало бы в ребенке смех, нужно, чтоб он имел уж прочно сложившиеся ассоциации. Вовлекая ребенка в перевернутый мир, мы не только не наносим ущерба его интеллектуальной работе, но, напротив, способствуем ей, ибо у ребенка у самого есть стремление создать себе такой перевернутый мир, чтобы тем

вернее утвердиться в законах, управляющих миром реальности. Эти нелепицы были бы опасны ребенку, если бы они заслоняли от него подлинные реальные взаимоотношения идей и вещей, но они не только не заслоняют — они выдвигают, оттеняют и подчеркивают их. Они усиливают (а не ослабляют) в ребенке ощущения реальности" (VIII).

Приведем некоторые необычные песенки, в первой из них переодетые животные, а во второй — ряженые животные пляшут:

Ульяна, Ульяна,
Садись-ка ты в сани,
Поедем-ка с нами
В нову деревню.
В новой деревне
Во старом селеньи
Много дива увидишь:
Курочка в сережках,
Козел в новых портках,
Коза в сарафане,
А бык в кожане,
Утка в юбке,
Селезень в зерельях,
Корова в рогоже —
Нет ее дороже!

У нашего Даниила
Разыгрался скотини,
И коровы и быки
Разинули кадыки,
Утки в дудки,
Тараканы в барабаны;
Коза в синем сарафане,
Во льняных штанах,
В шерстяных чулках,
Вол и пляшет,
Ногой машет,
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять,
Бух, бух, бух. (XXIII)

Семья ков выполняет крестьянскую работу:

Козел муку мелет,
Коза подсыпает,
А маленьки козяточки
В амбарах гуляют.

Небыличка, где действующими лицами являются насекомые: тараканы, комар, вошь, блоха. Это уже целая бытовая картинка:

Таракан дрова рубил,
Комар по воду ходил,
В грязи ноги завязал.
Блоха поднимала —
Живот надорвала.
Вошка баню топила,
Гнидка щелок варила,
Вошка париться ходила,
Со утругу-то упала
На лохань ребром попала,
Слава богу околела,
Всему миру надоела. (LXXXV)

Приведем еще одну очень распространенную небылицу:

Где это видано,
Где это слышано,
Чтоб курочка бычка родила,
Поросянок лачко снес,
Безрукий-то клеть обокрал,
Нагому за пазуху наклам,
Безногий вирипрыжку побегал. (I)

Вся небылица состоит из наглядных несообразностей.

В перевертышах происходит перестановка объекта действия или же признаков, характеризующих разные предметы. Иногда эта словесная забава „принимает характер игры в обмолвку“ (VIII). Перевертыши бывают различные по форме; иногда это коротенькая прибаутка:

Эх сапоги у меня на вате
А поддевка на скрипах.

Да я на пегой на телеге
На сосновой лошади. (CXXII)

Чаще это целая песенка:

Лыко мужиком подпоясано
Ехала деревня середь мужика,
Глядь из-под собаки лают ворота;
Ворота-то пестры, собака-то нова.
Мужик схватил собаку
И давай бить палку.
Собака амбар-то поджала
Да в хвост и убежала.
Изба пришла в мужика
Там квашня бабу месит. (XXIII)

Те же перевертыши и в форме рассказов:

Я встал поутру, обулся на босу ногу, топор надел, трое лыж за пояс подоткнул, дубинкою подпоясаясь, кушаком подпирался. Шел я не путем не дорогою; подле лыков горы драл; пошел я в чисто поле, увидел: под дубом корова бабу доит. Я говорю: „Тетенька, маминька, дай мне полтора молока пресного кувшина“. Она не дала. Я вышел на улицу: тут лайка собачит (вм. собака лает) на меня; мне чем обороняться? Я увидел на санях дорога, выхватил из оглобеля сани, хамсть лайку и пошел домой. (LXXX)

В детском фольклоре мы находим и большие песни, преимущественно о животных; их не так много, но некоторые встречаются во многих вариантах. Наиболее распространенные из них следующие: „Козел“, „Сва-товство совы“, „Война грибов“, „Чечотка“, „Смерть и похороны комара“, „Поедем-ко женушка домик наживать“, „Жил я у попа“. Эти песни Шейн называет сатирическими и скоморошными. „Почти все они, — говорит он, — отличаются явным сатирическим характером, смысл и цель которого с течением времени сгладилась, вследствие чего они в значительной степени потеряли совершенно интерес в среде народа, для людей старших поколений. Но, благодаря обилию в этих песнях аллитераций, тавтологий и рифмы, а равно легкости для запоминания их несложных музыкальных мотивов, они, так сказать, сами напросились своими неоцененными услугами матерям, нянькам, пестуньям, для которых они являлись самыми желанными, самым удобным и подходящим средством

занимать и забавлять приятным образом своих и чужих малюток. Эти малютки, выросши и возросши до отроческих лет, сами с удовольствием начинают употреблять эти самые песенки и прибаутки" (I). Однако, как мы говорили уже об этом выше, Шейн, поместивший эти песни в первом своем собрании „Русских народных песен“ в детский отдел, в „Великоруссе“ перенес их в отдел юмористических песен для взрослых. Мы уже высказывали свою точку зрения на эту группировку, которую считаем неправильной, ибо характеристика этих песен, сделанная Шейном и приведенная нами выше, дает им право занять место в детском отделе. Шейн мотивирует это перемещение тем, что по ним мы не можем изучать „язык, быт и психическую жизнь крестьянского ребенка“. Быт и язык детей, действительно, мы не можем изучать на этих песнях, созданных взрослыми, но в детский репертуар потому-то они и перешли, что отвечают запросам, вкусам и настроениям детей, т. е. их психике.

Среди больших песен в первую очередь укажем на очень распространенную у великоруссов, белоруссов и украинцев песню о „козле“; вариантов ее много, содержание в том, что любимый бабушкин козлик отправляется в лес погулять, а там его растерзали волки. Профессор В. Н. Перевцов указывает на прототип этой песенки в сборнике польских песен Гинтовта и Рудницкого, относящегося к 1713 г. (рукопись Публичной библиотеки) (LXXXVI).

Самый элементарный вариант этой песенки хорошо известен детям всех социальных слоев:

Жила-была у бабушки серенький козлик,
Бабушка козлика очень любила.
Видумалось козлику в лес погулять,
Напал на козлика серые волки,
Остались от козлика рожки да ножки.

После каждой строки припев „Вот как, вот как“ и повторение последних двух слов. Этот элементарный текст развивается в большую сложную песню с приклю-

чениями и встречами козлика. Бабушкин козел похваляется:

Семь волков убить
Бабе шубу шить.

Козел оказывается трусом и при встрече с зайнякой и лисанькой спрашивает:

Ты не смерть ли моя,
Ты не съешь ли меня?

На это ему животные отвечают:

Я не смерть твоя,
Я не съем тебя.
Уж я зайка,
Уж я беленькой.

Затем козел встречает восемь волков, они нападают на него, а бабушка находит только печальные остатки и устраивает поминки по нем. Есть вариант и с благополучным концом, козел возвращается невредимым домой:

Ах ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отворяй-ко ворота,
Принимай-ко козла.

Песня эта давно попала в детскую книгу и широко использована для разных целей, она дает материал для подвижных детских игр с пением для маленьких. Песня эта обработана в пьесе для детского театра и для театра Петрушки. Из всех больших песен она по форме и содержанию как-то особенно близка детям, чем и объясняется ее популярность среди них.

Следующая по количеству вариантов песня о „Свадьбе и свадьбе совы“, действуют в ней птицы. Сатирический характер этой песни яснее чувствуется. Метки характеристики птиц, которых предлагают снегирию в жены:

Взял бы я галку — косолапая она.
Взял бы я порону — черномазая она.
Взял бы я ласточку — вертялая она.
Взял бы я кукушку — токсилвая она и т. д.

Много бытовых подробностей. Вот как жених спрашивает свою невесту:

Умеешь ли ты, совонышка, прясть, ткать?
Умеешь ли пашеньку пахать?

В сборниках среди сказок (у Афанасьева и других) помещается песня „Война грибов“:

Заводилась война
Среди белого дня.
Уж как начато палить,
Только дым пошел валить.
Как сказали на войну
Всему нашему селу,
Пораздумал белый гриб —
Всем грибам полковник,
Под дубочком сидючи,
На грибочки глядючи.

Он обращается к разным грибам, но все отказываются идти на войну: рыжики говорят:

Мы богаты мужики,
Не повинны во полки.

опенки говорят:

У нас ноги очень тонки
Нейдем мы на войну и т. д.

Соглашаются, наконец, грузди:

Ну, ребятюшки, мы дружны,
Подавайте сабли, ружья,
Мы вступники селу,
Мы идем на войну. (XIX)

Эта детская песенка-сказка была в свое время песней сатирической, сложенная во время Пугачева, она высмеивала тех, кто отказывался идти сражаться против него (I, 812).

Песни „Будем-ка, женушка, домик наживать“ и „Жил у попа“ по форме кумулятивные, привлекают детей обилием звукоподражаний и названий, характеризующих

животных. В первой песне перечисляются животные, купленные для хозяйства, во второй — животные, подаренные паном работнику за его службу.

Вот как характеризуются животные:

А телница — хвастуница,
Мой баран матер-пестер
Козинька белая-руса,
Свинюшка пестра-ряба,
Моя утка — поповутка,
Моя гуска — водолюска и т. д.

А вот звукоподражание:

Козинька — меке-кеке,
Барашек — бя-бя, бя-бя,
Свинюшка — рюхи, рюхи,
Индюшка — шулды-булды,
Гусынька — га-га-гага и т. д.

Мы говорили только о самых распространенных среди детей песнях и наиболее любимых ими, но кроме них в нашем собрании есть и другие, но в значительно меньшем количестве вариантов.

ГЛАВА X.

ДРАЗНИЛКИ. ПОДДЕВКИ. ОСТРОТЫ.

ЕДВА ли в детском фольклоре есть более обширный отдел словесного творчества, чем тот, который содержит песенки и прибаутки, имеющие назначение поддразнить, поиздеваться, посмеяться над другими — над их именами, внешностью, национальностью, профессией и т. д. Песенки эти иногда бывают невинного характера, в них выявляется естественное у детей, как и у взрослых, желание посмеяться, сострить, но очень часто они имеют и определенную цель — обидеть и поиздеваться над избранной жертвой. В этом жанре детского фольклора проявляется много юмору и остроумия. Г. С. Виноградов все разновидности произведений такого рода называет „детской сатирической лирикой“, название, как нам кажется, не вполне удачное и только отчасти характеризующее этот жанр детского фольклора. Шейн таким образом определяет его, не давая ему никакого названия: „Прибаутки, которыми шаловливые ребяташки потешаются друг над дружкой и над взрослыми, издеваясь то над их именами от крещения, над их сословными и даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности, и т. п., часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы“. Во многих местностях мы встречаем название дразнилки, а Г. С. Виноградов называет их издевками. Мы будем придерживаться этих терминов, метко характеризующих этот жанр. Кроме дразнилок, или издевок, Г. С. Виноградов выделяет еще один вид

осмеяния, который он называет поддевкой, пользуясь встречающимся иногда народным названием такого рода словесных произведений; поддевки, не задевая личности, играют на догадливости, стремясь „поддеть“, поставить в смешное положение собеседника. К этому же отделу нужно отнести и разные детские остроуты.

Перейдем теперь к характеристике наиболее распространенных текстов каждой группы. Дразнилкам посвящена единственная в своем роде, очень ценная работа Г. С. Виноградова „Детская сатирическая лирика“, о которой мы уже не раз упоминали.

Разные виды словесного творчества бытуют в определенных условиях и „призваны исполнять то или иное, только ему данное назначение“. В детской жизни, где всякие пререкания и ссоры постоянно разгораются, они очень часто дают повод к дразнилкам, направленным на противников. Приведем картинку детской ссоры, очевидно срисованную с натуры, из книжки Г. С. Виноградова.

„Ссора у детей — дело почти повседневно. Достаточно возникнуть недоразумению в игре, чтобы одна группа открыла действие против другой, в один момент превращающейся во враждебный лагерь.

„Сначала обмениваются колкими, обидными словечками: — А схлюндил, схлюндил. Хлюнды! хлюнды! Да вы чё?! Ить это ваша сбрендил... Перво от Федьки закричал што...

„— Конечно, Федька! Конечно, Федька — наперебой поддерживают свои.

„— У ты, Федя-медя!

И дело загорелось, все в голос закричали, запели:

Федя-медя
Съел медведя,
Упал в яму,
Кричал маму.

„Федька, чтобы отвести от себя не совсем приятное общее внимание, улучшает момент и пускает ответную

стрелу, отравленную обыкновенно не менее сильным ядом, в мишень враждебного лагеря:

Иван-болван
С колокольни упал.

Если Федька пользуется расположением товарищей, они спешат поддержать его, и уж не один он, а целый — нестройный, но громкоголосый хор вместе с ним продолжает начатый ответ:

Янчко снес,
На базар понес:
На базаре не берут
Ваньку за уши тянут. (VI, 7)

Затем следуют песни, обращенные на других, и т. д., пока не истощится у детей запас готовых и вновь родившихся издевочных формул.

Вместе с готовыми традиционными дразнилками появляются новые к случаю и поводу, в которых выявляется творческая личность.

„Едва ли встретится какой-нибудь приметный случай, подходящий повод, который затруднит найти бойкое словцо, легкую рифму, вряд ли выищется интересное ребятам событие дня, отражения которого не нашлось бы в готовой песенной форме или не родилась бы новая“. Так мальчугану, упомянувшему, что к обеду дают щи с картошкой, дают прозвище „пищик-картошки“, приехавшего из Псковской губернии прозывают „скопской“ и „скоподыр“. Мальчика, который мечтал сделаться капитаном, дразнили:

Палеган, палеган,
Аржана лепешка.
Капитан, капитан,
Рваные штанишки. (VI, № 74)

Девочку — любительницу кошек, прозвали „Кошкина мать“, а к этому прозвищу присоединили строки из известной песни:

Кошкина мать
Собиралась умирать,
Умереть не умерла —
Только время провела. (VI, № 94)

Так импровизируются дразнилки, — и такую импровизацию можно наблюдать среди детей во всех социальных группах и в городе и в деревне.

Если импровизация „хороша, складна, подходяща, т. е. отвечает общей потребности заинтересованной группы“, то она сохраняется, переходя от одних к другим.

В нашем материале больше 1000 всевозможных дразнилок. Больше половины из них падает на имена, затем на внешность, занятия, национальность и очень немного на душевные качества. Поддевок и острот у нас не много. Это объясняется тем, что подобные записи могут быть сделаны только при длительном и близком наблюдении детской жизни; такой материал может быть получен от лиц, живущих в непосредственной близости с детьми, знакомых с бытом и средой, а кроме того умеющих уловить и почувствовать все своеобразие детского языка и творчества.

Больше всего, как мы говорили, дразнилок на имена, — на имена мужские значительно больше, чем на женские. Из мужских имен чаще всего в дразнилках встречаются: Иван, Егор, Николай, Алексей, а из женских — Катерина и Дуня.

В развитии дразнилок можно отметить следующие стадии. Рифмованная прикладка имени: Андрей — воробей, „Антошка — недопечена картошка“, „Фома — большая крома“, „Мишка — еловая шишка“, „Егор — без обор“, „Маша — каша“, „Зинка — корзинка“. Рифмованная прикладка развивается в двуступенчатую:

Николай-Николай,
Толоконце подвй.

Мишка-кубышка,
Около уха шишка.

Затем трех и четырехстишия:

Иван-балабан
С колоколни упал,
Три года катился
И то не убился. (LXXX)

Иногда дразнилка развивается в целую песенку:

Гриша, Гриша,
Сидел бы ты дома,
Точил бы веретена,
У тебя жена-то пряха,
По ниточке пряла,
Корову купила,
Корова-то с кошку
Надоила с ложку,
Корова-то пропала —
Кузьму поклепали. (LXI)

Приведенная дразнилка, как и многие другие, заимствована детьми у взрослых — содержание таких дразнилок часто выходит из круга детских интересов, большинство же всецело детского содержания. Таковы, например:

Плакса-Олекса,
Удой молочка
Из подойничка. (XXIX)

Вася, Васенок
Худой поросенок,
Завяз в траву —
Кричит: „мяу,
Не вылезу“. (XXIV)

Есть дразнилки, прилагаемые к разным именам:

Васька-Васю,
Полезай на сук,
Там кошку дерут,
Тебе лашку дадут. (LXXIII)

Эта дразнилка прилагается к Ивану, Петру и другим именам.

Попадают дразнилки на всю семью:

Сидор баню продаст,
Сидориха не дает,
Сидорята верещат —
Под угор баню тащат. (L)

Поводом к созданию дразнилки к имени служит иногда внешность, воспроизводится утрированный портрет:

Анна — балаба,
Голова — словянина,
Нос крючком,
Ротик ящичком. (L)

Или же это дразнилка-посрамление, как называет ее Г. С. Виноградов, за трусость, воровство, неряшество и другие недостатки, вызывающие осуждение в детской среде:

Гришка, Гришка,
Украл топоринку,
Побег к брату —
Украл хату.
Побег к отцу —
Украл овцу. (XXV)

но больше всего в дразнилках нашли отображение разные частные случаи:

У нашего Мокея
Было шесть лакеев,
А ныне Мокей
Сделался сам лакей. (I)

От дразнилок на имена перейдем к традиционным формулам осмеяния разных физических недостатков и вообще внешности. Высокий, малорослый, косой, хромой, толстый, худой, рыжий, плешивый, заика — все эти недостатки вызывают в соответствующих случаях драз-

нилки. Много дразнилок относится к рыжим. Часто встречается в записях устойчивая по тексту песенка:

Рыжий красного спросил:
„Где ты бороду красил?“
— Я не краской,
Не замазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал. (I)

Есть еще двустипные, относящиеся к рыжим:

Рыжий — красный,
Человек опасный. (LXXX)

Дразнилки с моральным уклоном подвергают осмеянию воровство:

Воробей-воришко
Залез в амбаришко
Клевать просо
Своим носом. (II)

Подсмеиваются над напыщенными и гордыми:

Фу-ты, ну-ты
Сани гнуты,
Руки в боки,
Глаза в потолок... (LXXXVII)

Много дразнилок на обжор:

Требухан, требухан
Съел корову да быка
Пятьдесят поросят,
Десяносто утят. (XXIII)

Ребята не любят, когда их дразнят женихом и невестой. Такое поддразнивание производится хором и часто доводит до слез тех, на кого оно направлено. Для этой цели существуют особые песенки:

Тили, тили тилишок,
Иванушка женишок
Тили, тили тесто,
Машенька невеста. (XXIV)

Поддразнивание лиц другой национальности — явление особенно распространенное в местностях с разным

населением. Больше всего дразнилок на татар и немцев, затем на цыган, молдован, малоруссов и других народов. Татар дразнят:

Татар - якиш
Купи лаппи,
Купи вина —
Напой меня. (XXIII)

Цыган:

Цыган поменяй,
Моя лошадь без хвоста,
Что ни день — то верста. (XXIII)

Прозвища и прибаутки по местностям, столь распространенные среди взрослого населения, в детском фольклоре почти не встречаются. Много дразнилок на занятия и профессии, тут достается всем: и сапожнику, и портному, и мяснику, и мельнику. Многочисленны также прозвища-прикладки для лиц разных профессий: столяр — „сосногрыз“, лакей — „лизоблюд“, паны — „на двоих штаны“, баре — „по грошу пара“, маляр — „мазун-повозун“ и т. д.

Сапожников дразнят:

Сапожники-безбожники
Сидят у кабака
Оборваны, обшарпаны,
С бутылкою в руке. (LXIV)

Портных:

Портной-швец,
Не хочешь ли щец?
Портной-портняжка,
Не хочешь ли кашки? (LXXXVIII)

Очень многочисленны дразнилки, относящиеся к духовенству. О них говорят:

У попов глаза закидудные,
Руки загребудные.

По Псковской улице
Едет поп на курице,
Попадья на петухе,
Попаденок на свинье. (LXXXVII)

В Томской губернии, в Каинском уезде, дети православных, или „мирских“, препираются с детьми старообрядцев, или „кержаков“, в случае ссоры, следующим образом: „Ты кержак-лешак“ — А ты миршина. — „На том свете тебя посадят на вершину“ (LXXXVI).

Поддевки, по терминологии Г. С. Виноградова, представляют одну из разновидностей произведений детского творчества для осмеяния. Один из детей, шутки ради, чтобы посмеяться, „поддевает“ своего собеседника и ставит его в смешное положение, „поддетый“ может оказаться преимущественно неопытным новичком, не знающим этой шутки.

„Федя, скажи поп“.

— А че?

Ну, скажу: поп.

„Твой отец клоп“.

„Сто да сто—сколько?“

— Двести.

„Сиди дурак на месте“. (VI, 22)

Иногда поддевки сопровождаются действиями. Один мальчуган схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает:

„Дуб или вяз?“

— Дуб.

„Тяни до губ“.

После этого ответа вопрошающий тянет нос книзу, в случае же ответа: „до глаз“ — кверху.

„Витька, у тебя под ногами мох!“ Витька смотрит себе в ноги. Ему говорят: „Не кланяйся, я не бог“ (VI, 23).

Одну из разновидностей поддевок Г. С. Виноградов называет поддевками-заманками. Одно лицо направляет разговор, другому остается пассивная роль, повторяющему условленную фразу или слово.

Один мальчик обещает другому что-то рассказать, но с условием, чтобы тот на все, что он будет говорить, отвечал: „и я“.

„Я пойду в лес“.

— И я.

„Я срублю дерево“.

— И я.

„Я вырублю колоду“.

— И я.

„Я замешу свиньям“.

— И я.

„Они будут есть“.

— И я.

Говори за мною „как“.

„Пошла баба в кабак“

— Как

„Нализалась пьяная“

— Как.

„Пришла домой“

— Как.

„Мужик стал ее бить“

— Как.

„А вот так“.

(Следует удар в спину.)

Приведем для параллели совершенно сходную с вышеприведенной немецкую поддевку.

Ich bin in den Walde gegangen.

— Ich auch.

Ich nehme ein Axt mit.

— Ich auch.

Ich hau ein Eiche ab.

— Ich auch.

Ich mach einem Sautrog draus.

— Ich auch.

Es fressen sieben Säue draus.

— Ich auch.

(„Я пошел в лес“. — И я. — „Я ваял с собой топор“. — И я. — „Я срубил дуб“. — И я. — „Я сделал из него свинье корыто“. — И я. — „Семь свиней стали есть из него“. — И я.) (XII)

Остроты, стихи и присловия произносятся детьми в известных случаях или как ответы на вопросы

или же рифмуются с разными, произносимыми случайно словами.

Так, в Казанской губернии, если кому-нибудь из ребят, не умеющему читать, попадается исписанная бумажка, он делает вид, что читает и говорит:

Писано-переписано,
После Ивана Денисова,
Поп писал Ермошко
Коротенька ножка. (XXIII)

Когда трое детей ложатся спать, то острят друг над другом так: первый, который лежит с краю, говорит:

А я лежу с краюшку
Во зеленом райошку,
А ты спишь в середках —
В дырчатых пеленках,
А он спит у стенки —
Гложет с квасу пенки.

Второй, также желая себя возвысить, а других уни-
зить, говорит:

А я сплю в середках —
В золотых пеленках.
А кто лежит с краюшку —
Упадет под лавочку,
А кто спит у стенки —
Гложет с квасу пенки.

Третий, лежащий у стенки, говорит:

А я сплю у стенки
Ем с сметаны пенки,
А кто спит в середках —
В дырчатых пеленках,
А кто лежит с краюшку —
Упадет под лавочку. (XXIII)

Остроты, рифмованные с разными вопросами:

— Ты чей? Ты откуда?
„Из зеленых луг
Ананьи внук,
Курицын племянник
Петухов сынок“ (XIX)

— Как тебя зовут?

„Зовут Зовуткой.
Величают Уткой“ (XIX)

— Кто?

„Дедушка Пыхто,
Да бабушка Някто. (LXXXVII)“

Остроты, рифмованные с разными приветствиями и другими обращениями:

„Прощай!“

— Прости прощай,

Нас век не знай. (XIX)

„Благодарю!“

— Благодарю пономарю,
Что во все позвонил. (XIX)

„Врешь!“

— Раскуси татарску вошь. (LXXXVII)

Приведенными примерами далеко не исчерпывается все разновидности этого богатого и интересного жанра детского фольклора.

ГЛАВА XI. СЧИТАЛКИ.

В ДЕТСКИХ общественных играх для установления очереди и выбора лиц, исполняющих ту или иную роль в игре, употребляется жеребьевка. Формы жеребьевок бывают самые разнообразные, но одна из наиболее употребительных при играх детей у всех народов — это посредством особенных рифмованных стишков, которые Шейн называет жеребьевыми прибаутками, но за которыми установилось прочно название считалки.¹ Обычно жеребьевка посредством считалок совершается следующим образом: участвующие в игре дети становятся в круг или в ряд, один из детей становится в середину и произносит, скандируя, считалку, дотрагиваясь рукой по очереди до участвующих в игре при каждом слове или ударяемом слоге; тот, на кого упал последний слог или слово, считается выбывшим — освобожденным от жребия; постепенно выбывают и другие, кто вышел последним — считается выбранным. В зависимости от условий игры выбирается иногда и первый выбывший.

Характерными и присущими только этой группе детского фольклора сторонами является наличие во многих считалках счета и обилие заумного элемента.

Счет встречается в разных формах, иногда он проходит через всю считалку: одно или два числа рифмуется с отдельными словами или предложениями.

¹ Этот термин близок к английскому „Counting-out rhymes“ и немецкому „Auszählreime“ — названиям, указывающим на элемент счета в этом виде детского фольклора.

Раз, два,
Голова;
Три, четыре,
Прицепили;
Пять, шесть,
Сено везть;
Семь, восемь,
Сено косить;
Девять, десять,
Деньги весить;
Одиннадцать, двенадцать,
На улице бранятся,
В избе ссорятся. (XLIX)

Такого же рода английская считалка:

One, two — buckle my shoes.
Thru, four — open the door.
Five, six — pick up sticks.
Seven, eight — lay the straight.
Nine, ten — a good fat hen.
Eleven twelve — I hope you' re well. (LVI)

Другие считалки начинаются строкой со счетом до четырех или пяти:

Раз, два, три, четыре,
Жили мышки на квартире.
К ним повадился сам друг
Крестовик — большой паук.
Пять, шесть, семь, восемь,
Паука мы попросим:
„Ты обжора не ходи“.
Ну-ка, Мишенька, води. (CXXII)

Также начинаются известные считалки: „Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять“ и „Раз, два, три, четыре, меня грамоте учили“.

Приведем немецкую считалку с таким же началом:

Eins, zwei, drei, vier,
Auf dem Klavier
Steth ein glas Bier,
Steth ein glas Wein,
Denn du sollst es sein. (XLI)

Некоторые считалки заканчиваются вопросом, на который вышедший должен ответить произвольным числом, после чего отсчитывается по порядку соответствующее число детей, последний выходит.

Ехал мужик по дороге,
Сломал колесо на пороге,
Сколько нужно гвоздей?
Говори поскорей. (СХХІІІ)

За стеклянными дверями
Сидит попка с пирогами
Скажи попочка-дружок,
Сколько стоит пирожок! (СХХІІІ)

В названиях чисел, которые встречаются в считалках, сказывается общая тенденция к заумным словообразованиям: „Первинчики, другинчики“, „Перводан, другодан, на четыре угадал“, „Пирвошка, другошка“, „Рази, двази, тризи“, „Одиян, другиян“ и т. д.

Английские исследователи детского фольклора на основании изучения обширного материала английского и других народов приходят к заключению, что числовые песенки отразили на себе те ступени, которые прошло человечество, учась счету (СХХІ).

Мы говорили уже о „заумности“, как одной из характерных сторон считалок. Но значительное число считалок осмыслено по содержанию, среди них попадаются обычные песенки и прибаутки, употребляющиеся как считалки.

Большой популярностью пользуется среди детей считалка в диалогической форме:

„Заяц белый (заяц, месяц),
Где ты был?“
— В лесу.
„Что делал?“
— Лыжи драл.
„Куда клал?“
— Под колоду.
„Кто брал?“
— Родивон.
„Поди вон!“ (I)

Та же считалка встречается и без вопросов, но реже:

Месля-заяц
Вырвал травку,
Положил на лавку,
Кто возьмет —
Вон пойдет. (ХІХ)

Другая считалка с устойчивым текстом, также пользующаяся большой популярностью среди детей:

Катилось яблочко
Вокруг огорода,
Кто его поднял,
Тот воевода —
Воеводи сын. (LXX)

Есть содержание и в следующей считалке:

Ехал Ваня из Казани,
Полтора рубля сани,
Двадцать пять рублей дуга.
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету —
Я в ней сяду и поеду. (LXVIII)

Другой вид считалок, в которых нет единого содержания, но есть отдельные мало связанные между собой образы. По количеству вариантов первое место занимают среди них „Первинчики-другинчики“ и „Перводан, другодан“.

Первинчики-другинчики,
Летали голубенчики
По божьей росе
По поповой полосе.
Там голики, орешки.
Медок сахарок —
Поди вон, королек. (V)

Перводан-
Другодан,
На четыре угадал,
Пономарь ладья,

Голубина ножка,
Прело, горело,
За море летело,
За морем церковь,
Село Куликово. (XXIV)

В вышеприведенных считалках — отдельные предложения и сохраняется связь между словами, другой же вид считалок состоит из осмысленных слов, но ничем не связанных между собой, кроме соввучия.

Коротенькие считалки, повсеместно распространенные:

Стакан	Соломино	Свистень
Лимон	Оломино	Перстень
Выйди вон.	Агашка	Колокол.
	Тетерка	Палка
	Сокол	Жужжалка
	Птица	Солянка
	Помел	Сокол
	Вышел. (XIX)	Полетай. (XXVII)

Заумный элемент вкрапливается в большинство считалок, и, как мы указывали выше, считалки имеют тенденцию и обычным словам придавать заумную форму, но есть считалки сплошь заумного характера.

В них нет понятийного смысла, весь интерес в звуковой стороне слов, в считалках как бы обнажается фонетическая сторона слова, давая детям удовлетворение необычайными звуко сочетаниями. Не раз указывалось на сходство считалок с „заумной поэзией“ футуристов. Сходство это, однако, нельзя провести до конца, так как звуковая поэзия футуристов мало интересуется ритмом и сосредоточивает внимание на изобретении звуко сочетаний, единственный смысл которых в том, что до сих пор таковых в языке не наблюдалось. В считалках ритм играет важную роль — скандирование обуславливает правильность счета, и нарушение ритма является показателем неправильно веденной жеребьевки.

Приведем заумные считалки.

Неро	Эники-беники
Уго	Си колесо
Теро	Эники-беники
Пято	Кноп. (LXVIII)
Сото	Шидды
Иво	Бутылды
Сиво	Начеки
Дуб	Чекалды
Крест. (XXVII)	Шисел
	Вышел. (XIX)

Ана - дуна - жесь,
Кинда-ринда-реж,
Ана-дуна-раба
Кинда-ринда-жаба. (CXXXII)

Обер, бабер
Забер за
Обер-бабер
Туд (LXXX)

В заумных считалках попадают слова, не понятные для произносящих, но интересные по звучанию, среди них есть не мало иностранных слов. Интересна следующая считалка:

Анки-дранки
Ликоток
Фуфди-граци
Грамамок.
Азинота
Кисловрота
Шара-вара
Дух — вон!

Азот и кислород являются в виде заумных слов. Считалки незнакомого языка перенимаются, искажаются и оказывают влияние при создании новых считалок. Иногда этот процесс можно проследить. Так, Цейтлин записал в Архангельской губернии следующую считалку:

Едидл	Вочу
Брендил	Видишь
Цюп	Корешь
А цендиль	Гвая.
Агу	

Эту же считалку, с небольшими отступлениями, он слышал от еврейских детей в г. Орше Могилевской губернии — это была еврейская считалка, имевшая известный смысл. Читалась она следующим образом:

Елал	Кап
Бейял	Рака
Цуп	Журеман
А денцель	Капитан.
Аре	Помергол
Баре	Путерклац. (LXXXIX)

Занесенная кем-нибудь в Поморье, она привлекла детей своими необыкновенными для них словами.

В детстве, оно прошло у меня в Тифлисе, во время игры мы, дети, употребляли грузинскую считалку, которую я помню до сих пор, но смысл которой мне и поныне неизвестен:

Ата-ты	Битам бури
Бата-ты	Бамбукери
Самам шури	Ворантыс.
Самшураки	

В считалке, записанной в Котельничском уезде Вятской губернии в 1927 г., мы находим повидимому искаженную грузинскую считалку:

Атум-батум
Гуманчи
Чумчумум атамбух
Бамбахира вом таз
На горе вечерний час.

Вспомним считалку, варианты которой записаны в Тверской, Псковской, Новгородской губерниях:

Аты-баты
Шли солдаты
Аты-баты
На бавар

Аты баты
Что купили
Аты баты
Самовар.

Мы привели типичные для каждого вида считалок примеры, в некоторых считалках встречаются все эти элементы и в соединении:

Чиккулай в Москве
На Михайловке
Чикку-чикку-чикку
Чикку-чикку-блин!
Эйи цвейи дрейи
Лидэ, лидэ лей!
Оком боком
Недалеком
Тик!

Не останавливаясь на формальной стороне считалок, одного из наиболее интересных в этом отношении видов детского фольклора, мы отметим только заключительные формы. Они находятся часто в связи с задачей считалки — вывести играющего из жеребьевки: „поди вон“; для рифмы вводится постоянно: „Родион, поди вон“ или „шишел вышел, вон пошел“ „поди вон королек“. Иногда это короткое звукоподражание: „тук!“ „кук!“ „блик!“ „хруп!“. Иногда заключительные слова представляют обращение к вышедшему: „Ну-ка, Мишенька, води!“ „Тебе, Ваничка, водить“ и т. д. В считалках среди набора слов без смысла повторяются иногда одни и те же слова и выражения: „крест“, „дьякон пишет черным углем“, „осиново полено горело, куда полетело“, „чет, нечет, дакинь выкинь“. Г. Потанин ставит их в связь с разными способами счета и жеребьевки, употреблявшимися прежде. Слово „крест“, которым часто кончается считалка, объясняется тем крестом, который ставится на бирках после десяти отметок.

Считалки широко распространены среди детей всех социальных слоев городских и крестьянских. Некоторые

считалки носят отпечаток городского происхождения, такова считалка, особенно любимая девочками, но постоянно встречающаяся и в записях, сделанных среди крестьянских детей:

В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружево, ботинки,
Что угодно для души.

Несомненно есть считалки и книжного происхождения, к ним принадлежит очень популярная среди всех детей города и деревни:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять.
Вот охотник выбегает —
Прямо в зайчика стреляет:
Пиф, паф! ой ой ой!
Умирает зайчик мой.

Некоторые считалки связаны с определенными играми, употребление их считается обязательным для распределения ролей в игре. Так, в Порховском уезде Псковской губернии при игре в „Лису“ говорится следующая считалка:

Пиврашка, другашка
Трощка, вольшка,
Тядун, лядун.
Токан, рохан,
Диконь, выконь. (I, № 284)

Считалка:

Чйчер йчер
Шйшел вышел
Родивон
Подй вон
За вином
С кувшином. (XIX)

выводит из игры сразу тронх, тех, на кого падают слова: „вышел“, „вон“ и „с кувшином“.

Кроме считалок есть еще другой словесный способ угадов или жеребьевок, по терминологии Г. С. Вино-

градова. Он употребляется тогда, когда детям нужно разделить на две партии, например при игре в мяч. Выбрав двух вожаков, остальные дети делятся на пары, каждая пара подходит к вожакам и спрашивает:

Что тебе надо — сено косить или дрова рубить?

Коня вороного или седла золотого?

На печке заблудился или в ложке утонул?

Тес ломать или деньги воровать?

Смотря, что выберет вожак, играющие отходят в ту или другую сторону (LXXXVII).

Считалки один из самых богатых и интересных видов детского фольклора, яркостью, своеобразием форм выделяющемся среди других видов устного творчества. Наш поневоле краткий обзор отметил только наиболее характерные явления и группы считалок, материал этот заслуживает специального углубленного и всестороннего исследования.¹

¹ Над считалками работает Г. С. Виноградов, и будем надеяться на скорое появление его книги о считалках.

ГЛАВА XII.

ИГРЫ.

Из всех видов детского фольклора игры привлекли к себе больше всего внимания как этнографов, так и педологов. Детские игры отражают национальные особенности культуры и быта, отражают среду и сохраняют много культурных пережитков — все это дает им право на большое внимание со стороны этнографов. Не менее важно изучение детских игр и с педологической точки зрения. „В то время как у нас, взрослых, игра в общем представляет собой только побочное явление, отступающее на задний план перед серьезной жизненной борьбой, у ребенка она составляет главное содержание его жизни.

„Пока в детскую жизнь не врывается с присущей ему принудительностью воспитание, дети заняты главным образом игрой. Если откинуть общие жизненные отправления, как еда, питье и сон, то мы у нормального, предоставленного самому себе ребенка не находим почти ничего, кроме игры“ (ХСІ, 57). Такое большое место игры в жизни детей давно уже обратило внимание исследователей детского возраста, игры изучались, и строились разные теории о значении их в развитии детской личности. Наиболее значительной является теория Карла Гросса, выдвигающего значение игры как стимула развития. Игра — это подготовительное упражнение к настоящей жизни. Большая часть унаследованных инстинктов у человека и высших животных, при появлении их на свет, недостаточно развита и не в состоянии выполнять свое

назначение. Эти инстинкты должны быть непременно упражняемы и дополняемы новыми приобретениями. Игры, согласно теории Гросса, предназначены для этой цели, и служат для упражнения какой-нибудь физической или душевной функции.

Важно и прикладное значение изучения народных детских игр, оно дает возможность сделать выбор материала для педагогических целей.

Игры детей разных народов очень сходны между собой. Игры с игрушками: волчками, куклами, мячиком, веревочкой и т. д., имеются у разных народов. Такое же сходство наблюдается и в темах игр-импровизаций — везде дети играют в разбойников, охотников, солдат, а девочки в семью и т. п. Игры, которые ведутся по известным правилам и вылились в определенные формы, также сходны между собой.

Возьмем, например, известную игру в „Волка и гусей“. Избирается матка, волк, остальные дети изображают гусей. Гуси отправляются в поле, мать зовет их домой: „Гуси домой!“ Гуси: „Зачем?“ Мать: „Волк под горой“. Гуси: „Что он делает?“ Мать: „Гуску шипет“. Гуси: „Какую?“ Мать: „Серую, белую, волосатую. Бегите домой!“ Гуси бегут, волк ловит их.

Немецкая игра „Der böse Wolf“ („Злой волк“) разыгрывается так же, но вместо матери — пастух, вместо гусей — овцы. Между пастухом и овцами ведется следующий диалог:

Пастух: „Овечки, овечки, домой!“

Овцы: — Мы не смеем.

Пастух: „Почему?“

Овцы: — Здесь волк.

Пастух: „А что он хочет есть?“

Овцы: — Мясо.

Пастух: „А что он хочет пить?“

Овцы: — Кровь.

Пастух: „Овечки, овечки, бегите домой“.

Возьмем другую игру „Короли“, — дети делятся на две партии:

1-я партия: „Что нейдешь? Что нейдешь?“

2-я партия: — Бокмел, боимся.

1-я: „Кого вы боитесь?“

2-я: — Короля, короля.

1-я: „Дома нет, дома нет...“ и т. д.

Затем двое детей устраивают, взявшись за руки, ворота, остальные дети проходят под этими воротами, последнего задерживают. Игра продолжается, пока не задержат всех. Во время прохождения ворот дети поют:

У нашего короля

Дома нету никого,

Ни сына, ни его... и т. д. (XXVII)

Эта игра в Германии называется „Der schwarze Mann“ („Черный человек“), такая же игра существует у японских детей под названием „Онигокко“. В ней роль „короля“ и „черного человека“ играет „они“, т. е. чорт.

Вместе со сходством игр у разных народов ярко выступает и то различие, которое наложили на них национальные особенности и культурно-бытовые условия его жизни. В играх русских детей мы видим отражение земледельческой страны (лен, просо, мак, хмель), крестьянской работы и быта („Коршун“, „Утка“, игра в горшки и т. д.). В играх детей немецких, английских, французских отразился быт стран с более развитой городской культурой и ремесленной работой. Во многих играх имитируются движения ремесленников. Так, в английской игре „When I was a school girl“ („Когда я была школьницей“) воспроизводятся моряк, солдат, сапожник, портной и т. д.

Особенно ярко отражается быт в играх-импровизациях у народов менее культурных. Дети эскимосов забавляются тем, что стреляют из маленьких луков в цель, строят маленькие хижины из снега и льда. Австралийские дети делают себе маленькие бумеранги и копья и

играют в „похищение невесты“, так как обычай похищать себе жен из чужих племен до сих пор существует у некоторых австралийских племен. Киргизские дети — изображают конские бега.

В пределах одной и той же страны, в зависимости от местных условий, видоизменяется одна и та же игра и приобретает иногда совсем другой характер. Потанин рассказывает: „В деревнях около Никольска Вологодской губернии дети играют в „медведя“. Один из детей садится в отдалении от других, где растет трава. Это медведь. Остальные приближаются к нему и приговаривают:

Дедушка, медведушко!

Горошек воруюсь!

Тятеньке стаканчик!

Маменьке стаканчик!

А тебе ничего!

А в других местах это просто сборища ягод. Часть детей остается сидящими где-нибудь у лежащего бревна. Это деревня. Вдруг медведь рывкает, бросается на ягодо-собираательниц и одну из них ловит, тербит и валит на землю. Она лежит мертвая и растерзанная. Остальные бегут в деревню и рассказывают об ужасном событии. Здесь они получают совет, возвращаются в мнимый лес, подкрадываются к труп своей подруги, схватывают ее и бегут в деревню. Эта игра, характеризующая лесную жизнь здешних жителей, в последнее время, когда Никольский уезд обратился в ссыльную область и когда из острога бежали два арестанта, вдруг изменилась под впечатлением этого происшествия: вместо медведя в лесу сидит бродяга, который грабит и убивает девушек, собирающих ягоды. Это напоминает Сибирь, где дети играют в бродяг“ (LXXIII).

Группировка детских игр может быть сделана в различных разрезах. Наметим некоторые из них. Прежде всего игры одиночные и общественные. Одиночные игры

требуют объекта игры, т. е. игрушки или какого-либо другого предмета. Девочки играют с куклами, мальчики с палочкой, изображающей лошадь, на которую они садятся верхом, играют с мячиком, волчком и т. д. Мальчики берут палку и, стараясь удержать ее вертикально на пальцах, приговаривают:

Калечино, малечино,
Сколько часов
Осталось до вечера,
До зимнего?
Рав, два, три...

Считают до тех пор, пока не удастся удержать палку в равновесии.

В совместных или общественных играх объектом игры являются сами участники, такие игры требуют от всех соблюдения известных правил. Одиночные игры дают более широкий простор для проявления фантазии.

В играх выявляются интересы пола: есть игры, в которых играют только девочки или только мальчики. В играх подражательных выявляется сфера деятельности мужчины и женщины.

Игры крестьянских детей обуславливаются также сезоном — частью это вызывается естественными условиями, частью зависит от традиции. В „Детском народном календаре“ Г. С. Виноградова можно проследить смену сезонных народных детских игр. Игры комнатные — это игры зимние; игры с бегом, требующие большого пространства, проводятся в летнее и весеннее время.

Меняется характер детских игр и в зависимости от возраста. Для ребенка в первые годы его жизни товарищами по игре являются взрослые: мать, няня, бабушка и другие лица, забавляющие ребенка несложными потешками и играми с пальцами и руками; совместные игры начинаются позже, первоначально они носят неорганизованный беспорядочный характер; следующая стадия — когда в эту совместную беспорядочную возню вносятся

некоторый ритм и порядок. Возникают игры в роде хороводов, когда дети совершают движения ритмически и поют одно и то же. Высшую ступень составляют те игры, в которых между участвующими распределяются роли, и дети должны не только подражать один другому, как это делается в предыдущей стадии, но должны играть в пределах предоставленной им роли.

Гросс, согласно своей теории, разделяет игры на две категории: к первой принадлежат игры, имеющие целью упражнять общие процессы душевной жизни, ко второй — специальные функции.

К играм первой категории относятся:

1. Игры, упражняющие внешние чувства (сенсорные).
2. Игры двигательные (моторные).
3. Игры психические, они подразделяются на а) интеллектуальные и б) аффективные.

Ко второй категории игр, развивающих специальные функции, относятся:

1. Борьба телесная и умственная (всякие состязания умственные и физические);
2. Игра в охоту;
3. Игры подражательные, разделяются на общественные и семейные.

Покровский в своем известном труде о народных русских детских играх разделяет их на а) игры с игрушками (погремушки, волчок, тележки, лошади и т. д.), б) игры с движениями (бег, прыганье, вращательные движения), сюда же по признаку движения он относит и игры символические (разбойники, короли, гуси-лебеди, волк и др.), а также хороводные с пением (ден, метелица, зайка и др.) в) игры с различными орудиями (веревочкой, жгутом, мячиком, палками и т. д.), г) игры домашние и зимние.

Как видно из этого перечня, внимание Покровского обращено преимущественно на физические упраж-

нения, и его группировка исходит из той задачи, которую он поставил себе при изучении игр, т. е. значение их в воспитании преимущественно физическом. Игра как творчество мало его интересует; располагая огромным материалом и добросовестно воспроизводя его в своей книге, он мало останавливается на словесном творчестве детей, связанном с играми, и на элементах драмы в детских играх.

Переходим к обзору материала; наше главное внимание будет обращено на игры, связанные со словесным творчеством и содержащие элементы драмы. Эволюцию этих элементов мы постараемся проследить. Игр чисто физических мы будем касаться постольку, поскольку они содержат тот или другой элемент, т. е. словесное творчество и зачатки драмы.

Детские игры потому, вероятно, и привлекают к себе так много внимания, что в них творчество и личность ребенка выявляется многообразно и в разных направлениях. Жест и мимика, которые часто в детской игре бывают красноречивее слова, словесное творчество, песня и пляска — все эти элементы мы находим в играх в разных сочетаниях, а в более сложных и в соединении.

В первую очередь мы остановимся на играх формальных, как их определяет Г. С. Виноградов, т. е. играх традиционных, вылившихся в определенные формы, соединенные большей частью со словесными формулами, приговорами, прибаутками и песнями. Большая часть этих игр заимствована детьми у взрослых, одни представляют пережиток культовых обрядовых игр, связанных с сезоном, другие — хороводные игры, символизируют разные стороны быта или же жизнь природы и животных.

Во вторую очередь мы будем говорить об играх импровизациях, т. е. тех, в которых выявляется творчество детей. Они отражают разные стороны быта взрослого населения и все, что в том или ином виде

оставило след в детском внутреннем мире. Игры физические (бег, прыганье, состязанья в стойкости и ловкости), игры с приборами (мячиком, палками, веревочками) имеют в виду упражнение какой-нибудь части человеческого организма, но и в них вносится некоторый элемент символизма и словесного творчества. Мы убедимся в этом, если познакомимся с местными названиями этих игр: „Ласточка“, „Жук“, „Колесо“, „Мельница“, „Рыбка“, „Конь“, „Полотно“ и т. д. Эти названия даны по сходству в движениях с вышеупомянутыми предметами или животными. Некоторые несложные игры, соединенные с бегом, догонянием и прыжками, очень элементарно символизируют какую-нибудь работу или бытовое явление. Так, в игре „Смольники“ в Вятской губернии дети выбирают какую-нибудь яму, по жребию назначается тот, кто будет „смолить“ — стоять в яме. Остальные играющие, перебегая взад и вперед, изображают крадущих у смольника смолу, смольник старается поймать их, пойманный становится смольником (XXVII, 103).

К таким же играм принадлежит и хорошо известная игра в „Кошку и мышку“. Один из детей изображает кошку, другой мышку, остальные образуют круг, помогают мышке и стараются не пропустить кошку в круг. Игра эта имеется у многих народов, но под другими названиями: у грузин она называется „Медведь и человек“, у черемисов — „Дикие гуси“ (роль кошки играет ястреб), у калмыков — „Верблюд и верблюжонок“ (XXVII, 193).

Игры физические сопровождаются разными выкриками: „чураньем“ (чур-чур! чур меня! и т. п.) и прибаутками. Они произносятся в разные моменты игры и регулируют направление её, иногда выкрики эти заключают правила игры, иногда же это просто песенки, их ритм придает известную гармонию движениям игры, есть игры с небольшими диалогами, большей частью в начале игры.

„Палочка-выручалочка“ („Палочка-воровочка“), игра, очень распространенная среди детей, — разновидность игры в прятки. Овладевший палочкой, вожак или кто-нибудь из играющих, произносит приговорку и дает этим знать о себе спрятавшимся. В Олонецкой губернии, когда кладут палочку, говорят:

Палочка пришла,
Никого не нашла,
Кого первого найдет,
Тот за палочкой пойдет.

В других местностях той же губернии говорят:

Чур моя палочка, не украденная, не ворованная. (XXVII, 193)

Игра в уголки, заключается в том, что четверо детей становятся по углам избы и перебегают из угла в угол, пятый старается занять место перебегающего, она сопровождается следующими приговорами:

В Вятской губернии стоящий в середине говорит:

Из угла в угол
Железным прутом
Вон!

Во Владимирской губернии игра эта называется „Ключики“, и приговорка в ней другая:

Ключик, ключик, отпирай вдруг. (XXVII, 113)

В Смоленской губернии игра в пятнашки называется „Лепок“, пятнающий говорит:

Не дашь лепок,
Не вырастешь с горшок.

В нашем собрании больше двадцати вариантов песенок одной из самых популярных игр „Горелки“. Играющие становятся в пары одна за другой, перед ними становится один из детей и речитативом произносит песенку, после чего последняя пара разбегается в разные стороны, а тот, кто „горит“, старается догнать одного из бегущих.

Во Владимирской губернии кто „горит“ произносит:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Стой подоле —
Гляди в поле.
Едут там трубачи
Да едят калачи.
Погляди на небо —
Звезды горят,
Журавли кричат —
Гу, гу, гу, уберу.
Раз, два, не воронь,
Беги как огонь. (XLIX)

В Ярославской губернии:

Стою, стою на камешке,
Горю, горю на солнышке.
Кто меня любит,
Тот меня выкупит. (LXX)

Вместо песенки игра эта иногда сопровождается диалогом между „горящим“ и последней парой.

В Псковской губернии „горящий“ говорит:

Горю, горю жарко,
Горю, горю ясно!

Задняя пара спрашивает:

„О ком ты горишь?“
— Кого хочу,
Того съжгу. (LXXX)

В Астраханской губернии:

„Горю, горю дуб“.
— Что ты горишь?
„Хочу красну девицу“
— Какую?
„Тебя молодую“. (XXVII, 110)

Игра в прятки в некоторых местностях называется „Кулючки“; тому, кто должен искать, закрывают глаза, а он в это время говорит:

Кулю, кулю, баба,
Не выколи глаза.
Сыпь под окошком,
Свинья под лукошком.

Игра в жмурки известна в Рязанской и некоторых других губерниях под названием „Заря“, тот, кто ходит кругом детей, сидящих вкруг, со жгутом, говорит:

Заря-заряница,
Красная девица,
По полю ходила,
Ключи обронила,
Ключи золотые,
Ленты голубые,
Кольца обвитые
За водой пошла. (I, 270)

При игре в жмурки, завязывая глаза тому, кто ловит, в Тверской губернии говорят:

„Что пил?“
— Квас.
„Ищи век нас“.

В Екатеринославской губернии:

„Кот, кот, на чем стоишь?“
— На квашне.
„Что в квашне?“
— Квас.
„Лови мышей, а не нас“. (XXVII, 204)

В Тульской и Симбирской губерниях, играя в „Кандалы“ или „Колику бабу“, становятся в два ряда друг против друга на большом расстоянии и перебегают из одного ряда в другой. Между играющими ведется переговор:

„Кандалы!“ — кричит кто-нибудь из одного ряда, „Скован!“ — отвечают из другого ряда.

„Раскуй!“
— На кого?
„На друга твоего“.
— На какого?
„На Серёгу“. (LXXXV)

Перейдем теперь к играм, в которых действие соединяется с словесным творчеством, элементарно развивается сюжет и существует распределение ролей.

Возьмем одну из любимых и распространенных тем детских игр — „Волка“. В Олонецкой губернии игра в „Серого волка“ развивается следующим образом: один из детей изображает волка, другие стадо овец, овцы приходят к волку и говорят: „Позволь погулять в твоём саду“. Волк позволяет, но запрещает рвать траву, „а то мне не на чем спать“. Овцы, однако, щиплют траву и приговаривают:

Щиплю, щиплю травку,
Зелену муравку,
Бабке на рукавичку,
Дедке на кафтанчик,
Серому волку грязи на лопату.

При последних словах дети бросают в волка траву, убегают, а он их догоняет. Изображающий волка старается сделать сердитое лицо и вертит головой, поглядывая на ребят (XII).

Мы приводили выше один из вариантов игры в „Волка и гусей“. Приведем другой, записанный в Смоленской губернии; в нем есть и лирический элемент, очень редко встречающийся в детских играх и песнях:

Детки мои голубитки,
На что я вас кормила,
На что вас поила,
Для серого волчища,
Для белого зверища.

Волк пришел, дити украл,
А я, молоденька, заснула
Над маленьким детенком,
Над красивеньким янчком.

Матка идет отыскивать детей и спрашивает волка, не видал ли он их; волк указывает на дорожку, по которой они побежали; в это время украденные дети пищат: „ти, ти, ти“. Мать спрашивает: „Что у вас сипит?“

Волк: — Квас варится.
Мать: „Дайте мне покушать“.
Волк: — Мышь увалилась: нельзя пить.

Дети опять пищат: „кы, кы, кы!“

Мать: „Что у тебя трещит?“
Волк: — Горох пряжется.
Мать: „Дай мне покушать“.
Волк: — Сух дюже, зубы поломаешь!

Дети продолжают пищать: „ссс... ссс... ссс!“

Мать: „Что у тебя варится?“
Волк: — Пиво варю.
Мать: „Дай мне покушать“.
Волк: — Таракан увалился.

Игра кончается возвращением детей к матери (XXXII).

Сложна, разнообразна и дает широкий простор для драматизации одна из самых распространенных среди детей игр „Коршун“, в нашем собрании 25 вариантов, записанных в разных местностях. В ней и песенки и длинные диалоги между наседкой, защищающей своих детей, и коршуном, нападающим на них.

Приведем еще игру „Хрен“ — в ней действующими лицами являются бабушка, дети и хрен. Хрен изображают дети, сидящие на земле, друг за другом, первый сидящий, самый большой из детей, в Рязанской губернии он называется „корень“. Дети поют:

Хрен, ты мой хрен,
Полевой садовой.

Кто тебя сажал?
Кто, кто поливал?
Сажал Селиван... и т. д.

Другие дети приходят за хреном: стук, стук у ворот. Бабушка: „Кто там?“

— Ивашка Попов.
„Зачем?“
— Дайте хренку
На говядинку.
„За колыями поехали,
Оплетать будем“.

Опять поют и снова ведется тот же разговор, отвечают: „Колья тешем“, „Плетень городим“, „Хрен не поспел, только листья пускает“ и, наконец, „Сорвите, стряхните, да ворота закройте“. После этого начинают вырывать хрен — тянут за руки первого сидящего, а потом поочередно и других (XIX).

Отметим некоторые игры с юмористическим элементом. Во Владимирской губернии записана игра „Староста“. Выбирают „старосту“, он садится на крыльцо, лавку или просто на чурбан, дети, взявшись за руки, подходят к нему и поют:

Сидел кум на пне,
Хлебал лапшу —
Подожел татарин,
По уху ударил.
Кум закричал,
Нас всех собрал.
Мы татарина схватили,
Да дорогой упустили.
Староста, староста,
Рассуди, пожалуйста.

Староста спрашивает: „В чем рассудить?“
Дети поют:

Глухая тетеря,
Мельничное колесо,
Бабыно перетено,
Заяц косой,
Медведь косолапый...

И снова поют:

Сидел кум на шне,
Хлебал лашу... и т. д.

Староста спрашивает: „Какой татарин?“

Дети отвечают:

Большой, кривой,
Носатый, рябой.

Староста старается поймать кого-нибудь из детей, а они дразнят его: „Шильник, мыльник, шиновал, суховал“ и т. д. (XLIX).

Хороводные детские игры заимствованы в большинстве случаев у взрослых. Играющие берутся за руки, образуют цепь или круг и двигаются в определенном направлении, хороводы сопровождаются пением, иногда и пляской, из хоровода выделяются отдельные исполнители и изображают какие-нибудь действия. Между хороводом и исполнителями ведется диалог; таким образом и в хороводах имеются все элементы драматической игры. Элементарные хороводные игры исполняются и маленькими детьми; они берутся за руки, поют песенку или просто какой-нибудь однообразный припев, кружатся и ритмически исполняют какие-нибудь телодвижения.

В Курской губернии дети, образовав хоровод, кружатся и поют: „Щука — мука, щука — мука“, а затем падают на землю, встают и снова кружатся с тем же припевом.

Немецкие дети ведут хоровод под песенку: „Ringel, ringel Rosen“, При последних словах дети приседают (XCIV). Такие же песенки мы находим и в английских „Nursery Rhymes“ и среди французских детских народных песенок.

Некоторые хороводные игры представляют пережиток культовых игр и праздников, приуроченных к разным временам года и к моментам земледельческих работ. Таковы игры, в которых поется про „лен“, „просо“, „мак“ и т. д.

Они сопровождаются телодвижениями, подражающими всем работам при посеве, сборе и обработке этих растений.

Другие хороводные игры выродились из свадебных обрядов. В Тверской губернии, в Ржевском уезде, записана летом 1926 г. игра в „Сваху“. Двое изображают свата и жениха, остальные — сваху и невест. Сваха и невеста ходят кругом и припевают:

Сваху ты, сваха,
Сударня наша.
Отдай свою дочку
За моего сына,
У моего сына,
Двое, трое, всех четверо,
Коза не подскочит,
Сени не подломит,
Блоха подскочила,
Сени подломил.

После этого припева сваха спрашивает у свата: „Умеет ли твой сын песни петь?“ Сын поет несколько слов из какой-нибудь песни, обыкновенно „Соловьишко молоденькой“. Затем сваха опять спрашивает: „Умеет ли твой сын плясать?“ Сын пляшет, а после этого выбирает себе невесту. Сват берет другого сына, и игра начинается снова (XCV).

В Вятской губернии в „Сваху“, играют девочки и поют при этом песню:

Сваху, сваху, сваху молодая,
Отдай за моего сына свою дочь.
У моего сына сени новые,
Сени новые, сени широкие,
Тесом обиты,
Гвоздями прибиты,
Оловом облиты,
Шелком вытканы. (XXVII, 195)

Многие хороводные игры созданы прямо для забавы, в них символизируются отношения между парнем и девушкой.
Детский фольклор.

вушкой, мужем и женой. Так, в „Селезене и утке“ парень-„селезень“ старается поймать девушку-„утку“. В таком же духе игры „Перепелочка“, „Зайныка“ и другие. В детских хороводных играх любовный элемент отступает на второй план. Так, в „Зайныке“ в детском исполнении интерес сосредоточивается на всем том, что под песню хоровода должен проделывать зайныка: „попляши“, „по-скачи“, „скоком боком“ и т. д. Забывается символ, интересует конкретный образ зайныки — явление, которое постоянно повторяется при снижении фольклора взрослых в детскую среду.

Игры-импровизации, т. е. игры со случайным, придуманным содержанием, часто представляют непосредственное подражание тому, что происходит перед глазами детей. Есть игра, весь смысл которой в подражании тому, что придумывает и проделывает один из участвующих. В Вятской губернии она называется „Перелизы“. Дети образуют круг, один из них становится в середину. Дети поют:

У дядюшки Трифона семеро детей,
Семеро детей и все сыновья.
Они не пьют, не едят,
Друг на друга глядят,
Все делают вот так.

При этом стоящий в кругу делает какое-нибудь телодвижение, остальные должны проделывать то же (XXVII).

Совершенно в таком же роде немецкая детская игра „Семь сыновей Адама“. Находящийся в кругу поет:

Sie machen alle so wie ich,
Mit dem Fingerchen tip, tip, tip,
Mit dem Köpfchen nick, nick, nick,
Mit dem Fusschen trob, trob, trob,
Mit dem Händchen klapp, klapp, klapp.

(Они делают так, как я, пальцами тип, тип, тип, головкой — ник, ник, ник, ножками — троб, троб, троб, ручками — клап, клап, клап.)
(XCVI, 252).

У французов в игре „L'imitation“ („Подражание“) один из детей делает смешные телодвижения, другие ему подражают. Вспомним также игру в „Зеркало“ городских детей.

Часто игра следует непосредственно за наблюдаемым явлением. Н. Бартрам, наблюдавший детей при выходе их из деревенской школы, рассказывает: „Перегоняя друг друга маленькие школяры выбежали на дорогу, по которой в это время торжественно друг за другом шла длинная вереница гусей. В одно мгновение дети вслед за гусями вытянулись в длинный ряд и, подражая гусям в движениях, пошли вслед за ними. Испуганные гуси взмахнули крыльями и с гоготанием понеслись, слегка взлетывая вниз, под гору, к реке; дети, за ними, в новом порядке взмахивая руками и по новому подражая птицам“ (XCVII, 17).

Если игра является результатом много раз виденных и повторяющихся эпизодов, тогда она более длительна, дети имитируют жизнь и сами себе дают целое представление, с увлечением входя в свои роли. Девочки играют в семью, нянчат и укачивают детей, стирают, гладят, стряпают, ходят в гости друг к другу, угощают и т. д. Мальчики подражают работе своих отцов, играют в лошадки, в охотников, солдат и т. д. Есть темы, повторяющиеся с большим постоянством у детей разных народов; так, игра в разбойники, солдаты, охотников сходна по теме, но среда и быт кладут на разработку этой темы свой отпечаток. Рядом с постоянными темами детских игр появляются и новые игры, отражающие события и обстановку последнего времени. Игры и игрушки всегда отражали различные эпохи и различную культуру. Во время Французской революции была игра, называвшаяся „Эмигрант“: волчок перемещался по нитке, изображая перемещение эмигранта. Тогда же были популярны игрушки, изображающие Бастилию и гильотину (XCVII).

Лицо, побывавшее на острове Сахалине в 1906 г., записало игры детей, которые ему пришлось там наблюдать. „Ты, — говорил маленький Петька крохотному Сашке, — бродяжничай, а я поймаю тебя и буду пороть“. С девочками игры изменялись, они заключались в том, что девочка должна была изменять своему сожителю, а тот за это в наказание ее убивал“. То же лицо наблюдало игры детей зимой в 1906 г. в Петербурге. „Почти ежедневно (в течение октября, ноября и декабря 1905 г.) проходил я через ограду церкви Благовещения на Васильевском острове и постоянно встречал там целые кучи играющих детей. На их шум и крики я долго не обращал внимания, пока не наткнулся в упор на толпу ребят. Бежавший во главе толпы гимназист лет 12 — 14, с палкой в руках, наткнувшись на меня, взял под козырек и, крикнув: „предводитель черной сотни!“ побежал дальше. Заинтересованный я стал наблюдать. Оказалось следующее. Все дети разделились на две партии. В одну отбирались более рослые и здоровые с прутьями и палками — это „черная сотня“. В другую более мелкие и слабосильные, без всякого вооружения; иногда здесь встречались и девочки. Эту партию звали „бунтовщики“, „студенты и курсистки“ и пр. Затем обе партии расходились по обе стороны церкви и шли одна навстречу другой. „Черная сотня“ шла с пением „боже, царя храни...“ или „спаси, господи, люди твоя...“ „Бунтовщики“ пели: „Вставай, подымайся, рабочий народ...“ и пр. Обе партии сталкивались и начиналась свалка. В конце-концов „черная сотня“ брала верх, „бунтовщики“ убегали. Тогда выскакивала партия „казаков“ и хлестала убежавших: часть „бунтовщиков“ захватывалась в плен и отводилась в куْتُзку“ (XCVIII).

Игры, отражающие интересы и события злободневные, быстро изживаются, на смену им приходят новые, но кое-что, как пережитки, остается в детских песнях и играх — в виде формы, отдельных слов и выражений, смысл ко-

торых с течением времени затемняется и только специалист-исследователь, путем длительной работы, выясняет первоисточник их.

В играх-импровизациях игрушки воплощают жизненные образы и помогают ребенку имитировать жизнь, с помощью игрушки легче выразить мысль и инсценировать что-нибудь. Кукла при игре девочек в семью изображает ребенка, которого она няньчит, поет ему колыбельную песню, слышанную от матери и няньки. Палка изображает лошадь, на которой мальчик едет, и т. д. В нашем материале есть несколько песенок, которые поются детьми в играх с определенными игрушками. В Казанской губернии дети, пуская лодочки из сосновой коры по воде, говорят:

Корабли плывут,
Товары везут —
Дешевые, грошовые.
Шкалы, смолы, вару
На грош всего товару,
Пылу, дыму, ветру —
Ничего нету.

Там же, забавляясь с игрушкой, изображающей водяную мельницу, дети поют:

Мельница молова
Три года молола,
Пять лет толкала,
Да не вытолкала
И не евши спать легла. (XXIII)

Какие же главные темы детских народных игр, традиционных и импровизированных?

Мир растительный отразился одной своей стороной: в игры попали растения, выращиваемые в крестьянском хозяйстве. Мак, лен, просо, хрен, редька, репка, хмель, горох — вот те растения, которые фигурируют в играх. Больше всего дал материала для игр мир животных. Хищники животного мира — волк — причиняющий и причинявший много бедствий в крестьянском хозяйстве, является

действующим лицом многих игр. „Волк и гуси“, „Волк и овцы“, „Волк и дети“ — вот названия наиболее известных игр. Такую же большую роль играют хищники из птичьего мира: коршун, нападающий на цыплят, и matka, защищающая их. Разновидности этой игры — „Ворон“, „Ястреб“ такого же содержания. Из домашних животных встречается в играх чаще других животных кошки. Кошка ловит мышь („Кошка и мышка“), кот-проказник ворует и опрокидывает у хозяйки крынки („Крынки“). Затем „Лошадь“, игра в „Коней“ — лошадь верховая и лошадь в запряжке.

В хороводных играх выступают зайчиха, перепелочка, утка, селезень и другие животные, но как символические образы.

Из насекомых мы встречаем: комара, жука, муху, пчел. В Кубанской области дети играют в пчел следующим образом: двое становятся неподвижно, изображая улей, другие взявшись за руки, сбиваются около них в кучу. Один, называемый маткой, поджигает столбы и убегает, дети, изображающие пчел, бегут за ним и, поймав, жужжат ему в уши (XXVII, 177).

Очень немного игр отражают предметы неодушевленные; так игра в полотно подражает свертыванию, развертыванию полотна перед покупателем.

Разнообразнее всего развиваются детские игры, черпающие содержание из быта. Тут мы находим отображение повседневной крестьянской жизни, со всем ее укладом и работой. Хозяйка уходит из дому, кот опрокидывает крынки с молоком („Кувшинчики“, „Крынки“); ходят в баню („Комары“, „Золотая баня“); пасут овец в поле („Волк и овцы“, „Чорт и овца“); нанимают работников, которые показывают, что умеют делать („Работники“ и др.); имитируют все виды крестьянской полевой работы („Лен“, „Просо“, „Капуста“ и др.).

Интерес к героическому и к приключениям выявляются и в играх. Мальчики играют в охоту, в войну,

в разбойников и тому подобные игры. В Вятской губернии дети играют в охоту: один из играющих назначается охотником, остальные изображают гончих и разных зверей. Звери прячутся, охотники стреляют, гончие разыскивают зверей. В таком же роде игры „Лиски“, „Оленки“ и др. (XXVII, 178).

Излюбленные мальчиками игры в войну и разбойников носят различные названия, в зависимости от местности. В Кубанской области играют в „казаков“ и „черкесов“ — мальчики изображают черкесов, девочки жителей станицы, они идут за ягодами, черкесы на них нападают и уводят в плен (XXVII, 158). Городские дети, знакомые с литературой приключений, играют в индейцев, сыщиков и т. п. Много игр в воров: изображается воровство чего-нибудь, погоня и поимка вора. Игры эти носят разные названия: „Воры“ (Екатеринославская губерния), „Чужие огороды“ (Харьковская губерния), „Огурцы“ (Черниговская губерния), „Бахчи“ (Астраханская губерния) (XXVII, 161). Нам пришлось видеть, как в английской школе в 1924 г. разыгрывалась детьми старинная народная песня „Old Rodger“ („Старый Роджер“). Старый Роджер умер и похоронен под яблоней, на ней созрели яблоки, приходит старушка воровать их, старый Роджер вскакивает, гонится за ней, догоняет и бьет ее.

В детских играх встречаются пережитки утратившихся верований, не понятных для играющих. Мы говорили уже о „Костроме“ — пережитке культовой игры. Встречаются игры, в содержании которых отразились легенды, апокрифы или какие-нибудь религиозные сказания. Так, есть игры, в которых действующими лицами являются: бог, нечистая сила, чорт, упоминается о рае и аде. Особенно интересны в этом отношении игры в „Бога и чорта“ (Каванская губерния) и „Ангела и врага“ (Владимирская губерния).

В первой игре дети садятся в ряд, один из них изображает бога, он подходит к сидящим и спрашивает:

„Раба, раба, где была?“
 — У попа.
 „Чего ела?“
 — Просфору.
 „Чего шила?“
 — Сыгу.
 „Это что?“ — показывает в сторону.
 — Сторона.
 „А это что?“ — показывает вниз.
 — Земля.

По пятам за богом ходит чорт, и пока бог разговаривает, чорт проделывает все, чтобы рассмешить спрашиваемого; если это ему не удастся, то спрашиваемый переходит на сторону бога, если же он рассмеется, то его берет чорт. Чорт после допроса всех детей обращает доставшихся ему в собак и натравливает их на детей бога, между ними завязывается борьба (LXXXV). Вариант этой игры, записанный во Владимирской губернии, называется „Ангел и враг“; ангел вместо бога, враг вместо чорта. Между ними ведется следующий разговор:

Ангел, показывая вверх, спрашивает:
 „Это что?“
 Враг: — Небо.
 Ангел, показывая вниз:
 „Это что?“
 Враг: — Земля.
 Ангел, показывая направо:
 „Это что?“
 Враг: — Рай.
 Ангел, показывая налево:
 „Это что?“
 Враг: — Дедушкин сор. (XCIX)

В игре „Овечки“ действующими лицами являются пастух, его мать, чорт и овцы. Чорт обманывает пастуха и крадет у него овец (XXVII, 171, и С).

В заключение скажем о народных драмах. В некоторых местностях они переходят в детскую среду.

Иваницкий среди детских игр помещает полный текст „Лодки“, разыгрываемой детьми (С). В Новгородской губернии в некоторых деревнях, как нам передавали местные жители, „Лодка“ разыгрывается на святках детьми. Г. С. Виноградов сообщает, что „Царь Максимилиан“ в некоторых деревнях в Иркутской губернии не разыгрывается взрослыми, а также переходит в детскую среду, эту народную драму нужно искать в числе сезонных игр, сохраняемых детьми-школьниками (VI, 42).

ГЛАВА XIII.

СКАЗКИ.

ЛИТЕРАТУРА о сказках — очень обширна; исследовано и собрано материалов много, но народной детской сказке в них уделено мало внимания, да и самый вопрос о существовании народной детской сказки не выяснен и не поставлен во всей той широте, как он того заслуживает. Сознается это и некоторыми собирателями и исследователями: „В большинстве существующих фольклорных сборниках, к сожалению, не указывается, какие из напечатанных произведений народной поэзии предназначены в деревне специально для детей, какие исполняются только для взрослых, какие носят безразличный характер в отношении к возрастным группам населения. Сказок же, рассказываемых друг другу детьми, почти совсем не записано“. Так говорят одни из видных собирателей и исследователей народного творчества Б. и Ю. Соловьевы (XXXV, 137).

Интерес к сказке и яркие эмоциональные переживания, связанные с ними у детей, — факт настолько общеизвестный, что на нем останавливаться не приходится, даже случайные и поверхностные наблюдения могут дать нам материал, подтверждающий это. Ни один из видов детского фольклора так глубоко не захватывает детскую психику, как сказка, и уж одно это обстоятельство дает ей право на особое внимание со стороны исследователей.

О сказках-импровизациях, за отсутствием материала, невозможно говорить. Не оспаривая большого интереса, который представляет подобное изучение, мы все же ду-

маем, что оно входит в задачи педологии, а не этнографии детского возраста и детского фольклора. Как этнография детского возраста, так и детский фольклор не могут обойтись без данных педологии, но смешивать эти две области и задачи, которые они ставят себе, было бы рискованно.

Сказки — творчество взрослых для взрослых, к детям из этого творчества перешло, нашло отклик и усвоилось то, что находится в соответствии с интересами и запросами детского мира. Это ставит перед нами задачу выделить те сказки, которые рассказываются взрослыми детям, которые усваиваются детьми и которые уже они сами передают друг другу. Вопрос о сказочном репертуаре для детей тесно связан с носителями их, т. е. лицами, рассказывающими сказки детям. Это бабушки, матери, няни, пестуны и все, кто имеет дело с детьми и у кого опытом вырабатывается и репертуар и приемы рассказывания. „Рассказывание — старый метод, прекрасно разработанный и непрерывно используемый и до наших дней в народной педагогике и совсем недавно перенесенный в педагогику научную“ (VII, 21).

Собиратели народных сказок постоянно указывают на такую специализацию в области рассказывания у женщин. „Обычно в народе „ребячьими сказками“ зовутся те сказочки, которые рассказывают бабушки и нянюшки своим питомцам. Это большею частью сказки о животных и подобные им“ (CII). То же говорит и Н. Е. Ончуков: „Нет чисто женских сказок, исключая чисто детских и сказок из животного мира, тоже особенно любимых детьми, которые женщины знают по преимуществу“. Он дает и характеристику такой рассказчицы — Ульяны Ивановны Базаковой, 50 лет, она жила в „водицах“ (няньках) в большом семействе в посаде Уне. „Прежде столь сказок знала, что сметы нет, а теперь стала хворать и никак на ум не идет“. Рассказывала она собирателю те сказки, которые „из уст не выметывала, все ребятам рассказывала“ (CIII). Д. К. Зеленин также помещает в своем сборнике

детские сказки, рассказанные женщинами, две из них жили пестуньями, а другие рассказывали в своих семьях детям. „Таких старушек, которые рассказывают своим внукам три-четыре сказки, в наших деревнях очень много; редкая старуха не знает двух-трех детских сказок“. Д. К. Зеленин помещает в Вятских сказках 4 сказки 60-летней старухи Е. М. Климовой, которые она рассказывала только своим внукам; этими сказками ее репертуар и ограничивался. Количество „ребячьих сказок“ могло бы быть значительно увеличено, если бы собиратели не пренебрегали материалом, который можно записать у таких не профессиональных сказочниц, не пользующихся известностью.

У сказочниц профессиональных с большим репертуаром часто бывает и запас детских сказок. Сказочница „Куприяниха“, от которой Н. П. Гринкова в 1924 г. в Воронежской губернии записала много сказок, рассказывала и детские сказки. „Теперь улица, а раньше одна забава — сказки“, говорила она и вспоминала с удовольствием, как она своим детям в долгие зимние вечера рассказывала сказки, удерживая их дома за какой-нибудь работой и не пуская надолго бегать по улице, так как у ребят одежка была плохая, росли без отца. А в избу наберется целая толпа соседских ребят и с увлечением слушают ее сказки“ (CIV).

И мужчины-сказочники уделяют иногда внимание детям, в репертуаре некоторых из них записаны детские сказки. Мы приведем отрывок из „Народной педагогики“ Г. С. Виноградова — картину рассказывания сказки детям.

„Трудно было бы, — говорит он, — найти более ясную иллюстрацию к „часу рассказывания“ в народно-педагогической практике, чем пример из наблюдений 1919 г. в деревне Пяновой Братской волости (на Ангаре). Рассказчик Данила Гаврилыч Метлев получил в деревне прозвище „Царь Данила“ за свой ум и характер. Он памятливы, на редкость рассудителен; слышит справед-

ливым человеком, пользуется авторитетом во всей волости. Для неграмотной деревни он, тоже совершенно неграмотный, служит календарем-справочником, судьей и советником. Дело было в праздник. „Царь Данила“ никуда не собирается. Он в наделах сидит на кровати под полатами. Это статный, хорошо сохранившийся высокий старик лет 60. Смазанные маслом, причесанные, от густой проседи серо-стальные волосы придают его голове такой вид, будто она отлита из стали. Открытые серые глаза, почти правильный нос. Подстриженная рыжеватая борода — тоже с проседью, жидковатые усы. Он не один. Сколько могла вместить многоспальная деревенская кровать, столько она иместила деревенских ребятшек — парнишек, девчонок, молча окруживших с трех сторон на вид не очень приветливого и очень несловохотливого старика. Все головы, стриженные и нестриженные, с косоплетками и косматые — обращены в сторону старика; видно ждут чего-то, и молчат; некоторые конфузливо жмутся к нему. А ему словно и дела нет до них... На скамейках, на табуретках, у порога „примостились“ девушки и парни. С ними старик перебрасывается словом...

— Вы что жметесь-то ко мне? Что вам надо-то?

Смутились ребята, опустили головы и что-то шепчут. Старик не слышит.

— Бегите домой, мать хватится, ругать будет...

Конфузливо улыбаются и молчат. Видно, что не принимают всерьез слова старика.

— Да ты бы им, дедушка, сказку сказал бы, — подсадила девушка.

— Какую сказку? Никакой сказки не знаю...

— Знаешь, — прошипел чей-то голос на кровати.

Оглядел всех „Царь Данила“, улыбнулся — и все повеселели... А он снова молчит...

Не может „придумать“ старик сказку и начинает говорить ни с того, ни с сего о какой-то козе...

И повел... Говорит он, когда разойдется, быстро-быстро. Язык у него на удивление выразительный, и рисует он мазками, наскоро.

И ладная коза была бы, да... поперечина тут такая вышла... На зеленях похватила и дальше. Только спину показывают. А его дело — по паханой-то земле куда ускачешь... хопь плачь!

Ребятишки глаза обступили его, уставившись на него...

— И где уж эту козу нашли, не знаю. Ты, Ванька, не знаешь?

Мальчуган не сразу очнулся. Потом засмеялся, и все тихо, довольные, захихикали.

— Ну, больше не знаю.

Подобные сборища у него — явление обычное, особенно в праздничные дни (в них „Царь Данила“ не работает) и в рабочее время — в ненастье. „Малым ребятам сколь одно не рассказывай, все будут слушать“ замечает сказочник. Парни и девушки, которые в детстве достаточно наслушались его сказок и рассказов, ими затверженных, но „никогда не скучных“, пользуются малейшей возможностью, чтобы послушать их в 1001 раз.

Не всякую его сказку можно передать, потому что не заметишь, где она началась; своим началом она где-то впелелась в разговор, а когда уловишь и поймаешь его речь, как сказку, сказка уже далеко от начала. Да хоть и известную сказку начнет старик, начнет ее с предисловия, с присказки, мешкотно — словно дельная баба веретено устанавливает.

Устала. Запуршало, закрутилось. Вытянулась, побежала нить, сначала прямая и четко видимая, потом закрутилась, забегала кругом стерженька, неизвестно из чего, откуда выросшего, потеряла четкость в очертаниях... А глаз ловит ее, гоняясь за нею. Зацепила, притянула нитка глаза — нельзя оторваться. И бежит уже не одна, бежит неразличимо переплетаясь, много ниток — солнечных и лунных („Вот солнышко уже на вчерашнем

месте пекет: ишь Петровки...), золотых и серебряных („А одежда — одно слово серебро да золото“), шерстяных и портяных. („У его, бедняги, кака одежда. Одна одежда — стара рогожа, друга — куль праздничный... Может, шабуришка какой“). Тянутся нити, обматывают, заволакивают сознание. Наматывается клубок, толстеет, кружится перед глазами. Веретено шуршит и жужжит — ткется словесная ткань сказки...

Ребятишки „бытта померли“.

Веретено шуршит и жужжит. Но... какие-то изменения в мотке. Нитки бегут, но в каком направлении, — не уловишь, глаз не различает. Нитки бегут, но уже не наматываются, а сматываются; моток словно тает... На ребячьих лицах улыбка, губы подбираются.

„А там уж чо?... Пир-пирком — и свадьбишка“. Последняя нитка сматалась... (VII, 22).

Мы привели эту, может быть слишком длинную выписку, так как не знаем равной ей в этнографической литературе по яркости и разносторонности затронутых в ней вопросов. Тут и приемы рассказчика, и построение сказки, и настроение аудитории, и все это подлинное, близкое к нам по времени.

Вспомним также, что говорят о своих нянях-крестьянках многие выдающиеся люди — писатели, ученые, общественные деятели. Это целая галерея образов, возглавляемых классическим образом Арины Родионовны, память которой увековечена ее „неумчивым“ питомцем.

С воспоминаниями о нянях неразрывно связано воспоминание о рассказанных ими сказках, песнях, прибаутках. „О певцах, сказочниках, знахарях, лекарях и пр. мы имеем — пусть не богатые количественно, но значительные качественно материалы... Много ли собрано материалов о народных педагогах? Крайне мало, да и то из вторых рук“, — говорит Г. С. Виноградов (VII, 26).

Какие же сказки переходят в разряд ребячьих? Прежде всего сказки о животных, они перестали интересо-

вать взрослых и перешли в репертуар, предназначенный для детей. В сборнике Афанасьева помещено в первом томе 45, а с вариантами 74 сказки о животных, а в новейших сборниках великорусских и украинских животных эпос представлен совсем ничтожным количеством вариантов, записанных от женщин, как ребячьи сказки. Рассказываются детям, конечно, не одни только сказки о животных, но и сказки бытовые и чудесные, фантастического содержания. Указывается также на следующее явление: там, где у взрослого населения преобладает интерес к бытовой сказке, сказка волшебная все больше и больше теряет свой первоначальный характер, переходя в новеллу, и только детям рассказываются сказки чудесного, фантастического содержания (CV, 355).

Интересно выяснить для нас вопрос о намеренном приспособлении сказки к детскому пониманию и изменениях, вносимых в сказках с педагогической целью. Г. С. Виноградов говорит: „В народной педагогической практике наших дней цели ставятся все те же: и научения и развлечения... Форма применения указываемого сейчас народно-педагогического приема отразилась на составе, расположении частей и строе рассказываемых произведений. Едва ли возможно определенно сказать, в какой степени они подсказаны художественным чутьем исполнителей и в какой мере — их педагогическим тактом. Видимо, то и другое, действуя или во взаимном переплетении или параллельно, создали присказку, заставку, повторения, концовку и другие элементы хорошо построенных сказок. Все эти начинные, вводные, заключительные части у мастера имеют свое назначение, несут свою функцию: незаметно ввести слушателей из реальной повседневной обстановки и привычной среды, незаметно ввести в мир сказки, в нужный момент создать настроение, усилить впечатление, заворочить, увлечь, затем, перейдя грань наивысшего подъема, постепенно приблизить к обычному житию-бытию, вернуть слушателей

в их будничную среду и обстановку“ (VII, 21). Так строит сказку и овладевает слушателями рассказчик.

Сказка преследует и поучительные цели. „Она, — говорит Зеленин, — должна познакомить детей с новым кругом предметов и явлений, особенно с названиями этих предметов“. Как на пример он указывает в сборнике „Великорусских сказок Вятской губернии“ на сказку „Ворона“, где перечисляются названия всех местных птиц и частью их описания, и на сказку „Черная кожа“, где выводится целый ряд разнообразных предметов и очень наглядно изображаются их свойства“ (CII).

Чуткие рассказчики учитывают и воспитательную сторону сказки. „Сказываешь, чтобы что лишнее (непристойную подробность, неприличное слово) не сказать“ (VII, 19). Также приспособляет свою сказку к детской аудитории сказочница Куприяниха. В тех случаях, когда нельзя обойтись в сказке без непечатного слова, она его скажет, но сейчас же, в свое оправдание прибавит: „Так уж в сказке говорится“ (CIV, 93).

В татарских детских сказках, записанных в г. Нухе от неграмотного татарина и представляющих варианты известных народных сказок, мы видим приспособление их для детей, вызванное педагогическими соображениями. Так, в сказке „Приключения мальчика“ в варианте для взрослых распоряжение зарезать жеребенка, которого сильно любит мальчик, делается вследствие козней мачехи, изменяющей своему мужу и видящей в жеребенке препятствие для себя и своего любовника, в варианте для детей это распоряжение мотивируется иначе — мать видит в жеребенке препятствие для занятий своего сына (CVI).

Собираатель сказок у закавказских татар дает характеристику ашуга (певца) Искандера, пользовавшегося большой популярностью и уважением среди своих односельчан за свои песни и сказки, и рассказывает случай, рисующий отношение к детской сказке со стороны взрос-

лых и запросы, которые к ней предъявляются. „Однажды наши старики просили ашуга Искандера, чтобы он рассказал сказку для детей. При этом ашугу обещано было несколько пудов пшеницы и муки, если только он скажет хорошую сказку, которая принесла бы детям пользу. И вот однажды вечером ашуг Искандер, пришедши со своим большим саазом (балалайкой) к нам в мияну (комната в хлеву, куда собирались крестьяне слушать песни и сказки), где собрались дети, поиграл немного на саазе и рассказал сказку о Рустаме и Фатъме“.

С распространением в деревнях школ и грамотности в детскую крестьянскую среду сказки попадают путем книги, и, чем грамотность среди населения больше, тем это явление заметнее. В Свердловском округе Уральской области „маленьким детям теперь здесь сказки о животных не рассказываются, а читаются по книге. Читают отцы, матери и еще чаще братья и сестры“ (CVII). Сказки в лубочных изданиях и в школьной книжке, проникая в деревню, часто через детей, усваиваются и взрослыми — неграмотными и отражаются на их репертуаре. Среди сказок, записанных Н. П. Гриньковой от сказочницы Куприянихи, две представляют пересказы „Чем люди живы“ и „Бог правду видит, да не скоро скажет“ Л. Толстого, а в одной сказке отразился Робинзон. „Во время бури матрос спасся на необитаемый остров, где и прожил 15 лет, приручая диких животных. Прибывает бурей другой корабль, где оказываются его знакомые. Его забрали и повезли в Россию. На пристани встретила жена, а он от радости тут же умер“ (CIV, № 29).

Зеленин поместил в вятских сказках материал, записанный учениками Елабужского училища в 1914 г., причем указывает на то, что на сказках сильно книжное влияние и записывались они от людей образованных (CII). Опытные собиратели советуют справляться в местной школе, какие там имеются книжки со сказками,

В русской этнографической литературе очень мало записано сказок с указанием, что это детские. Только содержание сказки и лицо, от которого сказка записана, дают нам возможность отнести ее к детскому репертуару.

Формальной стороне народных сказок посвящено много исследований, и в наши задачи не входит останавливаться на ней, мы хотим только отметить некоторые стороны сказок о животных и некоторых элементарных сказок, т. е. тех, которые бесспорно можно отнести к „ребячьим сказкам“. Очень несложные по содержанию, сказки эти высоко художественны по форме. Повторения, кумулятивность, аллитерации, песенки, часто рифмованная речь, богатое словотворчество, стройность композиции и другие художественные приемы делают сказку привлекательной и легко запоминаемой детьми. Попробуйте пересказать „Репку“, „Колобок“, „Теремок“ без всех этих приемов сказочного творчества, и сказка потеряет все свое обаяние для детей.

В сказках постоянно встречаются песенки: поет песенку „Колобок“ всем животным, собирающимся съесть его, лиса поет петушку, чтобы заманить его, коза, когда она возвращается к избушке своей, медведь поет ночью под окном у бабы, которая его „шерстку прядет, его мясо варит“. Песенки эти выпадают из сказок и живут самостоятельно, их мы встречаем часто в записях и некоторые пользуются большим распространением.

В известной сказке о старике и старухе, к которым приходит волк и отбирает у них одного за другим жеребенка, бычка, овец и т. д., волк поет:

Хорош, хорош дворец,
Соломенный крылец.
У ховяина семь овец,
Восьмой жеребспочек,
Да бык-пестряк,
Да кошка-судомойка,
Да собачка-пустолаечка,
Старичек да бабушка,
Пяренек да девушка. (CVII, № 78)

В Вологодской губернии, Тотемского уезда, записано 6 вариантов этой песенки, приведем один из них, как интересный для сравнения с вышеприведенным:

Стоит избушечка
На крутом угорышке.
В той избушечке
Старичек — старушечка,
У старика да у старушечки
Паренек да девушка,
Петушок да курочка,
Пять овечушек;
Паренек в сапожках,
Девушка в сережках. (CVIII 40)

Песенка эта часто встречается как прибаутка, которой забавляют маленьких детей.

Сказочные сюжеты встречаются иногда и в песенной форме; мы уже упоминали о тех маленьких сказочках-песенках, которыми развлекают маленьких детей и образцы которых мы приводили в главе о пестушках и потешках; нам остается привести пример песни, в которой мы находим сюжет известной сказки о лисе, которая всех зверей переполошила известием, что небо пало.

Уж как пла лиса по тропке,
Нашла грамотку в охлонке:
Она по лесу ходила,
Громким голосом вопила.
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки плела.
Вот и села на пенек
И читала весь денек:
Будто небо провалится
И земля загорится.
Лисе негде будет жить
И пришлось с горя топиться. (I, № 133)

Одним из формальных приемов в сказках являются повторения в связи с нарастанием действия, или кумулятивность. Так, в сказке „Колобок“, повторяя одну и

ту же песенку с перечислением всех, от кого он ушел, „Колобок“ прибавляет каждый раз того животного, от которого он ушел в последний раз. Особый вид сказок, называемый кумулятивными, всецело построен на этом приеме; построение этих сказок можно выразить следующим образом, обозначив строки буквами „а“, „ab“, „abc“, „abcd“, „abcde“ и т. д. Кумулятивные сказки мы находим у всех народов как европейских, так и других. Самые известные в русском фольклоре: „Коза с орехами“ и „Петушок“. Содержание первой в том, что коза пошла за орехами и не вернулась домой, козел насылает на нее волков, волки отказываются идти, на волков насылают людей, на людей медведей, на медведей обух и т. д. до тех пор, пока кто-нибудь не согласится исполнить просьбу, после чего:

Гуси пошли червей клепать,
Черви пошли обух точить,
Обух пошел быков валить.
Быки пошли воду пить... и т. д.

Заканчивается тем, что коза возвращается с орехами. При обращении к каждому из животных и предметов повторяются все предыдущие строки и таким образом происходит нарастание действия.

Также построена сказка „Петушок и курочка“. Петушок подавился бобовым зерном, курочка побежала на речку за водой, речка воды не дает и спрашивает: „На что петуху воды?“ Курочка отвечает:

Петух на завалинке рылся,
Да бобом подавился.

Речка посылает курочку за колом, дуб посылает к березе за веткой, береза за девкой, девка к корове и т. д., последний посылает к угольщику за углями:

Курочке угольщик дал углей,
Кузнец взял угли, дал косу,
Косец взял косу, дал сено,
Корова взяла сено — дала масло... и т. д.

Получив воду, курочка бежит к петушку, а он уже умер.

Лопарская детская сказка „Куцай“ („Детеныш лисицы“) близка по содержанию к русской козе:

„Куцай, иди играть“.
 — Не пойду.
 „Талла (бука), поди задуши Куцая“.
 — Что тебе сделал Куцай?
 „Играть нейдет“.
 — Не пойду.
 „Пешня, пойди, тхни Таллу“.
 — Что тебе сделал Талла?
 „Куцая не задушил“.
 — Куцай тебе что сделал?
 „Играть нейдет“.
 — „Не пойду... и т. д.“

Далее идет обращение к камню, огню, дождю, оленю и т. д.

Приведем для параллели и английскую Nursery Rhymes того же содержания, под названием „The old Woman and her Pig“ („Старушка и ее свинья“). Старушка нашла 6 пенсов и купила на эти деньги свинью на базаре, по дороге домой свинья заупрямилась и не хотела перелезть через забор, старушка зовет на помощь — собаку, палку, огонь, воду, быка, мясника, веревку, крысу, кошку, корову и т. д. Отличаясь в подробностях, сказки эти, одинаково построенные, имеют еще одно сходство: среди различных предметов, призываемых на помощь, мы неизменно находим огонь, воду, какое-нибудь оружие (камень, пешню, топор, палку), животное (быка, корову, собаку, лисицу, оленя), человека (дровосека, кузнеца, мясника).

Сказка часто начинается с какой-нибудь прибаутки, присказки, никакого отношения к самой сказке не имеющей. Цель присказки — заинтересовать, ввести слушателей в сказочный мир и создать настроение. При-

сказки эти отрываются от сказки и живут как самостоятельные прибаутки.

На море, на океане,
 На острове, на бунне
 Стоит бык печеный,
 Возле него лук толченый.
 Шли три молодца,
 Шли да позавтракали
 И дальше идут похваляются,
 Сами собой забавляются:
 Были мы, братцы, у такого места,
 Наедались пуще чем деревенская баба теста.

Присказка эта, записанная как самостоятельная прибаутка, у Афанасьева встречается в начале сказки.

Приведем еще одну присказку:

Сказка присказка,
 Еловая подмазка
 Елов присней,
 Заломил хвостец,
 Побегал в кустец
 По пироги, по шанежки,
 По лук по чеснок,
 По рибинный батог. (XXIX)

Особый вид прибауток создан около сказки, назначение их подшутить над любителями сказок, заинтересовать началом и разочаровать концом. Это своего рода пародии на сказки, они носят название докучных сказок.

Жили были два брата журавля,
 Скосили они стожок сенца,
 Положили они среди кольца,
 Не начать ли опять с конца? (XXIV)

Сказочный зачин, и слушатель ждет продолжения, и вместо этого досадный для него вопрос. Приведем еще докучную сказку:

На море, на океане,
 Да на острове Буяне
 Стояла ель,

На ели торчало
Мочало,
Его ветром качало,
А оно все молчало.
Не начать ли сначала. (III)

Докучные сказки другого рода состоят из повторения одного и того же. Последние строки сцеплены с первыми словами, повторяющимися снова, и так много раз, пока слушателю не надоест: „Бывало да живало, кулик да журавль, они пили да ели с одного стола и спать отходили с одного крыльца, сказка не долга, баран да овца, опять с конца: бывало да живало, кулик да журавль, они пили и ели с одного стола и т. д.“ (XIX).

Хорошо известна сказочка про „белого бычка“. Слушателям предлагается рассказать сказочку про белого бычка, слушатели отвечают: „Скажи“. „Ты говоришь скажи, да я говорю скажи, да не сказать ли тебе сказочку про белого бычка?“ Слушатель ничего не отвечает. „Ты молчишь, да я молчу, да не сказать ли тебе сказочку про белого бычка?“ Наконец сказка начинается: „Шел бык по льду, да прыснул, кто слушал, тот скушал“. „Кто сказал, тот слизал“ — яростно подхватывают слушатели (LXVIII).

Ребятишкам, которые привязываются и пристают, чтобы и им сказку рассказали, говорят:

„Жил был Тороча, у него одна нога короче; шел он в гумно, ступил в зерно; кто просил сказку рассказать, тому и ногу обливать“ (СIII).

Вот и другой ответ на приставање:

Сказать тебе сказку,
Связать тебя в вязку,
Бросить под лавку,
Лежать тебе три дня,
Съедят тебя мухи и комары. (XXIX)

Народных анекдотов, рассказываемых детям или записанных от детей, в нашем материале очень немного, приведем один из них:

„Тит, иди молотить“.

— Ой-ой! У меня брюхо болит,

„Тит, иди кисель есть“.

— Вот только дай шубейку подхватить. (LXXXVI)

ГЛАВА XIV.

ЗАГАДКИ.

ЗАГАДКИ, бытующие в детской среде, в большинстве случаев заимствованы от взрослых, здесь повторяется то же явление, что и в других областях фольклора: дети берут то, что близко им по содержанию и форме. В загадках сопоставляется отвлеченное и материальное, существенное и несущественное в предметах, отыскивается сходство между самыми отдаленными и, казалось бы, не сопоставляемыми предметами. На основании этих признаков по сходству должна быть дана отгадка. Загадка будит мысль и пытливость, изощряет наблюдательность. Содержание загадок обнимает огромную область как материального мира, так и духовного. К сожалению, загадок от детей записано не много. Большинство из них традиционные, хорошо известные по другим записям, но, конечно, возможно и появление новых загадок, и перед собирателем стоит задача, на которую указывает Г. С. Виноградов: „Интересно проследить, как сочиняются загадки; может быть путем расспросов удастся выяснить, какие загадки известны с давних пор и какие появились недавно“ (IV, 33).

Систематизировав загадки, мы можем выделить следующие темы: человек и части его тела, пища и питье, одежда и обувь, дом, его части и принадлежности хозяйства, животных, растения, природу, время.

К загадкам у нас всегда проявлялся большой педагогический интерес; и, действительно, во всех отношениях, и в художественном особенно, загадки дают бога-

тый материал. В краткой сжатой форме дается целая картина.

Стоит над водою —
Трясет бороною. (Тростник.)

Трах тарарах,
Стоит дом на горах,
Вода брызжет,
Борода трясется. (Водяная мельница.)

Сопоставим с загадкой о ветряной мельнице:

Птица юстрида
На ветер глядит,
Крыльями машет,
А лететь не может.

Вспомним загадку о росе:

По полю ходила,
Ключи обронила.
Месяц видел —
Не сказал.
Солнце увидало —
Подняло. (XIX)

В „Живой старине“ помещен сборник загадок для детей, составленный учениками сельской школы под руководством учителя; в сборник вошло 320 загадок, систематизированных по темам. Сборник дает ценный материал, но среди народных загадок попадаются несколько, повидимому, сочиненных для детей, например:

Чист и ясен как алмаз,
Дорог не бывает;
Он от матери рожден —
Сам ее рождает. (Лед.)

Другие же переданы не народной речью:

Пялшу по горнице с работою моею.
Чем больше я верчусь,
Тем больше становлюсь. (Веретно.) (CIX)

В нашем материале среди загадок, записанных от детей, преобладают общеизвестные, часто попадающиеся в книгах и сборниках. Приведем некоторые из них.

Два стоят,	Встану я рано,
Два лежат,	Пойду я к Ивану,
Один ходит,	К долготу носу —
Другой водит. (Даврь.)	К толстой голове. (Рукомойник.) (I)

По какой дороге полгода ездят, полгода ходят? (По реке.)

В детских песенках иногда встречаются и загадки, так в нижеприведенной песенке последние четыре строчки представляют собою загадку на лень.

Уж ты, тетушка,
Мое зернышко,
Топи хату,
Гляди в печь,
А я буду блины печь.
Матушка Волга
Широка да долга,
Стул на горах
О семи головах,
В нем ядро
Говорит добро. (LXII)

В Архангельской губернии записана, как колыбельная, загадка о колоколе:

Выстану на виль - виль - виль;
Да ударю циниль - виль - виль,
Да утешу царя в Москве,
Да удивлю царя в Литве. (XXIX)

Близко к загадкам подходят и задачи; иногда эти задачи числового характера в роде следующей:

Летом гуси над лесом и надо им сесть отдохнуть. Если они сядут по два на дерево, дерево останется, а по одному — гусь останется. Много ли деревьев и гусей? (2 дерева, 3 гуся.)

Сидят четыре кошки, против каждой по три кошки, много ли их? (4 кошки по углам избы.)

Шли столбом
Сын с отцом,
Да дед с внуком.
Сколько их? (Трое.)

Сюда же относятся вопросы, основанные на синонимах. Вопросам придается форма числовой задачи, а потому вопрошаемый вместо того, чтобы ответить на простой вопрос, старается разрешить ее как задачу. „Мужик купил козу за три рубля. По чем коза пришлась?“ „По чем“ большею частью понимается: „сколько обошлась“, „сколько стоит“, и вместо того чтобы ответить „по земле“, следует ответ: „три рубля“.

Еще в таком же роде вопросы:

После семи лет что козе будет? (Пойдет 8-й год.)
Какой в реке камень? (Мокрый.)
Может ли дождь идти два дня сряду? (Не может, потому что между днями ночь.)
От чего гусь плавает? (От берега.) (CX)

Все эти задачи народного происхождения пользуются большим распространением и среди детей города, и редкий школьник незнаком с ними.

ГЛАВА XV. СКОРОГОВОРКИ.

СКОРОГОВОРКИ основаны на трудности произношения — особенно при быстром их произнесении. Приведем несколько скороговорок, записанных от детей:

Спит козпак, везет козпак, да не покозпаковски.

Свинья тупорыла, весь двор перерыла, вырыла полрыла. (LXXX)

Тур туп, тупогуб.

У быка губа тупа. (V)

Сыворотка из-под простокваши (LXXX) и т. д.

Приведем для параллели и немецкую детскую скороговорку:

Sechs und sechzig schok sachsiche sechsig schuhz Weke. (XLII)

Г. С. Виноградов приводит из своих материалов шутки и вопросы, в основе которых лежит каламбур.

„Ты можешь перебросить через заплот соленый огурец?“ — Конечно перебросю. — „А вот не перебросишь“. Дело разъясняется, — вопрос обозначает: „Ты можешь перебросить через заплот огурец с Аленой?“

В таком же роде и озадачивающие замечания. Подходя к девочке или мальчику и указывая на швы, говорят: „У тебя вши-то вши-то“ вместо „вши-то“. Или „сколько вшей“: вместо „сколь ковшей“ (IV, 33).

ГЛАВА XVI. ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРЫ И ГАДАНИЯ.

ВЗРОСЛЫЕ передают детям некоторые заговоры — цель их предупредить какую-нибудь немощь или болезнь, или же обеспечить ребенку силу, здоровье всего организма или его частей. Дети, усвоив эти заговоры, повторяют их сами, но в детских устах они носят другой характер, чем заговоры от разных детских болезней — грыжи, родимчика и других, произносимые взрослыми с соблюдением внешних форм, в известной обстановке. Заговоры, которым учат детей, в устах взрослых носят успокаивающий ребенка характер. Возможно, что некоторые из них выродились из настоящих заговоров, некогда соединенных с какими-нибудь отжившими и забытыми верованиями, от которых уцелела одна словесная формула.

При купании маленького ребенка, обливая его водой, говорят:

Вода текучая,
Дитя растучее,
С гуся вода —
С тебя худоба.
Вода кнizu,
А дитя кверху. (I 36)

В Вологодской губернии в этом случае говорят:

С гоголя вода,
С гоголики вода,
Сон да легота —
Доброе здоровье. (I)

Особенно большим распространением пользуется заговор, связанный с выпадением молочных зубов. „Обычай выбрасывать молочные зубы, выпадающие у ребенка, с известными приемами и произнесением известных формул, повидимому, принадлежит к международным. Он известен великороссам, полякам, немцам, норвежцам, грузинам, болгарам. Обыкновенно выпавший зуб перебрасывают через голову назад, повернувши его над головой три раза, затем бросают его в огонь, в печку или просто в угол. Обращаются к огню, к мышке, вместо костяного предлагают деревянный, просто старый зуб, а взамен просят „новый“, „костяной“, „каменный“, белый как „серебро“, „стальной“ и т. п. (CXI).

В Архангельской губернии бросают зуб в то место, где есть мыши, и говорят: „На тебе, мышка, репяной зуб, дай мне костяной“ (XXIX). В Костромской губернии говорят: „Мышка, мышка, на тебе зуб костяной, а мне дай стальной“ (CXII). У гагаузов¹ выпавший зуб закапывают в хлебный мякиш, выбрасывают во двор и обращаются с той же формулой, но не к мышке, а к вороне (CXI).

Когда ребенок ушибется, поглаживая его по больному месту, говорят:

У кошки болю,
У собаки болю,
У лошади болю,
А у Ванюши не болю. (LXXX)

В Новгородской губернии при умывании больного ребенка говорят:

У лисы болю,
У волка болю,
У Николаши болю
На березку в лес улети. (I 106)

¹ Гагаузы — выходцы из Турции, живут в Бессарабии.

Когда у ребенка на глазу ячмень, во Владимирской губернии говорят:

Ячмень, ячмень,
На тебе кукиш.
Что хочешь — купишь.
Купи себе топорок —
Отруби себе головку,
Как маковку. (I, 107)

В Архангельской губернии записан заговор от лени, его произносят, когда ленивые дети после сна долго потягиваются в постели:

Лень потягота,
Поди на Федота,
С Федота на Якова,
С Якова на всякого. (XXIX)

Некоторые приговоры связаны с детскими приметами, повериями и гаданиями. Мы приводили уже грибные песенки и связанные с поиском грибов приметы, говорили мы также об обращениях детей к божьей коровке с вопросом о погоде.

Повсеместно распространено обращение к кукушке с вопросом:

Кукушка, кукушка,
Долго ль мне жить?

Сколько раз в ответ на этот вопрос кукушка прокукует, столько лет и жить осталось.

В немецком детском фольклоре есть песенка с обращением к кукушке:

Kuckuck Knecht
Sag mir recht,
Wie viel lahr ich leben soll?
Belüg mich nich
Sonst bist du der rechte Kuckuck nicht.

(Кукушкин слуга, скажи мне верно, сколько лет мне жить, не солги мне, иначе ты не настоящая кукушка.)

ГЛАВА XVII.

ФОРМЫ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА.

РАЗРАБОТАТЬ поэтику детского фольклора — дело будущего. Для этого нужна большая подготовительная работа, которая еще не проделана, а главное нужно располагать еще большим материалом, чем мы имеем. Наша задача скромнее, мы хотим отметить наиболее характерные явления формальной стороны детского фольклора, те стороны, не осознав которых, трудно приступить к работе над детским фольклором в разных направлениях.

Детский фольклор образовался путем естественного отбора. Из всего того, что пелось и сказывалось детям, переходило из поколения в поколение, и уцелело то, что особенно нравилось, забавляло и легко запоминалось детьми. Дошло наиболее совершенное по форме и содержанию с точки зрения интересов ребенка. Элементарность детского фольклора позволяет с особенной отчетливостью выявить зарождение и проследить эволюцию формальных приемов песен, прибауток, детских сказок и других видов народного творчества для детей.

Мы начнем с поэтического словаря детского фольклора. Его изучение должно было бы начинаться в связи с словарем обиходного разговорного языка крестьянского ребенка. Изучение детского языка начато у нас недавно, уже накоплен некоторый материал и намечаются выводы, но все наблюдения велись над детьми городской среды, крестьянский ребенок не вошел еще в поле наблюдений специалистов, и только фольклористы

дают кое-какой очень небольшой материал. Известно, что Шейн собирал материал для изучения языка крестьянских детей, но его записи не были напечатаны.

С. Виноградов, положивший основание изучению детского фольклора, выдвигает значение изучения языка крестьянских детей и намечает интересную программу собирания. „Не следует обманывать себя надеждой в короткий срок составить полный словарь, даже охватывающий только материал небольшого района. Такая работа потребует продолжительного времени и сотрудничества многих сил. Нужно вскрыть полное содержание только двух-трех десятков слов и тогда, можно думать, очевидно будет, что „слова — это образы“, а детский словарь — это едва ли не вся детская жизнь, „расположенная в алфавитном порядке“ (V).

Речь ребенка тогда, когда она становится способом общения с окружающими, в первую очередь обогащается существительными; в этом выявляется конкретность мышления ребенка: характер этих существительных обуславливается наличными интересами возраста и впечатлениями окружающей обстановки; после существительных следуют глаголы. Когда ребенок начнет разбираться в отношениях между предметами и накапливает материал для выражения этих отношений, тогда в его речи начинают появляться прилагательные. Затем ребенок начинает употреблять местоимения, в первую очередь личные и притяжательные („я“ и „мой“). Рано появляются в речи ребенка и числительные.

Почти до трех лет ребенок чужд формальным изменениям употребляемых им слов. Изменения по флексиям появляются у него почти одновременно во всех главных формах. Это объясняется, вероятно, тем, что к этому времени ребенок начинает понимать возможное соотношение слов в предложении. По отношению к существительным обычно появляются первыми дательный падеж, а потом винительный. Значительно позже осталь-

ные падежи. В глагольных формах рано усваивается повелительное наклонение.

Понимание логической связи между явлениями внешним образом выражается в том, что ребенок начинает задавать вопросы об этих отношениях. Бесконечные детские вопросы: „что?“ „как называется?“ „где?“ сменяются в это время вопросам: „почему?“, „как?“, „зачем?“. Столь распространенные в детском фольклоре песенки с вопросами как бы отмечают эту детскую пылкость, выражающуюся в бесконечных вопросах:

„Где были?“
— Коней пасли.
„А где кони?“
— За ворота ушли...

Или же:

„Что Иван делает?“
— Косы точит.
„На что ему косы?“
— Сено косить... и т. д.

К пятому году начинают у всех почти детей появляться и придаточные предложения. Сравнительно поздно появляются союзы и наречия. Когда ребенок овладел основными формами языка, он начинает образовывать в свою очередь новые слова, по аналогии с усвоенными. Он образует слова от известных ему корней, в его словообразованиях есть своя логика, но они расходятся с употребительными формами. Ребенок так же изобретателен и смел в своих словообразованиях, как поэт; пожалуй, еще смелее в своей наивности, в своей естественности. Ребенка всегда задевает слуховое сходство, он ищет настойчиво объяснения: „Мама, почему называются „плотники“? Они плотно работают, да?“ „А слесарь—это как лес?“ 4-летний мальчик спрашивает: „Сегодня какой день?“ — Вторник. „А вчера был?“ — Понедельник. „А завтра будет?“ — Среда. „А почему

это так называется—среда? Надо говорить средник. А среда ни на что не похожа“ (СХIII).

Приведем пример из собственных наблюдений. Мальчик 5 лет рассматривает картинки в книге и предлагает вопрос по поводу одной из них. Ему отвечают: „Художник так нарисовал“. — „Он совсем не художник, он очень хорошо нарисовал“. Через некоторое время мальчик нарисовал картинку и, показывая ее, сказал: „Посмотри, какой я хорошник“; нарисовав еще картинку, которая ему особенно понравилась, он сказал: „А теперь я прекрасник“. Когда я рассказала об этих словообразованиях ребенка М. М. Серовой, она в свою очередь сообщила мне об одной старушке — крестьянке Новгородской губернии, которая, услышав слово „художник“, выразила неодобрение, что „неладное слово про человека сказали“.

Приведем еще детские словообразования: мед добывает — медник; воду возит — бочник; долотольщик работает — долотом; лопаточник делает лопаты. Существительные от глаголов: паха (соха от пахать), поле драги (а не „поле брани“), падули (вместо „ходули“), я нашел блестянку (жестянку). Из существительного глаголы: задверь комнату, замолоточить гвоздь, мой дядя обородел, вышагни отсюда, веревочка разузлилась. Прилагательные: заразитая болезнь, кусастая собака, богин дом. „Что большинство детских словообразований совершенно правильны, доказывает тот факт, что множество детей в своих словечках встречаются друг с другом; затем совпадают в своем творчестве с творчеством поэтов, и главное, с их языка слетают по-настоящему народные слова“. Рыбникова приводит пример такого совпадения детского и народного языка. Ребенок при виде гуляющих парами школьников восклицает: „Стадо детиное!“ Вопленица в причитании говорит то же: „Стань— послушай, мое стадушко детиное!“ (СХIII, 21).

Поэтический словарь детского фольклора отличается большей устойчивостью, чем словарь разговорного дет-

ского языка и в нем легче выделить формы и сделать некоторые обобщения.

Словарь пестушек, потешек, прибауток и песенок, которыми развлекают детей в первые годы их жизни, ограниченнее словаря песен, бытующих среди детей старших возрастов. В них преобладают существительные, затем глаголы, меньше значительно прилагательных и других частей речи.

В детском фольклоре мы встречаем слова того языка, которым часто взрослые говорят с маленькими детьми. Создание таких слов объясняется, с одной стороны, желанием облегчить первые опыты речи ребенка, давая ему простые слова, большей частью одно- и двухсложные из звуков, легко произносимых детьми, а с другой — той нежностью, которая характеризует отношение взрослых, особенно женщин к детям. „Бяка“ на этом языке обозначает все дурное; „бука“ — страшное существо; „тютю“ — нет, пропало; „ам-ам“ — еда, а затем слова: дядя, мама, тетя и много других, последние слова приобрели права гражданства и в языке взрослых.

В колыбельных, пестушках и потешках мы постоянно встречаемся с этими детскими словами:

Дам тебе папы
В обе лапы.
Ты ешь, котик, не кроши,
Больше папы не проси.
(Папа на детском языке — хлеб.)

Поди, бука, под сарай.
Мою детку не путай.

Дыбки дыбочек
Сашеньке годочек.
(Дыбки — стоять.)

Записанные в разных местах детские песни содержат часто особенности местного говора и слова, не всегда понятные для лиц, не знакомых с этим говором. Некоторые собиратели детского фольклора, особенно

имевшие задачи педагогические, а не этнографические, заменяли такие слова общеупотребительными и вообще сглаживали народный язык, придавая ему литературную обработку. Записи последних годов этим меньше грешат и воспроизводят песни возможно ближе к народной передаче:

В колыбельной песне, записано в Тверской губернии:

Молодым молодушкам
По сборничкам.

В Псковской губернии:

Молодым молодушкам
По кокошничкам.

В первом случае местное название головного убора.

В названиях одежды и кушаний мы встречаем особенно много местных названий. В вариантах колыбельной песни, в которой перечисляются покупки, сделанные на ярмарке, мы встречаем: „треух“, „валенки“, „катанцы“, „коты“, „чоботы“, „полущалок пуховый“, и т. д. Такое же разнообразие в местных названиях кушаний, кроме общеизвестных „пирогов“ и „ватрушек“, говорится о северной „шаньге“, „козулах“, „витушках“, „кокорках“, „колобушках“, „гуще“ и т. д.

О варваризмах в детском фольклоре говорить не приходится — их нет, если не считать нескольких случайно попавших, вероятно, в позднейшее время слов. В одной колыбельной песне поется:

Лучше выпинься,
Не закуражнись. (I, 61)

Особую выразительность и эмоциональность детским песням, прибауткам и некоторым сказкам придают суффиксы, которыми богат народный русский язык. Совершенно естественно, что в обращении к ребенку больше всего уместны суффиксы уменьшительные. Произведения детского фольклора полны словами с уменьшительными

суффиксами, особенно много встречаем мы их в колыбельных, пестушках и потешках. Уменьшительные суффиксы оттеняют разные субъективные оттенки отношения к предмету. Одно из их значений — чувство ласки. Понятия „малый“, „милый“ и „юный“ совпадают, во всяком случае трудно установить между ними разницу. „Братчик“, „сестричка“, сперва понимаемые буквально, стали обозначать субъективное к ним отношение: милый, милая. Иванушка — это маленький Иван, он мал, юн, а так как он мал и юн, то и мил: психологически вполне объяснима связь представления о малости с чувством приятного от него, отсюда и ласка к малому и ко всему, что с ним связано, в этом источник преобладания слов с уменьшительными суффиксами в колыбельных и других детских песнях (СХІV).

Есть колыбельные и детские песенки, которые сплошь состоят из уменьшительных слов. Вспомним одну из самых популярных потешек „Ладушки“, которой забавляют маленьких детей.

Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька.

Очень часто уменьшительные суффиксы применяются по аналогии к понятиям, не поддающимся уменьшению:

Потягунышки,
Вдоль растунышки,
Поперек толстунышки,
Глазками глядунюшки,
Язычку говорунюшки,
Ручками держунюшки,
Ножками ходунюшки. (I)

В других вариантах:

В роток говорок,
В головку разумок.

Дитя растушечки,
Ножки ходушочки,
Ручки гребушочки.

Образуются уменьшительные формы и от наречий:

Вставал
Ранним ранешенько,
Умывался белешенько.

В этих примерах никакого представления о малости не вносится. Чувство ласки переносится на предметы, случайно упоминаемые при обнаружении чувства к главному предмету речи:

Доброе здоровьице
То Машеньке.

А кот с горюшка,
Кот с кручинушки.

О богатстве и разнообразии уменьшительных суффиксов мы можем судить по некоторым словам, имеющим несколько уменьшительных форм: „гули“, „гулиньки“, „гулюшки“, „голубки“, „голубочки“, „голубинчики“, „котик“, „котинька“, „коточек“, „коташка“ и т. д.

Увеличительные суффиксы в детском фольклоре употребляются, когда говорится о чем-нибудь страшном:

Сер-волчице,
Стар-старичице.

В детском фольклоре очень разнообразно развигывается словотворчество, мы постоянно встречаемся с необычными словами, выходящими из рамок обыденной речи, но, несмотря на эту необычность, вполне понятными.

Часто употребляются парные созвучные слова „Федя-медя“, „каракуля-маракуля“, „шишел-вышел“, „сею-вею“, „зайныка-пайныка“, „шильце-мыльце“, „чушки-бушки“, „живалко-бывалко“, „шестом-пестом“, „атыбаты“, „эни-бени“ и т. д. Образуются также составные слова: „кошка-пустомоечка“, „телица-белолобица“, „собака-белобоковица“, „собачка-пустолаечка“ и т. д.

Словотворчество в названиях животных отличается особенным разнообразием. Возьмем варианты известной детской песенки:

Ай чу-чу, чу-чу, чу-чу,
Я горох молочу.
На чужом току
На прилипочке.

и сравним названия курочки в разных вариантах

Ко мне курочка летит,
Гарабурочки клевать.

Ко мне курочка летит,
Конопаточка спешит.

Ко мне курочка летит
Хороборочка клевать.

Ко мне курочка летит,
Конопелочка летит.
Она рябенькая, полосатенькая.

Ко мне курочка летит,
Тараторочка летит.

Разнообразны названия, характеризующие животных, в песнях „Служил я пану“ и „Станем-ка, женушка, домок наживать“: „утка-поплавушка“ — „водомутка“, „гуска-водоплюска“ и т. д.

Песня не дает такого простора для словотворчества, как сказка, менее связанная формой. В одной сказке, давно перешедшей в разряд „ребячьих“, особенно богато и разнообразно разворачивается словотворчество. Сказка эта известна больше всего под названием „Теремок“ или „Теремок мышки“. Содержание ее очень несложно и приблизительно одинаково во всех вариантах: Лежит в поле решето или кувшин, рукавица, кобыля голова, пробегает какой-нибудь зверек или насекомое и поселяется в теремке. Один за другим приходят разные животные

и спрашивают: „Кто в тереме живет?“ Находящиеся там животные называют себя и в свою очередь спрашивают: „А ты кто?“ Вновь пришедший говорит, кто он, и его пускают жить в теремок. Последним является медведь и давит всех обитателей теремка; в некоторых вариантах конец благополучный — звери разбегаются. Интерес этой, очень примитивной по содержанию, сказки в необычайных и крайне разнообразных прозвищах, которые даются животным. В некоторых вариантах животное не называется, дается только прозвище, и слушателю предоставляется догадываться, какому животному оно принадлежит.

Вошь — „поползуха“.

Блоха — „попрудуха“, „поскакуха“.

Клоп — „блинник“.

Муха — „горюха“, „шумиха“, „камуха“, „баройдувья“.

Мышь — „тютюрюшечка“, „норышка“, „по углам мухта“, „серка“.

Комар — „долгоногий“, „пискун“.

Волк — „полчище серый хвостик“, „из-за кустов хип“, „из-за кустов хватыш“, „серко“.

Медведь — „типыш-лапыш, всем подгетыш“, „лесной гнет“, „всех давишь“, „из берлоги валень“.

Змея является только в одном варианте и называется „из-под куста шипун, за ноги типун“.

Некоторые названия ничего не обозначают — это просто созвучные слова: „муха-камуха“, „мышь-тютюрюшечка“. Другие же прозвища смыслового содержания и характеризуют животное с какой-нибудь стороны — или со звуковой: „комар-пискун“, „лягушка-квакушка“, „собака — гам-гам!“, или с зрительной: „мышь серка“, „комар долгоногий“, или с моторной: „волк из-за куста хватыш“, „заяц — везде поскакиш!“. Только в одном варианте мы встречаем „лиса-лукавица“, т. е. характеристика не по внешним, а по внутренним качествам (СХХIV).

Мы остановились на сказке „Теремок“, как на особенно показательной для народного словотворчества, но

и другие сказки могут дать яркие примеры в том же духе.

Образуются новые словесные формы при повторении корней:

Сова ль, моя совушка,
Рукодельна вдовушка.
Она тых-тых-тых
Недотыкивала.
Она тых-тых-тых
Перетыкивала.

Уже ты, гриб грибовый,
Доведи меня домой.

Слова образуются путем надстройки над корнями:

Приукатана гора

Они порят,
Перепарывают.

Насугнали kota
Посреди белого двора.

На овине Арина
Ткет полотно.
Ткет — потыкает,
Недотыки кладет,
Перетыкивает.

Квасил и крас,
Да не выквасил.

Упомянем еще о некоторых грамматических формах, встречающихся в детском фольклоре.

Часто употребляются прилагательные краткого окончания:

Сер медведь
Старый дед.

Твой сыночек
Бел груздочек.

Барашки — круты рожи
Вороны — стары жены.

Зыбочка дубова
Качалка шелкова

Пестунья толкова.
Старуха стогодова,
Плата сторублева.

Усеченная форма местоимений встречается преимущественно в записях северных губерний (Вологодской, Архангельской, Олонецкой); там это особенность говора.

Сон да дремота
У тя в сердцах,
Кунья-то шуба
У тя в головах.

Очень часто окончание „и“ в неопределенном наклонении вместо „ь“.

Дремота говорит:
„Дремать хочу“.

Много наречий, образованных от творительного падежа:

Задком, передком
На боярский двор.

Никола-Миколой,
Наполни лукошко
Стогом, верхом
Перевертышком.

Большинство детских песен состоит из простых предложений, редко встречаются придаточные предложения, а если они имеются, то никогда не связываются с главным предложением относительным местоимением. Определение ставится очень часто после определяемого:

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая.

Вода текучая,
Дитя растущее.

Встречаются предложения с пропущенным главным членом:

Тоню тяну (я),
Рыбу ловлю
В кошель кладу,
Домой несу.

Тятеньке — сажень (даю)
Маменьке — сажень
А Колянке
Большую, наольшую.

Печу-печу хлебчик
Большенький большому
Меньшенький — меньшему
Пусть в печь.

В понедельник — на могильник (я иду),
Во вторник — на кокорник,
В среду — на берегу,
В четверг — по ячмень... и т. д.

Разложение слитного предложения на простые и повторение одного и того же члена предложения.

Станешь в людшки ходить
Станешь денежки носить,
Станешь работу работать,
Станешь пашеньку пахать.

Узнали про сову
Узнали про вдову

В сказке о медведе поется:

И вода-то спит,
И земля-то спит,
И воля-то спят,
И медведи спят... и т. д.

Повторение предлогов:

На каждой, на лавке
По блину, по калачу.

Местоимение „тот“ и частицы „то“ „от“ употребляются после имени:

Поп-от крестом
Попадья-то пестом.

Детские песни очень часто начинаются обращением:

Глупый сон, сон,
Неразумная дрема,
Мимо ты ходишь,
Дитя не находишь.

Котинька, коток,
Котя, серенький лобок.
Приди, котя, ночевать
Мою деточку качать.

Деточки, золотые цветочки.

Обращение в начале песенки не обуславливает формы во втором лице всей песни, часто это прием оживления песни, за которым следует формы в третьем лице.

Кукуреку кочеток!
На повети мужичек
Лапти плел...

Лучина, лучина,
Гори жарко.

Едет Захарка
Сам на лошадке... и т. д.

Диалогическая форма — один из излюбленных приемов детской песни, диалог вставляется в песенку:

Шапочка курганочка
Бежала по лавочке
Задком, передком
На боярский двор.
„Где бояре живут?“
— Под окошечком... и т. д.

Некоторые песни строятся в форме диалогов, так, например, приведенная выше песня „Туру, туру, пастушок“ представляет диалог между пастушком и неизвестным лицом. О песнях, представляющих цепь вопросов и ответов, мы также говорили не раз и указывали на большое их распространение среди детей. В детских песнях не упоминается лицо, которое говорит, и только иногда это выясняется из содержания песенки.

Детские песни в большинстве случаев связаны с ритмическими движениями. При пении колыбельной песни мать укачивает ребенка, и ребенок пассивно участвует в ритме песни, так как его телу сообщается движение качания. То же мы наблюдаем при пении ребенку пестушек и потешек. „Ладушки“ сопровождаются ритмическими ударами в ладоши, такие же ритмические движения производятся при пестушках, сопровождающихся подбрасыванием или качанием ребенка на коленях. Когда дети подрастают и начинают самостоятельно заниматься, очень часто песни сопровождают движениями; произносятся считалки, дети скандируют, и при определенном стихе рука и пальцы делают движение, и другие песенки часто соединяются с ритмическими движениями.

Большинство детских песенок произносится нараспев, многие из них поются.

Мы не будем останавливаться на музыкальной стороне детской песенки, это не входит в наши задачи, остановимся на словесном строении их.

Детские песенки, особенно те, которыми забавляют детей младшего возраста, не велики по размеру, потешки обычно бывают от 4 до 10 строк, также обращения к дождю, радуге, животным; дразнилки по своему эпиграмматическому характеру в большинстве случаев представляют трех- и четырехстишия и в исключительных случаях развертываются в большее количество строк. Среди песен, исполняемых детьми самостоятельно, находим песни размером до 40 строк. Самые большие песни —

бывшие скоморошными и сатирическими, перешедшие в детский репертуар; так есть вариант песни „Козел“ в 100 и более строк.

Как общее правило, нужно указать на короткие строки в детских песенках. Число слогов колеблется от 4 до 9, но преобладают строки от 4 до 6 слогов.

Стихосложение детских песен, как и других народных песен, относится к типу тоническому, ударение совпадает с прозаическим или, во всяком случае, связано с ним органически. Отличается народная метрика от искусственной тем, что в то время как в последнем роде стихосложения основной, т. е. мельчайшей, части ритма соответствует слог (за исключением конца стиха, где это условие не обязательно), в первом слог иногда приходится на две таких части ритма, иначе говоря, растягивается вдвое, что возможно, конечно, только при пении, поэтому для правильного понимания всякого народного размера необходимо знание соответствующего напева. Впрочем, это следует понимать не так, чтобы ритмический разбор данного народного стихотворного текста был невозможен, если неизвестен его напев, тем более что есть тексты, напев которых неизвестен, но для определения ритма достаточно выяснить признаки, на основании которых песню можно отнести к тому или другому типу песенного ритма. Ритм выступает с наибольшей определенностью в песнях плясовых, так как здесь он воспроизводится одновременно в словах напева и движениях (СХVI).

При литературной скандовке текста детских песен они дают в большинстве случаев хорическую или ямбическую схему, наиболее правильно выражена она в песнях, сопровождающихся ритмическими движениями. Но в большинстве случаев невозможно подвести детские песенки под обычную метрическую схему. Нужно также отметить неровное количество слогов в песенках последнего типа.

Приведем примеры ямбических и хореических размеров детской народной песни:

Чи́ки, чи́ки, чи́кало́чки,
Е́дет Ва́ня на па́лочке,
Ду́ня в теле́жке,
Ще́лкает о́решки.

Иде́т коза́ ро́гатая,
Иде́т коза́ бо́дтая
За ма́лыми за де́тками.

Рифма, как созвучие слов, замыкающих стих, очень широко распространена в детских песнях, нерифмованных песенок очень мало, на них нужно смотреть как на исключение. В нерифмованных песнях встречаются рифмованные строки:

Шла бабка с заморья,
Несла кузовок.
В том кузовке
Лежали грибочки.
Кому — гриб,
Кому — два,
А тебе, дитятко,
Весь коробок.

Среди рифмованных песенок попадают строки нерифмованные, в большинстве случаев это слова, к которым трудно подобрать рифму.

Серому коту
Ему дома недосуг,
Ему пиво варить,
Нас допьяна поить.

Вся песня рифмованная, и только две строчки без рифмы, благодаря трудности подыскать рифму к слову „недосуг“. Часто рифмованная песенка замыкается двумя нерифмованными строками. Известная песенка, начинающаяся словами: „Тоню, тяну, рыбу ловлю“ заканчивается следующими строками:

Спите-тко, ребята,
Не чухайтесь.

В другом варианте:

А в деревне калачи
Как лед холодны.

Рифмы встречаются и мужские („калачи — горячи“) и женские („пирогами — блинами“), значительно реже дактилические и другие.

Вода текучая,
Дитя растущее.

Она рябенская,
Полосатенькая.

По составу встречаются рифмы с одинаковыми замыкающими звуками: „плела — драла“, „рогоже — дороже“, „серенькой — беленькой“, „катышок — женишок“, „жиденьку — сладеньку“ и т. д.

Такие рифмы преобладают в пестушках и потешках. Значительно больше рифм не точных, в которых нет полного совпадения звуков, а лишь сходство.

Идет кисенька из кухни,
У нее глазки опухли.

Ванька пурип
Глаз прищурил.

Рифмуются слова, имеющие отдаленное сходство: „мороз — погост“, „на базаре — рассказал“, „скрип — спит“, „потом — живьем“, „к липе — лыком“. Встречаются и рифмы с повторением корня:

Молоко болтал,
Не выболтал.

Они кройки кроят,
Не докраивают.
Они пухки пухат,
Не допушивают.

Находим мы в детских песенках и внутренние рифмы:

Коростелько на постельке,
Кошки на окошке.

Для рифмы происходит сдвиг ударения:

Рыжий красного спроси́л
Где ты боро́ду краси́л?"

Сдвиг ударения иногда происходит в песенках и для соблюдения ритма:

То́ню т́йну
Рыбу лóвлю
В ко́тел кла́ду
До́мой нёсу.

Строфическое расположение рифмы в большинстве случаев смежное, т. е. рифмы располагаются рядом. Есть четверостишия с однородной рифмой, как, например, в известной потешке:

Били, били, били — бом.
Загорелся кошкин дом.
Бежит курица с ведром,
Заливать кошкин дом.

Воробей, воробей,
Не лети на песок.
Не тупи носок,
Пригодится носок
На овсяный колосок.

В четверостишиях рифма чаще всего располагается по схеме „аа“, „бб“.

Дождик, дождик, пуще.
Дам тебе я гущи,
Дам тебе я ложку,
Хлебай понемножку.

В песнях с большим количеством строк рифмы располагаются иногда по три под ряд, затем по две и, как мы указывали выше, могут быть перерывы и попадаться строки, не рифмующие с другими.

Значительно реже попадаются рифмы перекрестные, по схеме „аб“, „ба“.

А кобель на цепи
Укрывается.
А комья на печи —
Обуваются.

Кошка на окошке
Ширилку моет.
Кот-то кошке
Указывает.

Приходила к Яше
Красная девица.
Говорила Яше
Красавица белолица.

Из приемов звукописи в детском фольклоре имеют широкое распространение всевозможные междометия, звукоподражания. Это, конечно, является естественным следствием любви детей ко всякого рода звукоподражаниям. В сознательной речи ребенка звукоподражания являются одними из первых слов, которые он произносит: маленький ребенок, показывая, как молоток стучит, произносит „тук, тук“; при виде коровы: „му, му“ и т. д. Дети постарше при играх подражают выстрелам, барабанному бою, свистку паровоза и т. д. Детское устно-народное творчество, выработавшее совершеннейшие формы песенок и сказок, широко пользуется этой элементарной формой звукописи и особенно часто применяет их в потешках, потешках и сказках для маленьких детей. Междометия эти подражают самым разнообразным звукам природы, животных и человека.

Тут мы находим звуки, производимые разными предметами:

Ворота-то скрип, скрип.
А Коленька спит, спит.

Трах-тарарах
Едет баба на дорогах.

Подражание звукам, производимым при разной работе:

Цеп:

Чучу, чучу, чучу-чу.

Я горох молочу.

Веретено:

Ток, ток, токаток

Что ни день, то моток.

В звукоподражаниях представлены разные музыкальные инструменты:

Пастушеский рожок:

Туру, туру, пастушок,

Капиновый батожок.

Тут и труба, в которую трубят то ворон, то мужик, то барин:

Ай дуду, луду, луду.

Сидит ворон на дубу.

Подражание набату, в который звонят, когда загорелся кошкин дом:

Бом, бом, бом.

или

Дон, дон, дон,

Загорелся кошкин дом.

Церковные колокола:

Тень, тень, потетень,

Выше города плетень.

Обильные подражания животным, звуки от движения и ударов частей тела:

Совица из лесница

Глазами-то хлоп, хлоп.

А ковалица из клевица

Ногами-то топ, топ.

Полет птиц:

Шу-у-у, полетели

На головушку сели.

Подражание звукам, издаваемым разными птицами и животными:

Чили, чили, воробей.

Чичи, чичи, сорока.

Кукуреку кочеток... и т. д.

Есть междометия не подражательные, а употребляемые как созвучия, оживляющие песенку:

Тюпки, тютюшку,

Веселы ли душки?

Подниму дочурку

На крутую горку.

Бух! Покатилась,

С горки свалилась.

Поется эта песня маленькому ребенку, когда его подбрасывают на руках и делают вид, что роняют.

Приведем окончание одного из вариантов „Ладушек“, в котором много звукоподражаний:

Чем бабушка била?

Била лозеткой

Сек, сек, сек.

Шшу, на головку

Ку-ку-реки

Ку-ку-реки.

Звуковая сторона выявляется в детских песнях и при помощи более сложных приемов: ассонансов и аллитераций — подбором слов с преобладающими звуками того явления, которое изображается в данной песенке, и подчеркивает таким образом ее содержание. Иногда это просто подбор нескольких звукоподражательных глаголов, так в небыличке:

Стучит, брейчит по улице,

Фома едет на курице.

Первые два глагола создают впечатление того шума, который производит езда на курице.

В дразнилке, которую говорят секретничающим детям:

Шоп, шоп!
Наложил в мешок!

создается впечатление шопота.

В обращении к косарям:

Коси коса,
Пока роса.
Роса долой.
Косец домой. (I)

повторение звука „с“ создает впечатление звука, производимого при косьбе. Интересно сопоставить эту песенку с загадкой: „Ходит щучка по заводи, ищет щучка тепла гнезда, где бы щучке трава густа“ (СХІІІ, 198). Повторение слова „щучка“ с другими словами дает звуковой образ косьбы мерной и свистящей.

Поговорка, подражающая точке кос: „Шарк-шарки, и опять в портки“, повторяется 3 раза (СХV).

В песенке:

Чи!и, чи!и, воробей,
Не кляй наших коноплей,
Копней трещит,
Воробей пищит.
Пекла баба калачи,
Калачи горячи,
Хоть в окошко мечи.
Приехали чернецы
Разобрали калачи.
Прибег мальчик,
Обжог пальчик. (I, 67)

повторение слога „чи“ и звука „щ“ дает впечатление писка и щебетанья воробья.

В детской песне:

Тень, тень, потетень,
Выше города плетень.
У спаса бьют,
У Николы авонят,

У старого Егорья
Часы говорят.
Братцы казанцы,
Поедьте на яйца.
Зайца убьете,
Попа привезете... (I)

воспроизводится звон различных церковных колоколов, первые две строчки с преобладанием звука „е“ производят впечатление звона маленьких колоколов, следующие четыре строки, с преобладанием „а“ и „о“, звучат как большие колокола, а затем со строки „братцы казанцы“ ускоряется темп и звучат как бы несколько колоколов.

Приведем еще одну докучную сказку:

На море на океане,
На острове на Буяне
Стояла ель,
На ели торчало
Мочало,
Его ветром качало,
А оно все молчало.
Не вачать ли сначала? (ІІІ)

Подбор гласных гармонирует также с содержанием и передает впечатление уныло качающейся от ветра одинокой ели, стоящей на острове.

Нужно упомянуть еще скороговорки; в некоторых из них звуко сочетания не только затрудняют произношение, но и осмысливают содержание. „От топота копыт пыль по полю летит“. Быстрое произнесение этой скороговорки производит впечатление частых ударов копыт по земле.

Ту же звукопись мы находим и в загадках. „Иногда схватить звуковой смысл загадки — значит отгадать ее“ (СХІІІ). „Надумал я в поле сесть да хлеба поесть, как откушу, так и заслышу: „наше ешь, наше ешь“ (СІХ). Загадка на колосья, сочетание звука „ш“ с другими звуками напоминает шелест колосьев, колеблемых ветром.

Повторение одного и того же звука не всегда служит для осмысления содержания, а часто только для благо-

звучия. Примером могут служить многочисленные прибаутки, песенки и докучные сказки:

Жили Кутырь да Мутырь.
Жил посреди степца,
Накопил стожок сенца.
Пришли к нему баран да овца,
Подъели стожок сенца.
Не начать ли сказку с конца? (XIX)

В считалках, как мы уже видели, обнажается фонетическая сторона, и звуковая сторона выступает в ущерб смысловой: звуко сочетания исключительно в целях благозвучия.

Сравнения, метафоры, занимающие в народной поэзии такое значительное место, в детском фольклоре приобретают иное значение. Дети воспринимают повитические образы непосредственно; сложные сравнения, метафоры, образы как символы и аллегории им непонятны — для этого нет еще данных в их психике. Вот почему такой распространенный художественный прием в народной поэзии, как параллелизм, в детском фольклоре отсутствует, но часто бывает, что песня взрослых переходит к детям одной своей частью, как конкретный образ.

Сатирические и скоморошные песни о сове, комаре воспринимаются детьми как юмористические веселые рассказы.

В детском фольклоре имеются и другие элементы поэтической речи. Мы находим разновидности эпитетов, встречаем постоянные эпитеты: „мачеха-лиха“, „кашка масляная“, „ложка крашеная“, „котик серенький“.

Усыплю, усыплю
На весь белый день
На всю темную ночь.

Есть и сложные эпитеты: „Ах ты, котенька-коток крутолобенький“, „шейка твоя белогорлистая“, „сороки-белобоки“, „барашки-крутороженьки“, „деточки-малолеточки“, „долгоногий журавль“.

Эпитеты бывают и прилагательные и существительные. Так, в одной колыбельной песне коту в награду обещают:

Петуха-певуна,
Зайца косого,
Медведя слепого,
Лисицу трусею,
Кормилицу плясую.

Столь характерные для русской народной речи эпитеты-приложения постоянно встречаются и в детских песнях: „сова — веселая голова“, „ворона — стары жены“, „маковочки — золотые головочки“, „волк — подопрелый бок“, „сер волчище — стар старичище“.

С. Г. Виноградов указывает на то, что в детском фольклоре, преимущественно в дразнилках, эпитеты субъективные преобладают над эпитетами объективными. Это обстоятельство нужно отнести к особенностям детского восприятия окружающего. „Ребятам чуждо распознавание сущности вещей и явлений. Поэтому напрасно мы стали бы искать в детском фольклоре словесные выражения, в которых была бы схвачена та или иная внутренняя сторона, какое-нибудь внутреннее свойство наблюдаемого; обычно эпитеты фиксируют внимание на внешних признаках предметов и явлений. Отсюда преобладание эпитетов, вызванных настроением“ (VI).

Таковы: „Иван бес“, „Иван долгой“, „Иванушка бедный“, „Маша хромонога“, „Матрена плесея“, „Николенька гусачек“, „Филя-простота“ и т. д.

В детском фольклоре мы находим эпитеты, созвучные с словом, к которому они относятся: „Федя медя“, „Сеня-везенья“, „Иван-болван“, „Никита-волохита“, „Алешка-картошка“ и т. д.; также эпитеты с корневыми созвучиями: „крив-кривца“, „пегушка-пегая“, „гриб-грибовый“, „стар-старичище“. Бывают случаи каламбурного осмысления имени, выведенного из одних кор-

ней, этимологически не родственных: „Витька-ветер“ (через Витька ветерок), „Яшка-якут“ (через Яков или Якушка) „Колька-калека“, „Петька-петух“ и т. д. (VI).

Сложных сравнений в детском фольклоре мы не найдем. Те сравнения, которые чаще всего попадают, это развитые эпитеты, для которых не нашлось сложных слов. Сравнения передаются или творительным падежом: „нос крючком, голова пучком, спина ящичком“, или при помощи слова „как“. „с“: „на печи калачи как огонь горячи“, „корова-то с кошку, надоила с ложку“.

В детских песенках, особенно юмористических и дразнилках, встречаем мы и гиперболы. Вот как говорится о мужике-обжоре:

Мужик песню спел,
На капустник сел,
Съел три короба блинов,
Три костра пирогов,
Заулок рогулек,
Овин киселя,
А и кядку щей,
Полну печь калачей. (XIX)

Детские народные песни полны движения, одно действие сменяется другим:

Поповы ребята
Горох молотили,
Цепы проломали,
За овин побросали,
Овин загорелся,
Поп испугался,
Полез под кадушку... и т. д.

А вот из другой песенки:

Прилетели дергачи,
Похватали калачи,
Прибег мальчик,
Обжог пальчик,
Побег на базар
Всем ребятам рассказал.

Детская песня редко останавливается на предмете и дает его описания, а если что-нибудь и описывает, то не многословно, но ярко и образно.

Описание колыбели:

У нашего у Баюши
Колыбелька хороша:
Вся раскрашенная,
Вся расписанная.
Стойки точеные,
Поволоченные.

Описание дома:

Мой дом недалеко
Посреди Москвы.
Красные окна,
Зеленые стекла.
Лесом покрыты,
Гвоздями прибиты. (I, 122)

Описание саней:

Трое саней с козырьми,
Шелком обиты,
Серебром покрыты
Сани новые. (I, 102)

ГЛАВА XVIII.

КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ В ДЕТСКИХ ПЕСНЯХ И ИГРАХ.

ПЕРЕХОДЯ из поколения в поколение, детские песни и игры изменялись, подвергались переработке, но, дойдя до нашего времени, они все же сохранили некоторые следы своего древнего происхождения. На эти культурные пережитки и исторические воспоминания в детских песнях и играх обращали внимание исследователи устно-народного творчества и отмечали некоторые из них в своих исследованиях фольклора. У Буслаева, Бессонова, Костомарова, Сумцова и др. мы можем найти отдельные, большей частью краткие замечания по этому поводу, но ни одной работы, посвященной специально этому вопросу, нет.

Мы уже говорили о том, что обращения к дождю, радуге, солнцу, заклинание весны, куликов, жаворонков, так же как обращения к улитке и птицам, очень распространены среди детей разных народов, идут из глубокой старины и представляют пережитки заклинаний, от которых осталась только песенка, но давно уже утратилось воспоминание о том обряде и тех верованиях, которые были соединены с ними. Такой же культовый пережиток представляют и некоторые детские игры. Самый яркий пример игра „Кострома“, о которой мы не раз уже упоминали и указывали на то, что корень ее в обрядовой игре, символизировавшей весеннее воскресение природы. Игра эта сохранялась долго среди взрослого крестьянского населения, а потом перешла к детям.

Такой же пережиток и в так называемом „чураньи“ у детей. „Чур меня!“, „чур-чур!“ — в этих возгласах, постоянно употребляемых детьми при различных играх, сохранилось воспоминание о „чуре“ — славянском боже-стве, охранявшем пограничные знаки.

Кроме этих откликов глубокой старины, мы встречаем воспоминания разных исторических периодов. Прежде всего сохранились в детских песнях и играх названия профессий, должностных лиц, сословий, давно уже исчезнувших из быта. В одной распространенной песенке, которая записана была и как колыбельная, и как считалка, и как игра, упоминается тиун — название древнерусского должностного лица разных разрядов, по „Русской Правде“ тиуном назывался приказчик из холопов, а позже — должностное лицо с властью судебной и административной. Приведем один из вариантов этой песенки, на которую обращали внимание многие исследователи:

„Ты куколка,
Я куколка.
Ты маленька,
Я маленька.
Где ты была?“

— У вечерни пробыла.

„Что ты в гости не пришла?“

— Побоялась тиуна.

„Тиун тебе не судья
Судья — Владыко“. (I)

По поводу этой песни Буслаев говорит: „Тиун и многое другое из русской старины могло войти и удер-жаться в песне, потому что самая песнь сложилась гораздо раньше этой старины, которая в свое время была еще новизною и налагала новые заплатки на древнюю ткань, и как у нас дети боялись тиуна, так в неаполитанском населении дети же призывают солнышко обогреть импе-ратора, память о котором застряла в детской болтовне может быть от времени Фридриха II или Барбароссы,

которому по берегам Неаполитанского залива народная молва приписывает разные развалины" (XXXVI, 672).

Постоянно встречаются в детских песнях бояре, боярские дети. В Ярославской губернии, в Пошехонском уезде, дети, держа в руках цветки ромашки, называемой там „попом“, поют, пока из цветка не выползут мелкие черные букашки.

Поп, поп, выпусти собак.
Бояре едут, овимь топчут.

А Ивашка попов сын
Загонял волков
На боярский двор. (I, 120)

Курочка по двору
Покашивает,
Цыпляточек своих
Поваживает.

Хохолок подымает,
Бояр утешает,
Бояре смеются,
У них бороды трясутся. (I, 30)

Упоминаются боярские дети:

Не ходи, баба, в день,
Не обманывай людей,
Да боярских детей.

Холопы и князья:

У нашего князя
Собаки борзые,
Холопы босые. (I, 91)

В песенке, которую дети в Нижегородской губернии поют божьей коровке, они называют ее скоморохом:

Скоморох, скоморох,
Полетай на горах.
Там твои дети
На повети,
В красненьких рубашках,
В беленьких порточках. (XXIV)

Таким же пережитком для детей будущих поколений будут слова „дворянин“, „барин“, встречающиеся также в детских песнях.

В песне „Туру-туру, пастушок“ упоминается о царе Константине — отзвуки византийской старины. В той же песне местопребывание этого царя Константина, у которого жена Мария, указывается Киев:

Жена его Марья
Породила сына.
— Как его имя?
Царя Константина.

Другая подробность в этой песне, требующая разъяснения: царь „Туру ногу пишет“. По объяснению Даля „тур“, „турок“ — печной столб, основание которого (нога) расписывается пестрыми красками. В вариантах этой песни, записанных в Вологодской губернии, Тотемского уезда, в 1924 г. „Турьим рогом книгу пишет“ — несообразность, которая произошла от непонимания слова.

Эпоха татарщины, оставившая большой след в устно-народном творчестве, дала отзвуки и в детском фольклоре; мы уже говорили о колыбельных песнях с воспоминаниями о временах татарщины, но это, конечно, не детские песни, но есть песни и чисто детские, в которых упоминается о татарах.

Жук, жук, где твой дом?
Мой дом под навозом.
Ехали татары,
Мой дом растоптали. (I, 64)

В Херсонской губернии, обращаясь к солнцу, дети просят открыть окошечко и грозят тем, что

От татары едут
Тебя зарежут. (LXIV)

В другой песне, которую поют дети, когда растаптывают муравейник и когда муравьи начинают прятать

яички, называемые в этой местности подушками, говорится:

Хватайте подушки,
Татары идут
И вас заберут. (LIV)

Приведем еще детскую песнь, записанную во Владимирской губернии:

Мочало, мочало,
Куда тебя помчало?
Там живут воры,
Татары те воры.
Ваяли они по палке,
Ударили в доску,
Поехали в Москву.

Крепостное право, лежавшее столько веков тяжелым гнетом на народе, дало очень небольшое отражение в детском фольклоре; в нем мы встречаем скорее отдельные бытовые черты крепостного уклада — быта помещичьего с дворней, сениными девушками, мамками, няньками, поварами и лакеями, о которых упоминается в колыбельных песнях, бытовавших и, вероятно, сложенных в этой среде, а затем перенесенных и в крестьянскую. В этих песнях говорится о „подзатыльничках, которые раздаются старухам“ и о барских обносках, которые будут получать няньки и мамки.

В Херсонской губернии среди детских песен записана молитва повара, он молится, чтоб избавиться:

От двух панов,
От вербовых дров,
От козьего козюха. (LXIV)

Молитва эта аналогична пословице, идущей от крепостных времен: „Недосол на столе, пересол на спине“.

Упоминается и о солдатчине тех времен, когда служба продолжалась 25 лет:

В деревеньке воют,
В солдатухи отдают.

Географические имена в детских песнях встречаются очень редко. Чаще всего упоминается Москва, затем Киев, Казань, изредка Литва и Польша.

Поехали в Москву.
Москва-то женилась,
Казань провалилась,
Литва покорила. (XIX)

В одной песенке упоминается Куликово поле:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Далеко ли летал.
— До Куликова поля
До матушкиного дома. (I, 77)

В одном из вариантов песни из вопросов и ответов, записанной в Витебской губернии, мы находим такой конец:

„А дзе тыя пані?“
— У войну паяжалі.
„А дзе тыя война?“
— Посередь Пялуны.

Плевна попала в песню, вероятно, после русско-турецкой войны 1877 года.

Приведем еще примеры исторических воспоминаний в детских играх. Вспоминаю, в детстве, в Тифлисе, брат мой и его товарищи, тогда гимназисты младших классов гимназии, играли в „Шамиля“. Эта игра приводится у Покровского (XXVII, 160), записана она в страницах Терской области. Участвующие в игре выбирают Шамиля, Гасингура, лазутчика и доказчика. Первые три прячутся, доказчик следит за ними, остальные дети, по указаниям доказчика, разыскивают спрятанных, о каждом найденном объявляется: „Шамиль в плену“, „Шамиль в руках“, и т. д. У Покровского приведены игры в „чеченцев“ и „черкесов“ — все это воспоминания об эпохе покорения Кавказа и борьбе с горцами.

В иностранной литературе, немецкой и английской, где имеется много трудов, посвященных детским песням и играм, приведено много примеров игр с историческими воспоминаниями. Так, например, в Шотландии дети в своих играх изображают до сих пор посвящение вассалов. Не мало такого рода игр приведено и в книге Вергана (XLI), Мы не сомневались, что сравнительное изучение детского фольклора даст много интересного материала и прольет свет на запутанные и неясные стороны в этнографических вопросах.

КНИГИ И СТАТЬИ, НА КОТОРЫЕ ДЕЛАЛИСЬ ССЫЛКИ В ТЕКСТЕ.

- I. В. П. Шейн. — Великоросс в своих песнях, обрядах и верованиях. Изд. Академии наук, 1898 г., т. I. Вып. I и II.
- II. Егo же. — Русские народные песни, ч. I. Изд. Общ. ист. и древн. Росс. 1870 г.
- III. Егo же. — Сборник народных детских песен, игр и загадок. Составил А. Е. Грузинский по материалам Шейна. Изд. журн. „Дет. Отдых“. М. 1898 г.
- IV. Г. С. Виноградов. — Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск. 1925 г.
- V. Егo же. — Детский народный календарь. „Сибир. Жив. Стар.“. Вып. II. 1924 г.
- VI. Егo же. — Детская сатирическая лирика. Изд. Вост. отд. Русск. геогр. общ. 1924 г.
- VII. Егo же. — Народная педагогика. Изд. Вост. отд. Русск. геогр. общ. 1926 г.
- VIII. К. И. Чуковский. — Лепые нелепицы. „Русск. Современ.“ 1924 г. № 4.¹
- IX. Е. И. Резанова. — Материалы по этнографии Курской губ. „Тр. Курск. Архив. Комис.“. В. I. Курск. 1911 г.
- X. И. П. Хрущов. — О материалах по этнографии уличной жизни детей в г. Лаишеве. „Изв. Русск. геогр. общ.“, т. XXI.
- XI. Е. А. Авдеева. — Из воспоминаний. „Отеч. Зап.“, т. 63, 1849 г., № 4.
- XII. И. П. Сахаров. — Песни русского народа. Спб. 1839 г., ч. IV.
- XIII. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Изд. Общ. люб. рос. слов. при Моск. универ. В. I. 1911 г.
- XIV. А. Терещенко. — Быт русского народа, ч. III и IV. 1848 г.
- XV. Журнал „Подснежник“ 1858 г. № 1.
- XVI. Журн. „Звездочка“ 1863 г. LXXXIII т.
- XVII. К. Д. Ушинский. — Руководство к преподаванию по „Родному слову“, ч. I.

¹ Во время печатания нашей книги вышла книга К. Чуковского „Маленькие дети“, изд. „Красн. газ.“ 1928 г. В нее вошла статья „Лепые нелепицы“.

- XVIII. Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы 1862 г. Педагогические сочинения Л. Н. Толстого. Изд. „Школа и жизнь“. 1915 г.
- XIX. П. Бессонов. — Детские песни. 1868 г.
- XX. Его же. — К вопросу о собирании и издании памятников народного песнотворчества. М. 1896.
- XXI. М. Де-Пуле. — Детские песни Бессонова. „Санктпетербургские ведомости“ 1868 г., среда 24 апр. № 110.
- XXII. Биографии Шейна: 1) Д. Ф. Миллер. — Памяти Шейна. „Этн. обзор.“ 1900 г., кн. 3. 2) Л. Е. Грузинский. — Шейн. „Журн. мин. нар. просв.“ 1900 г. № 12. 3) Б. Соколов. Собиратели народных песен. Изд. Думнова. 1923 г.
- XXIII. А. Можаровский. — Из жизни крестьянских детей Казанской губ. Казань. 1882 г.
- XXIV. В. Ф. Кудрявцев. — Детские игры и песни Нижегород. губ. Нижн. Новгор. 1871 г.
- XXV. А. В. Иванов. — Этнографические материалы, собранные в Куляновском уезде Харьковской губ. „Этн. обзор.“ 1897 г. № 1.
- XXVI. Е. Швидченко (Быстров). Святочная хрестоматия. Спб. 1903 г.
- XXVII. Д-р Г. А. Покровский. — Детские игры. 2-е изд. 1892 г.
- XXVIII. А. И. Соболевский. — Великорусские народные песни. 1895 г.
- XXIX. П. С. Ефименко. — Материалы по этнографии русск. насел. Арханг. губ. „Изв. Общ. ест., лит. и этн.“, т. XXX, в. 2. 1878 г.
- XXX. Н. Аристов. — Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж. 1875 г.
- XXXI. „Учитель“ 1862 г. № 11 — 12.
- XXXII. В. Н. Добровольский. — Смоленский этн. сб., ч. IV. М. 1903 г. Зап. Русск. геогр. общ. по отд. Этн. XXVII т. Дет. песни и игры. 472 — 498 стр.
- XXXIII. Б. М. Соколов. — Собиратели народных песен. Изд. Думнова. М. 1923 г.
- XXXIV. В. Жуковский. — Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии. „Журн. мин. нар. просв.“ 1889 г. № 1.
- XXXV. Б. и Ю. Соколовы. — Пованя деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. „Новая Москва“. 1926 г.
- XXXVI. Ф. И. Буслаев. — Сравнительное изучение народного быта и поэзии. „Русск. Вестн.“ 1872 г., т. 101.
- XXXVII. А. Ветухов. — Народные колыбельные песни. „Этн. обзор.“ 1892 г. №№ 1, 2, 3, 4.
- XXXVIII. Е. Ф. Карский. — Белоруссы. Т. III. Народная поэзия. М. 1916 г., стр. 225 — 235.

- XXXIX. В. Харузина. — Об участии детей в религиозной обрядовой жизни. „Этн. обзор.“ 1911 г. № 1 — 2.
- XL. Сборник программ школьных наблюдений над природой. Сост. комитетом по организации школьных наблюдений над природой под редакцией Глушкова. Пгр. 1922 г.
- XLI. Е. А. Звегинцев. — Родниоведение и локализация в школе. Гос. Изд.
- XLII. K. W. Herhan — Kinderlied und Kinderlied. Handbücher zur Volkskunde. Band IV. Verlag von Wilhelm Heima. Leipzig. 1909.
- XLIII. В. Харузина. — О родильных и крестильных обрядах в Олонецкой губ. „Этн. обзор.“ 1906 г. № 1.
- XLIV. А. Захаров. — Домашний и социальный быт женщины у закладских татар. Сборн. по опис. местностей и племен Кавказа. Вып. 21-й.
- XLV. Н. Попов. — Народные предания жителей Вологодской губ., Кадмик. уезда. „Жив. Стар.“ 1903 г., в. I и II.
- XLVI. Головацкий. — Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М. 1818 г.
- XLVII. Тиандер. — Обзор иностранной этнографической литературы. „Жив. Стар.“. 1896 г., в. III — IV.
- XLVIII. Н. Е. Оянчук. — Печерские стихи и песни. „Жив. Стар.“ 1907 г., в. IV.
- XLIX. А. Н. Соболев. — Детские игры и песни. Труды Владимирской архивной комиссии. Кн. XVI. Влад. 1914 г., стр. 1 — 48.
- L. Запись Н. А. Дилакторской в Тотемском уезде, Вологод. губ., в 1924 г.
- LI. Д. Успенский. — Родины и крестины в Тульск. губ. „Этн. обзор.“ 1895 г., № 4.
- LII. Румынские доины. „Жив. Стар.“ 1914 г., в. I и II.
- LIII. Записано Калининским в Архангельской губ., Онежском уезде. 1912 г. Из собрания П. К. Симони.
- LIV. П. Голубинский. — „Труды этногр. статистич. экспедиции в Зап. русск. край“. Материалы и исследования, т. IV. 1877 г.
- LV. Записано А. С. Мудровой в Вологод. губ., Тотемск. у., в 1923 г.
- LVI. The only true Mother goose Melodies. Boston. Lothrop. c. 1905.
- LVII. Г. Добряков. — Колыбельные песни. „Вести. Воспит.“ 1914 г. № 8, стр. 145 — 156.
- LVIII. Песенка получена нами от Н. Н. Бахтина в его переводе.
- LIX. В. Секретев. — Детские игры в Семикаракорской станице Донской области. „Вед.“ 1875 г. № 12, 14, 19.
- LX. Приложение к историко-этнографическим очеркам Сумского посада в Кемском уезде Архангельской губ. 1893 г.

- LXI. А. Балов. — Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде, Ярославской губ. „Этн. Обзор.“ 1890 г. № 3, стр. 90—115.
- LXII. Д. Садовников. — Этнографические материалы Поволжского края, „Симбирск. губ. вед.“ 1874 г. № 46.
- LXIII. Ф. Зобнин. — Усть-Ницкая слобода Тюменского уезда, Тобол. губ. „Жив. Стар.“ 1898 г., в. III—IV, стр. 320—28.
- LXIV. И. В. Бессараба. — Материалы для этнографии Херсонской губ. „Собр. отд. Русск. яз. и слов. Акад. наук, т. XCIV. № 4. Пгр. 1916 г., стр. 87—131.
- LXV. Диваев. — Как киргизы развлекают детей. „Этн. Обзор.“ 1908 г. № 1—2.
- LXVI. Meinhoff. Die Dichtung der Afrikaner. 1911.
- LXVII. *Shöne alte Kinderreime. Ausgewählt von Heinrich Wolgast. 17. Aufl. München.*
- LXVIII. Запись Е. И. Поповой в Вологодской губернии, Вельском уезде, и в Костромской, 1925 г.
- LXIX. Lina Eskenstein. Comparative Studies in Nursery Rhymes. Duck North. London. 1906.
- ✓ LXX. А. Балов. — Колыбельные и детские песни и прибаутки в Ярославской губ., Пошех. у. „Жив. Стар.“ 1901 г., в. I, стр. 116—120.
- LXXI. Я. Ильянский. — Свадебные причеты и детские песни, записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волостях, Пошехонского уезда. „Жив. Стар.“ 1896 г., в. II, стр. 226—241.
- LXXII. Запись В. Т. Ковелло на Мурмане летом 1926 г.
- LXXIII. Г. Потанин. — Этнографические заметки на пути от Никольска до Тотьмы. „Жив. Стар.“ 1899 г., в. II.
- LXXIV. Н. Добротворский. — Коляда во Владимирской губ. „Жив. Стар.“ 1898 г., в. III—IV, стр. 482—485.
- LXXV. Г. К. Зайвойко. — Верования, обряды и обычаи великоросов Владимирской губ. „Этн. Обзор.“ 1914 г. № 3—4, стр. 81—179.
- LXXVI. К. Уленбек. — Нидерландские народные песни. „Жив. Стар.“ 1883 г., в. II, стр. 178—210.
- LXXVII. Е. Ю. Шабад. — Живое детское слово. „Нов. Москва“. 1925 г.
- LXXVIII. А. Грэн. — Зырянская мифология. „Коми-Му“. „Зырянский край“ 1924 г. № 4—6.
- LXXIX. Курский сборник. Издание Курского губернии. статистич. комитета, в. IV. Матер. по этн. Курской губ., ч. III. Курск. 1903 г.
- LXXX. Запись А. Б. Васильевой в Псковской губ., Островского у. 1924 г.
- LXXXI. Байки, басенки, побасенки и скороговорки (Пермской губ., зап. Огарева в 1848 г.). „Зап. Русск. геогр. общ. по Отд. этн., т. I, 1867 г., стр. 662—670.
- LXXXII. А. Попова. — Детские игры и забавы в сибирской деревне. „Сиб. Жив. Стар.“. Сб. I. Иркутск. 1923 г.
- LXXXIII. Заметки по белорусской этнографии. „Жив. Стар.“ 1894 г., в. I.
- LXXXIV. Александров. — Грамотность и пьянство в Поморье. „Известия Арханг. общ. изуч. Севера“. 1911 г. № 8—9.
- LXXXV. И. Нечаев. — Игры и песенки деревенских ребят Лаишевского уезда, Казанской губ. „Жив. Стар.“ 1890 г., в. IV, стр. 214—226.
- LXXXVI. В. Н. Переф. — Заметки и материалы для истории русской песни в России. Спб. 1901 г., в. I—VII.
- LXXXVII. Х. Молотилон. — Говор русского старожиланого населения северной Барабы (Томской губ.). „Труды Томск. общ. изуч. Сибири“, в. I. Томск. 1913 г.
- LXXXVIII. А. Балов. — Материалы по народному языку, собранные в Пошехонском уезде, Ярославской губ. „Жив. Стар.“ 1899 г., в. II.
- LXXXIX. Г. Цейтлин. — Народные игры Поморья. „Изн. Арханг. общ. изуч. Русск. Севера“. 1911 г. № 13, стр. 7—21.
- XC. Записано М. В. Лихачевой в Псковской губернии, Островском уезде в 1925 г.
- XCI. К. Гросс. — Душевная жизнь ребенка. Киев. 1916 г.
- XCII. Детские игры в Олонедской губ. „Жив. Стар.“ 1890 г. № 1, отд. IV. Смесь, стр. 1—10.
- XCIII. А. Шустиков. — Народные игры в Кадниковском уезде. „Жив. Стар.“ 1895 г., в. I, стр. 86—100.
- XCIV. Fritz Iöde. Ringel, Rangel Rosen. 3 Auflage. Teubner. Leipzig. 1923.
- XCV. Записано П. М. Александровой в Тверской губ., Ржевского уезда, летом 1926 г.
- XCVI. К. Бюхер. — Работа и ритм. „Новал Москва“. 1923 г.
- XCVII. Н. Бартрам. — От игрушки к детскому театру. Изд. „Извест. Цик. СССР и ВЦИК“. Л. 1925 г.
- XCVIII. Игры детей на ост. Сахалине и в Петербурге. „Жив. Стар.“ 1906 г., в. I.
- XCIX. Е. Сорокина. — „Ангел и враг“. Дет. игра в Покровском уезде, Владим. губ. „Этн. Обзор.“ 1900 г., в. I.
- C. В. Тиханов. — Описание игр и игрушек Вятской губ. Пгр. Этн. отд. Общ. люб. естеств., антр. и этн., кн. IX, в. I, 1889 г.
- CI. Н. Иванович. — Материалы по этнографии Вологод. губ. „Извест. Общ. люб. естеств., антр. и этн.“, т. LXIX. „Труды Этн. Отд.“, т. XI, ч. I, 1890 г., стр. 156—164.
- CII. Д. Зеленин. — Великорусские сказки Вятской губ. 1915 г.
- CIII. Н. Е. Ончуков. — Северные сказки. Зап. геогр. общ. Спб. 1908 г.
- CIV. Н. П. Григорова. — Сказки Куприяники. Художественный фольклор. Орган фольклорной подсеции Госуд. акад. худож. наук. М. 1926 г., стр. 81—99.

- CV. И. Калининков. — О собирании сказок в Орловской губ. „Жив. Стар.“ 1913 г., в. III — IV.
- CVI. Татарские детские сказки. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 3. 1905 г.
- CVII. Зеленин. — Великорусск. сказки Перм. губ. Изд. РГО, т. XII. Пгр. 1914 г.
- CVIII. М. Едемский. — О собирании русских народных сказок. Ска-
лочная комиссия в 1924 — 25 г. Обзор работ в сказочн. комис.
под ред. С. Ф. Ольденбурга. Г. Русск. геогр. общ. Отд. Этн.
М. 1926 г.
- CIX. Сборник загадок для детей. „Жив. Стар.“ 1898 г., в. III — IV,
стр. 425 — 436.
- CX. Загадки и присловья крестьян Вологодской губ. „Жив. Стар.“
1903 г., в. IV.
- CXI. В. Мошков. — Гагаузы Бендерского уезда. „Этн. Обзор.“
1900 г., в. I.
- CXII. Н. Виноградов. — Заговоры. „Жив. Стар.“ 1907 г., в. IV.
- CXIII. М. Рыбникова. — Книга о языке. „Раб. Просвещ.“ 1925 г.
- CXIV. Мандельштам. — Об уменьшительных суффиксах русского
языка. „Журн. мин. нар. проз.“ 1903 г. № 7 — 8.
- CXV. Костоловский. — Народные поверья Ярославской губернии.
„Жив. Стар.“ 1916 г., в. III и IV.
- CXVI. Ф. Корш. — О русском народном стихосложении. Сб. Отд.
русск. яз. и словесности Акад. наук. Спб. 1901 г., т. LXVII.
- CXVII. В. М. Сергеева. — Влад. Иванович Даль. Материалы по
истории русской детской литературы. Изд. Инст. лит. внешк.
раб. отд. дет. чт. М. 1927 г., стр. 243 — 263.
- CXVIII. А. И. Никифоров. — Этнография в школе. Гос. изд. 1926 г.,
стр. 132 — 133.
- CXIX. Г. С. Виноградов. — Детский фольклор в школе. „Родной
язык в школе“ 1927 г. Сб. 2-й, стр. 52 — 66. Сб. 3-й, стр. 84 — 97
стр. 71 — 80.
- CXX. Franz M. Böhm e. Deutsches Kinderlied und Kinderspiel. Leipzig.
1897.
- CXXI. Henry Bett. Nursery Rhymes and Tales. Their Origen and History.
Methuen, London. 1924.
- CXXII. Записано в Твер. губ., Весьегон. уезда, Т. М. Ломаченковой
в 1927 г.
- CXXIII. Записи школьников Твер. губ., Бежец. уезда, с. Поречье, 1927 г.
- CXXIV. А. М. Смирнов-Кутачевский. Творчество слова в
народной сказке. Художеств. фольклор, в. II — III. М. 1927 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

От автора.....

стр.
3ГЛАВА I. Определение и состав детского фоль-
клора.

Выяснение термина. Носители детского фольклора. Детский быт и детская психика как два фактора, обуславливающие выделение детского фольклора в самостоятельную область. Естественный отбор произведений детского фольклора, отвечающих запросам детей. Возрастные группы. Фольклор, созданный специально для детей, заимствованный у взрослых и подвергшийся изменениям. Процесс перехода фольклора от взрослых к детям. Необходимость этого явления там, где фольклор живет в быту. Случайные заимствования детей у взрослых. Детский фольклор в среде городских детей.....

5

ГЛАВА II. Собираание детского фольклора.

Первые записи детского фольклора. Сахаров. Киреевский. Герещенко. 60-е годы. Фольклор в детских и педагогических журналах. Ушинский. Толстой. Сказки Авдеевой. „Детские песни“ Бессонова. Даль. Шейн. Детский фольклор в этнографических журналах и изданиях. Местные сборники детского фольклора. Момаровский. Кудряцев. Иванов. Сборники отдельных видов фольклора. Швидченко. Детские игры Покровского. Материалы по детскому фольклору народов России.....

11

ГЛАВА III. Изучение детского фольклора.

Причины, препятствовавшие изучению детского фольклора. Заметки о детском фольклоре. Статьи Ветухова, Карского, Харузиной, Чуковского. Интерес современности к изучению ребенка. Детский фольклор в программах для собирания. Труды Г. С. Виноградова по детскому фольклору. Детский фольклор в иностранной литературе...

23

стр.

ГЛАВА IV. Классификация детского фольклора.

Трудности классификации. Изменение в назначении песен. Терминология. Местные названия. Творчество взрослых для детей. Фольклор, бытующий среди детей. Виды его. Песни среды. Изменения и утрата детского фольклора . . . . .

29

ГЛАВА V. Колыбельные песни.

Назначение колыбельной песни. Происхождение ее. Колыбельные импровизации. Отражение национальности, среды, творческой личности носительниц колыбельных песен. Мир матери. Личные переживания. Будущее ребенка. Смерть ребенка. Мир ребенка. Песни о коте. О голубях. Крестьянский быт, работа. „Серый волчок“. „Бука“. „Сон и Дрема“. Исторические воспоминания. Песни книжного происхождения . . . . .

34

ГЛАВА VI. Пестушки, потешки, песенки и прибаутки.

Характерные черты этого вида детского фольклора. Выяснение терминов: пестушка, потешка. Песенки, сопровождающие хождение, бегание и другие движения ребенка. Песенки при подбрасывании и качании ребенка на коленях. „Ладушки“, „Сорока“. Забавы с пальцами и руками у других народов. Потешки. „Чей нос?“ и „Что в горбу?“ Песенки ласкательные, утешающие, запугивающие и др. Песенки о животных. Сказочки. Стишки. Импровизации.

53

ГЛАВА VII. Обращения к природе и животным. Обрядовые песни. Детский народный календарь.

Дегенерирование обрядов и повзвиз, связанной с ними, и переход в детскую среду. Обращение к дождю, радуге, солнцу. Обращение к птицам, насекомым, домашним животным. Звукоподражательные приговоры. Грибные песенки. Приговоры при купании. Песни и обряды праздничные. Весенние и летние. Святки. Новый год. Колядки и щедровки. Масляница. Детский народный календарь . . .

67

ГЛАВА VIII. Песни.

Песни без назначения. Их происхождение. Песни с вопросами и ответами. „Туру, туру, пастушок“, „Ай дуду, дуду, сидит ворон на дубу“. Содержание песен. Песни о еде. Быт и крестьянская работа. Дни недели. Амбула. Песни. Песни с пляской. Песни среды. Частушки . . . . .

85

стр.

ГЛАВА IX. Небыличьи перевертыши. Большие песни.

Небыличьи песни как особый жанр. Животные в небыличьих песнях. „Лепые нелепицы“ Чуковского. Небыличьи песни, наиболее распространенные среди детей. Животные, одетые как люди и исполняющие работу человека. Параллель со сказками о животных. Перевертыши. Большие песни. Взгляд Шейна. „Козел“, „Сова“, „Война грибов“, „Пойдем-ка, жenuшка“ . . . . .

99

ГЛАВА X. Дразнилки. Поддевки. Остроты.

Терминология этого отдела. Дразнилки в бытовой обстановке. Дразнилки традиционные и новые. Дразнилки на имена, внешность, внутренние качества, профессию и занятия, национальность. Поддевки, остроты . . . . .

108

ГЛАВА XI. Считалки.

Жеребьевки. Назначение считалок. Форма считалок. Заключительные слова. Считалки со счетом. Считалки с содержанием. „Первичники-дружнички“, „Перводан-другодан“. Считалки из отдельных слов. Считалки „заумные“. Происхождение некоторых выражений в считалках. Считалки книжного происхождения. Жеребьевки. . . . .

120

ГЛАВА XII. Игры.

Этнографический и педагогический интерес к играм. Теория Гросса. Сходство между играми разных народов. Этнографические различия в играх. Народные детские игры городских детей. Игры одиночные и общественные. Игры девочек и мальчиков. Сезонные игры. Игры возрастные. Классификация игр Гросса. Классификация Покровского. Обзор игр. Драматический и словесный элементы в играх физических. Сложные игры. Игры с юмористическим элементом. Элементарные хороводные игры. Хороводные игры, выродившиеся из культовых игр и свадебных обрядов. Игры-импровизации. Непосредственное подражание в играх. Отражение исторического момента в игрушках и играх. Роль игрушки в играх. Песни, приуроченные к играм с игрушками. Темы детских игр. Мир растительный, животный, птицы, насекомые, неодушевленные предметы. Быт. Героический элемент в игре. Игры в охоту, разбойников, воров. Отражение религиозных пережитков в играх. Народные драмы в детской среде . . . . .

130

ГЛАВА XIII. Сказки.

Невыясненность вопроса о детской народной сказке. Сказки, сочиняемые детьми. Рассказчицы детских сказок. „Ребячьи сказки“. Приспособление сказок взрослых для детей. Книжные влияния на детскую сказку. Наиболее популярные среди детей сказки. Песенки в сказках. Сказки в песенной форме. Кумулятивные сказки — русские и других народов. Присказки. Докучные сказки . . . . .

стр.

154

ГЛАВА XIV. Загадки.

Художественная ценность загадок. Загадки, записанные от детей. Загадки в детских песнях. Задачи и вопросы .

170

ГЛАВА XV. Скороговорки и каламбуры . . . . .

174

ГЛАВА XVI. Детские заговоры и гадания . . . . .

175

ГЛАВА XVII. Формы детского фольклора.

Совершенство форм детского фольклора. Детский язык. Детское словотворчество. Поэтический словарь детского фольклора. Детский язык, созданный взрослыми. Местные слова. Уменьшительные суффиксы. Поэтическое словотворчество детского фольклора. Особенности грамматических форм. Синтаксис. Стихосложение в детском фольклоре. Ритм и метр. Рифмы. Звукоподражания. Аллитерации и ассонансы. Эпитеты. Сравнения. Динамичность. Описания . . . . .

178

ГЛАВА XVIII. Культурные пережитки и исторические воспоминания в детских песнях и играх.

Отзвуки языческих верований. Названия сословий и профессий, исчезнувших из быта. Татарщина. Крепостное право. Географические названия. Исторические воспоминания в детских играх . . . . .

206

Книги и статьи, на которые сделаны ссылки в тексте . . . . .

213

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Имеются в продаже
КНИГИ О. И. КАПИЦА

Для детей младшего и среднего возраста

ЖИВАЯ ВОДА

Сборник материалов для рассказывания детям
младшего возраста

Стр. 198.

Ц. 90 к.

НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

Рисунки Спандикова.

Стр. 16.

Ц. 10 к.

ТАРАТОРКА

Народные потешки для маленьких
Рисунки Т. Глебовой.

Стр. 9.

Ц. 23 к.

★

СЛОВАРЬ РУССКОГО РЕБЕНКА

Материалы по развитию детского языка
Под редакцией и с предисловием Н. А. Рыбникова

Стр. 112.

Ц. 1 р. 15 к.

★

ИГРА И ИГРУШКА

Педагогический сборник
Под редакцией Н. А. Рыбникова

Стр. 76.

Допущ. ГУСом.

Ц. 60 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Вышла из печати
ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Методы изучения

Сборник статей под редакцией Н. А. Рыбникова

Труды Комиссии по детскому чтению Педологического отдела
Института методов школьной работы

Стр. 72

Допущ. ГУСом.

Ц. 75 к.

Содержание:

В. Артемов. — Естественно-экспериментальное изучение детского чтения.

М. Бернштейн. — Метод опроса в изучении читательских интересов.

А. Шуберт. — Метод тестов в изучении детского чтения.

Н. Рыбников. — Биографический метод в изучении детского чтения.

А. Коровенко. — Изучение читательских интересов детей по методу спроса. Методика собирания материала по свободному рецензированию прочитанных детьми книг.

Н. Осолоков. — Методика изучения темпа детского чтения.

★

Печатается

Л. Г. ОРШАНСКИЙ

**ДЕТСКАЯ КНИЖКА И ДЕТСКАЯ
ПСИХИКА**

★

Имеются в продаже

КНИГИ

Н. А. РЫБНИКОВА

Детские игрушки и их выбор. Стр. 32. Ц. 10 к.

Детские рисунки и их изучение. Стр. 48.

Язык ребенка. Стр. 84. Ц. 60 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА